

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

<https://doi.org/10.24866/2949-2580>
ISSN 2949-2580

Научный журнал

*Основан в 2023 году
Выходит 4 раза в год*

Учредитель и издатель:

690922,
г. Владивосток,
о. Русский,
п. Аякс, 10

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор),
свидетельство Эл № ФС77-85316 от 15 мая 2023 г.*

Главный редактор

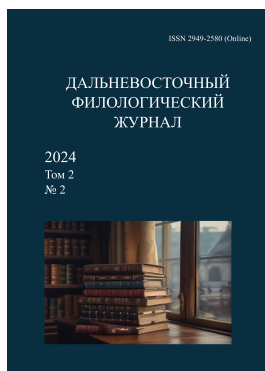
МОДИНА Галина Ивановна, доктор филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Заместитель главного редактора

НИКОЛАЕВА Ольга Васильевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Ответственный секретарь

ПИВОВАРОВА Екатерина Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ

Размещено на сайте 24.05.2024

FAR EASTERN PHILOLOGICAL JOURNAL

<https://doi.org/10.24866/2949-2580>
ISSN 2949-2580

Science Journal

Founder and Publisher:

Founded in 2023
Published 4 times a year

10 Ajax Bay,
Russky Island,
Vladivostok,
690922, Russia

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor),
certificate Эл № ФС77-85316 dated 15.05.2023*

Chief Editor

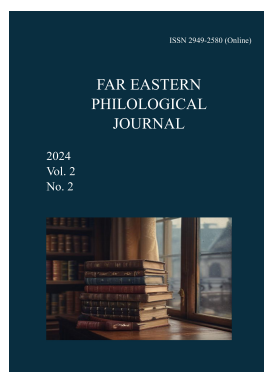
Galina I. MODINA, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Roman and German Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Deputy Chief Editor

Olga V. NIKOLAEVA, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Roman and German Philology, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Executive Secretary

Ekaterina V. PIVOVAROVA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Roman and German Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Editorial address:

FEFU Campus, 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia

Published on 24.05.2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЕВА Екатерина Викторовна	канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
БРЕСЛАВЕЦ Татьяна Иосифовна	канд. филол. наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ГАЙНУТДИНОВА Дарья Александровна	магистр, ст. преподаватель кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ГРИГОРЬЕВА Юлия Сергеевна	канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ЗАВЬЯЛОВА Виктория Львовна	доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КЕЙДУН Ирина Борисовна	доктор филол. наук, профессор кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КИСЕЛЕВА Мария Сергеевна	канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КОРНИЛОВА Людмила Евгеньевна	канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КОХАН Ирина Николаевна	канд. филол. наук, доцент Академического департамента английского языка Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
МИХЕЕВА Ирина Владимировна	канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
МОРЕВА Надежда Семеновна	канд. филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ПЕРВУШИНА Елена Александровна	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
СБОЕВ Александр Николаевич	канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
СТАРОДУМОВА Елена Алексеевна	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ХУЗИЯТОВА Надежда Константиновна	канд. филол. наук, профессор кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ШЕРЕМЕТЬЕВА Елена Сергеевна	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АЙ Хуэйжун	канд. филол. наук, доцент, Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
АВТУХОВИЧ Татьяна Евгеньевна	доктор филол. наук, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)
АЛЕКСАНДРОВА-ОСОКИНА Ольга Николаевна	доктор филол. наук, профессор кафедры литературы и журналистики педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия)
АНДРОСОВА Светлана Викторовна	доктор филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета (Благовещенск, Россия)
ВОЙТИШЕК Елена Эдмундовна	доктор ист. наук, профессор кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)
ИНЬКОВА Ольга Юрьевна	доктор филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Женевского университета (Женева, Швейцария).
КИРЕЕВА Наталья Владимировна	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск, Россия)
КРАЮШКИНА Татьяна Владимировна	доктор филол. наук, заведующая центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)
ЛЮ Чжицян	канд. филол. наук, доцент Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
ПИНКОВСКИЙ Виталий Иванович	доктор филол. наук, доцент кафедры литературы Северо-восточного государственного университета (Магадан, Россия)
САЙ На	канд. филол. наук, доцент, Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
СТОРОЖУК Александр Георгиевич	доктор филол. наук, профессор кафедры китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
УРМАНОВ Александр Васильевич	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск, Россия)
ХАЧАТРЯН Наталья Михайловна	доктор филол. наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры Ереванского государственного университета им. В. Брюсова (Ереван, Армения)
ШАПОВАЛОВА Татьяна Егоровна	доктор филол. наук профессор, заведующая кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета (Москва, Россия)

EDITORIAL TEAM

Ekaterina V. BONDAREVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Tatyana I. BRESLAVETS	Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Daria A. GAINUTDINOVA	Master, Senior Lecturer at the Department of Roman and German Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Yuliya S. GRIGORYEVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Irina B. KEIDUN	Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Nadezhda K. KHUZIYATOVA	Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Maria S. KISELEVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Irina N. KOKHAN	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Academic Department of English Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Lyudmila E. KORNILOVA	Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Roman and German Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Irina V. MIKHEEVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Nadezhda S. MOREVA	Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Roman and German Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Elena A. PERVUSHINA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Alexander N. SBOEV	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Elena S. SHEREMETYEVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Elena A. STARODUMOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Victoria L. ZAVYALOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Huirong AI	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Olga N. ALEXANDROVA-OSOKINA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Literature and Journalism, Pedagogical Institute, Pacific State University (Khabarovsk, Russia)
Svetlana V. ANDROSOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University (Blagoveshchensk, Russia)
Tatyana E. AUTUKHOVICH	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)
Olga Y. INKOVA	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, University of Geneva (Geneva, Switzerland)
Natalia M. KHACHATRYAN	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of World Literature and Culture, Yerevan State University named after V. Bryusova (Yerevan, Armenia)
Natalia V. KIREEVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Russia)
Tatyana V. KRAYUSHKINA	Doctor of Philological Sciences, Head of the Center for History of Culture and Intercultural Communication of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Zhiqiang LIU	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Vitaliy I. PINKOVSKY	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Literature, North-Eastern State University (Magadan, Russia)
Na SAI	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Tatyana E. SHAPOVALOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
Alexander G. STOROZHUK	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Alexander V. URMANOV	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Russia)
Elena E. VOITISHEK	Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

5.9.1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Панченко Т.Ф.</i> Мотив счастья в повести А. П. Чехова «Степь»	9
---	---

5.9.2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА

<i>Червякова Д.Ю.</i> «На берегу я сидел и удил...»: образ рыбака и мотив рыбной ловли в произведениях Джона Фаулза	17
<i>Лебедева А.М.</i> Феномен возвратной преемственности в японской литературе первой половины XX века (на примере произведений Танидзакэ Дзюньитиро «Лианы Ёсино» и «Мать Сигэмото»)	25

5.9.4. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Киселева М.С., Яковлева Е.С.</i> Принципы создания мужского образа в необрядовых лирических песнях Дальнего Востока	34
--	----

5.9.8. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Дыбовский А.С.</i> Элементы китайской грамматики в современном японском языке	43
<i>Цыганова В.В.</i> Интонационные ошибки в японской речи русских обучающихся на примере вопросительных высказываний.	58
<i>Чертушкина Е.В.</i> Важность понимания культурной картины мира японца для успешного освоения японского языка (на материале учебника “An Integrated Approach to Intermediate Japanese”)	66
<i>Одинцова А.П.</i> Использование каламбура как средства достижения юмористического эффекта в комедийных произведениях японской массовой культуры	76
<i>Тихоненко В.А.</i> Культурный код в корейских идиомах с компонентом-соматизмом «нос».	89
<i>Курмачева Е.О.</i> Сравнение фрейма «преподаватель» в русской и китайской языковых картинах мира (на материале ассоциативного эксперимента).	94

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА. ПЕРЕВОД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Корнилова Л.Е.</i> Новые страницы из жизни вице-адмирала Г.Ф. Эрсмана (перевод с немецкого языка).	103
---	-----

ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ ОПЫТЫ

<i>Брезгина А.Э., Завьялова В.Л.</i> Проблемы восприятия речи с признаками иноязычного акцента в современной англоязычной коммуникации	114
<i>Красковская А.И., Аксенова К.С.</i> Репрезентация информационного содержания концепта «тайга» в повести С.М. Салинского «Птицы возвращаются в сны».	125
<i>Аксенова К.С., Красковская А.И.</i> Перцептивная составляющая образного содержания концепта «туман» в текстах Арсения Несмелова.	133

CONTENTS

5.9.1. RUSSIAN LITERATURE

<i>Panchenko T.F.</i> The Motif of Happiness in A.P. Chekhov's Story "The Steppe"	9
---	---

5.9.2. WORLD LITERATURE

<i>Cherviakova D.Y.</i> "I Sat Upon the Shore Fishing...": The Image of a Fisherman and the Motif of Fishing in the Works of John Fowles	17
--	----

<i>Lebedeva A.M.</i> The Phenomenon of "Retrospective continuity" in Japanese Literature of the First Half of the 20th Century (on the Example of "Arrowroot" and "Captain Shigemoto's Mother" by Tanizaki Jun'ichirō)	25
--	----

5.9.4. FOLKLORE STUDIES

<i>Kiseleva M.S., Yakovleva E.S.</i> The Principles of Creating a Male Image in Non-ritual Lyrical Songs of the Far East	34
--	----

5.9.8. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>Dybovsky A.S.</i> Elements of Chinese Grammar in Contemporary Japanese	43
---	----

<i>Tsyganova V.V.</i> Interrogative Intonation Errors in the Japanese Speech of L1 Russian Learners.	58
--	----

<i>Chertushkina E.V.</i> The Importance of the Japanese Worldview Understanding for Successful Japanese Learning (Based on the Textbook "An Integrated Approach to Intermediate Japanese")	66
--	----

<i>Odintsova A.P.</i> Usage of Japanese Puns as a Resource for Humorous Effect in Comedian Artworks of Japanese Mass Culture	76
--	----

<i>Tikhonenko V.A.</i> The Cultural Code in Korean Idioms with the Somatic Component "Nose".	89
--	----

<i>Kurmacheva E.O.</i> Comparison of the frame "Teacher" in the Russian and Chinese linguistic pictures of the world (on the material of the associative experiment).	94
---	----

PROBLEMS OF TRANSLATION. TRANSLATIONS AND COMMENTARY

<i>Kornilova L.E.</i> New Pages from the Life of Vice-Admiral G.F. Erdmann (Translated from German into Russian).	103
---	-----

FIRST SCIENTIFIC EXPERIENCES

<i>Brezgina A.E.</i> Problems of Foreign-Accented Speech Perception in Modern English Communication	114
---	-----

<i>Kraskovskaya A.I., Aksenova K.S.</i> Information Content Representation of the Concept "Taiga" in the Novel by S.M. Salinsky "Birds Return to Dreams".	125
---	-----

<i>Aksenova K.S., Kraskovskaya A.I.</i> The Perceptual Component of the Figurative Concept "Fog" Content in Arseny Nesmelov's Texts.	133
--	-----

Научная статья

УДК 821.161.1 (82.32)

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/9-16>

Мотив счастья в повести А.П. Чехова «Степь»

Татьяна Федоровна Панченко

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,

panchenko.tf@dvfu.ru

Аннотация. Произведения А.П. Чехова второго этапа творческой эволюции называют «бесфабульными», поскольку в них ослаблен внешний событийный компонент. Сюжетное движение авторской мысли организуется не за счет смены действий, а благодаря развернутой системе повествовательных мотивов, инвариантным из которых в повести «Степь» является мотив дороги, обладающий валентностью и способностью имплицировать определённый набор «привходящих» мотивов. Цель настоящего исследования – рассмотрение художественной реализации мотива счастья, для чего автор анализирует его лексическое и смысловое наполнение в связи с образом центрального героя повести – Егорушки и природными образами.

Ключевые слова: А.П. Чехов, повесть «Степь», мотив, сюжет, система образов, счастье

Для цитирования: Панченко Т.Ф. Мотив счастья в повести А.П. Чехова «Степь» // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 9–16.

Original article

The Motif of Happiness in A.P. Chekhov's Story "The Steppe"

Tatiana F. Panchenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Literature, panchenko.tf@dvfu.ru

Abstract. The works of A.P. Chekhov of the second stage of creative evolution are called “fableless”, since the external event component is weakened in them. The plot movement of the author's thought is organized not through a change of actions, but thanks to an expanded system of narrative motifs, the invariant of which in the story “The Steppe” is the road motif, which has valence and the ability to imply a certain set of “incoming” motifs. In this regard, this study aims to consider the artistic implementation of the happiness motif, for which the author analyzes its lexical and semantic content in connection with the central character of the story Yegorushka and nature images.

Key words: A.P. Chekhov, story “The Steppe”, motif, plot, system of images, happiness

For citation: Panchenko T.F. The Motif of Happiness in A.P. Chekhov's Story “The Steppe”. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 9–16. (In Russ.).

Чеховские тексты – сложные, «ёмкие» и «непокорные», их необходимо изучать частями, исходя из «конкретного анализа его творчества», не пропуская «мелких частностей» [4, с. 241–243], о которых говорил А.П. Чехов. Такими высокоинформативными, семантически нагруженными «частностями» можно считать мотивы, с помощью которых писатель кратко и точно передаёт свое восприятие мира, систему нравственных и эстетических ценностей.

Цель настоящего исследования – анализ реализации мотива счастья в повести «Степь». Достижению поставленной цели способствует решение ряда **задач**: дать определение категории «мотив», выявить все лексические дефиниции, эксплицитно и имплицитно выраженные в произведении, рассмотреть смысловое наполнение мотива в сюжете, определить роль мотива для понимания образа Егорушки и повести в целом.

Александр Петрович Чудаков, создавший периодизацию творчества писателя, определяет начало второго этапа с 1888 года, когда была написана «Степь» и другие «серьёзные рассказы» и повести, в основе которых – размышления над вопросами бытия, «внешне» скрытыми и лишь имплицитно «угадываемыми», поскольку способом их реализации являются мотивы: бытийные (экзистенциальные), предметные и лирические. Мотивы представлены в связях друг с другом, образуют мотивные ряды, что объясняется важным для творческого метода писателя принципом «индивидуализации каждого отдельного явления», по словам Владимира Борисовича Катаева [1, с. 92], особым чеховским психологизмом, содержательной значимостью каждого явления материального мира, который не может быть исключен, устранён из его поля зрения, а также неповторимым колоритом произведений, их настроением, тональностью.

В настоящей статье под **мотивом** понимается *минимальная, повторяемая, структурно-семантическая единица художественного целого, связанная с героем, его рефлексией, обладающая валентностью, т. е. способностью организовывать «открытый незавершённый ряд мотивов»*. Под мотивным рядом понимается совокупность вариантов одного мотива [2, с. 8].

Годом ранее, в 1886–1887 годах, А.П. Чехов, художественно исследуя обыкновенную жизнь обыкновенных людей, вышел на новаторский уровень философского обобщения характеров при отсутствии внешнего действия, что отражено в рассказе «Счастье», в котором названная коннотация становится ведущей темой и образом на фоне общей так называемой «бесфабульности». Понятие «счастье» осмыслено в произведении как неоднозначное, то есть имеющее и «тело», и «душу», материальный и идеальный смыслы. В значении слова «счастье» присутствуют, по мысли польского философа, эстетика, искусствоведа Владислава Татаркевича, «два семантически неразложимых признака – «семантических примитива»: «желание» и «благо». Счастье связано с мечтой, идеалом как духовными составляющими и богатством, достатком как материальным условием осуществления мечты. «Счастье» – понятие гибридное, оно объединяет предметные области «состояний дел» и «состояний духа», то есть «внутренний» и «внешний» миры человека, микрокосм и макрокосм, душу и тело, и уже в силу этого оно обречено на семантическую нечёткость, отсутствие резких концептуальных границ и дефиниционную неопределенность: «счастье – понятие трудное, для многих неопределенное и туманное» [3, с. 282].

Мысли о счастье будоражат сознание, изменяют героев чеховского произведения «Счастье»: старого и молодого пастухов, объездчика Пантелея. Наибольшее воздействие история о «зарытом кладе», дорогу к которому никто не ведает, произвела на молодого пастуха, который в финале «стоял, весь преображенный» и сумел по-новому увидеть рассвет и ощутить красоту Божьего мира. Счастье героями произведения познается в «дороге», в «пути». Оно не

приходит в обычной ситуации, для его обретения героям необходимо ощутить временной сдвиг, чтобы соединились «земля» и «небо», «сиюминутное» и «вечное».

Исследуя какую-либо тему, А.П. Чехов обычно задает два вектора, чтобы мотивы, организующие пространство размышлений, определялись попарно: «казалось» – «оказалось», «тогда» – «ныне», «счастье» – «несчастье».

В «Степи», имеющей подзаголовок «история одной поездки», ведущим, композиционно обрамляющим является мотив дороги: девятилетний мальчик Егорушка по воле матери, желающей «осчастливить сына», едет с оказией в город поступать в гимназию. Однако мальчик, не понимая ее намерений, плакал и «чувствовал себя в высшей степени *несчастливым человеком...*» [5, с. 74]. Его попутчиками являются два обитателя уездного города N – дядя по матери Иван Иванович Кузьмичов и отец Христофор Сирийский, настоятель N-ской церкви. В финале мальчик по-прежнему бессознательно «почувствовал, что <...> для него *исчезло навсегда, как дым <...> то, что <...> было пережито <...>*, и горькими слезами приветствовал новую, неведомую жизнь, которая *теперь начиналась* для него. Какова-то будет эта жизнь?» [5, с. 165]. Между этими двумя сюжетными «точками» и находится диапазон «счастья / несчастья» в повести «Степь».

Основным приемом постижения смысла повести выберем названный Г.А. Гуковским (вслед за автором) «целостным» сюжетный прием. В экспозиции наметим две ипостаси реализации мотива счастья: «внешнюю», связанную с прямыми высказываниями попутчиков Егорушки, других персонажей, и «внутреннюю» – назовём её условно «авторской». Первая сторона мотива тоже имеет несколько вариантов: явно «практическую» («прагматическую», возможную без всякой «учёности») определенность – её формулирует Кузьмичов, и другая сторона – счастье как благо, связанное с верой, добром – её формулирует о. Христофор. Другие вариативные формы рассмотрим по ходу сюжета. «Внутренняя» ипостась мотива имплицитно присутствует во всей повести и прямо не выражена, но ощущается в авторских описаниях природы, а также в постепенно открывающихся Егорушкой жизненных смыслах, что передано через перетекание прямой авторской (повествовательной) речи в речь Егорушки, использованием «несобственно-прямой речи». Именно она создаёт мотивные ряды и демонстрирует валентность мотива.

Мальчик в начале повести является только объектом рассуждений взрослых: он пассивен, покорен воли матери, которая отправила его в путь-дорогу. Разговор Кузьмичова и отца Христофора в экспозиции произведения происходит без участия Егорушки, они сами решают, может ли быть от учения «польза» и в чём конкретно она выражается: «...ежели все пойдут в учёные да в благородные, тогда некому будет торговать и хлеб сеять» (Кузьмичов) противопоставлена точке зрения о. Христофора: «а ежели все будут торговать и хлеб сеять, тогда некому будет учения постигать» [5, с. 76]. Позиция матушки Ольги Ивановны сближена с позицией о. Христофора, но слово «осчастливить» представлено в речи Кузьмичова. Тем самым, оставляя спор героев без авторских комментариев, но используя тема-ремную антитезу, Чехов включает в него и Егорушку, и читателей. Необходимость «хлеб сеять» и «учения постигать» очевидна для жизни.

Между тем вокруг путников «расстилалась <...> широкая, бесконечная равнина <...> солнце уже выглянуло ... и тихо, без хлопот принялось за свою работу... и вдруг вся широкая степь сбросила с себя утреннюю полутьму, улыбнулась и засверкала росой» [5, с. 76]. Никто из путешественников не обращает на это внимание: кучер Дениска зазевался на сонную,

лежащую на возу с сеном девку, взрослые молчали, а Егорушка видел «всё одно и то же – небо, равнину, холмы» [5, с. 77], которые не вызывали в нем восторга.

В авторской речи появляется образ одинокого тополя, очеловеченного красавца, развивающего мотивный ряд о счастье: «Счастлив ли этот красавец?» Образ дерева вписывается в вечное время (лето, зима, осень – вся жизнь), которое вместе с безграничным простором степи расширяют хронотоп произведения, превращая единичный (частный) случай в предмет философского раздумья. Красота тополя соотносится с веселой работой косарей, среди которых выделяется одна баба, засмотревшаяся на кумачовую рубашу Егорушки.

Думается, неслучайно динамика авторского взгляда останавливается на Егорушке: красота, величие и сложность жизни ему раскроются постепенно. Во время дальнейшего путешествия он почувствует в мельничном ветряке колдовские чары, потом «услышит очень ласковое журчание» другого воздуха [5, с. 80], и «игру кузнечика на своей скрипке» [5, с. 83], и «тихое пение» женщины, будто пение самой травы [5, с. 84]. Мальчик как будто постепенно растворится в жаркой природе, сольется с ней, видя, как закачалась «лиловая даль и вместе с небом понеслась куда-то еще дальше», как «она потянула за собою бурую траву, осоку, и Егорушка понесся с необычайною быстротою за убежавшею далью» [5, с. 86]. Какая-то сила бесшумно влекла его куда-то. Знакомство с мальчиком Титом, засмотревшимся на красную рубашку Егорушки, прыжки наперегонки на одной ноге с Дениской – эта детскость тоже следствие той красоты жизни, которая открылась мальчику впервые, в то время как взрослые спали, пережидая жару. Остановка в дороге очень важна: после нее мальчик уже не безразличен к степи, он фантазирует, воспринимает ее как живую.

Другая остановка на постоялом дворе вновь актуализирует мотив счастья, воспринимаемый хозяином как желанная встреча, то есть развивает мотивный ряд: «И такой сегодня для меня счастливый день!» [5, с. 91, 95]. Настроение хозяина, непрестанно радостно восклицającego, взвизгивающего, «ужасающегося», улыбающегося мучительно-сладкой улыбкой, контрастно надписи «Равнодушные человеков» под засиженной мухами гравюрой в его доме. Его счастье – в большой семье, в которой он уже «достиг предела своей жизни <...>. Дочек за хороших людей определил, сынов в люди вывел и теперь свободен, свое дело сделал, теперь хоть на все четыре стороны иди» [5, с. 95]. Его представление о счастье материальное. Однако то, что увидел Егорушка в его доме, что услышал (иногда подслушал), дает много пищи для размышлений о жизни. В главе содержится множество идеологических, национальных, нравственных, социально-исторических проблем, воспринятых детским сознанием без понимания и представленных на уровне вопросов: почему человек, ничего из себя не представляющий («ощипанная фигура» Соломона), презирает всех? Сколько на «кучу» денег можно купить бубликов? Почему священники становятся купцами? Почему гостиничный пряник вкуснее «леденцов и маковников»? Можно ли сменить веру? Почему некоторым «не нужны ни деньги, ни земля, ни овцы, и не нужно, чтоб... боялись»? Почему от женщин пахнет величием? Кто этот таинственный Варламов, необходимый даже красивой графине? И кто такие ляхи, евреи? Всегда ли необходимо «кружиться день и ночь», чтобы достичь благополучия? [5, с. 99–104]. На эти и другие вопросы у мальчика нет ответов, но есть желание их получить – а это тоже следствие расширения детского кругозора, обретенного в дороге.

К этому же этапу «взросления» отнесем тот факт, что мозг Егорушки учится удерживать «сказочные, фантастические образы» [5, с. 105], а не только привычные, земные, видимые реалии. Особенное обострение чувств приходит вечером и ночью, когда «во всем начинают

чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни <...> И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознаёт, что она одинока, что богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные» [5, с. 107]. Мотив пения вливается в мотив счастья. Радость и горечь, торжество и тоска, вдохновение и гибель сливаются в единой эмоции. Именно после этого «освоенного состояния» происходит своего рода жизненная развилка: до этого Егорушка ехал вместе с дядей и о. Христофором, сейчас их дороги расходятся. Чехов как бы готовит мальчика и читателей к пониманию необходимости одиночества для познания жизни. Степь одинока, Егорушка остался наедине с чужими людьми, ему одному приходится думать о серьезном – о богатырском [5, с. 109]. Дорога становится совершенно иной: «местность не походила на вчерашнюю», «даль туманилась» [5, с. 108], становилось «непонятно и странно» [5, с. 109].

Риторические созерцательные вопросы: «Кто по ней ездил? Кому нужен такой простор?», «Хорошо ли душе в степи?» сменяются нравственным: «Зачем Дымов убил ужака?», показывающим, что Егорушка растет в дороге – замечает других людей, учится с ними общаться, наблюдает за поведением разных «подводчиков» (стариком Пантелеем, Кирюхой, Емельяном, Василием, Дымовым), узнаёт простой быт простого народа, умеющего есть из одного котла, способного на совместный труд для общего дела. Неслучайно здесь появляется упоминание мотива счастья в необычном значении – как о признаке глупости. Это замечание сделано как бы вскользь, даже не в связи с персонажами, как-то связанными с Егорушкой. «Счастливец» назван чернобородый погонщик, «в голосе и смехе которого чувствовалась непроходимая глупость»: он не остановил Дымова, убивающего «змея», а разразился басыстым, кашляющим смехом» [5, с. 112]. Категория счастья тоже предстает с разных сторон. С одной стороны, мальчик ощущает себя «ломоносовым», едущим за учением, которое его прославит, с другой – он все еще «паничок», барин, а не один из «погонщиков». Таким образом он готовит себя к учению, но сначала учится вести себя в церкви, самостоятельно тратить деньги (пока, конечно, на семечки и сладости) и снимать шапку перед приемом пищи. В его детском сознании происходит понимание людей как добрых и злых, и рождается желание сотворить какое-нибудь зло против «озорника» Дымова [5, с. 126]. Его сознание пока сродни природе, поэтому вступает в силу закон «око за око».

Если социальные отношения вызывают противодействие Егорушки, то с миром природы он все больше срастается. Образ неба, увиденного глазами мальчика, соединяет «земные» и «фантастические» наблюдения, в которых сливаются два голоса – автора и Егорушки. «Звёзды, глядящие с неба уже тысячи лет, само непонятное небо и мгла, равнодушные к короткой жизни человека, когда остаёшься с ними с глазу на глаз и стараешься постигнуть их смысл, гнетут душу своим молчанием; приходит на мысль то одиночество, которое ждет каждого из нас в могиле, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной» [5, с. 126]. Эта авторская повествовательная речь комментируется детскими воспоминаниями об умершей бабушке с медными пятаками на глазах, о воображаемой будущей смерти мамы, о. Христофора, графини Драницкой и Соломона, и мечтами о собственной вечной жизни: «лично для себя он не допускал возможности умереть и чувствовал, что никогда не умрет» [5, с. 127]. Появляется много деталей, символических знаков: могильный крест, напоминающий о необходимости выбора, костер как свет и тепло от единения душ (вероятно, здесь намечена связь с будущим рассказом «Студент»). Пока становится ясно: все самые важные выводы человек делает самостоятельно, в одиночку.

Мотив счастья развивается с появлением влюбленного и счастливого человека Константина, «счастливого до тоски», выражающего «томительное счастье» [5, с. 138]. После его вдохновенных рассказов о счастливом состоянии влюбленности всем тоже хотелось счастья, но эта мечта вызвала только «скуку». И здесь обратим внимание на необычное соединение разных эмоций в сознании не только Егорушки, но и взрослых мужиков: «озорник» Дымов вдруг запел жалостно; потерявший голос бывший певчий дьяк Емельян зашевелил пальцами, попросил спеть что-нибудь божественное и когда никто не поддержал, сам беззвучно «запел» руками, головой, дыханием; диким голосом запел Кирюха, степное эхо «подхватило и понесло». Позже «скукой» от однообразной жизни Дымов объяснит причину своего зла (убийство ужа). Только счастливый Константин не замечал «скуки», он пошел на другой огонек, чтобы «поведать чужим людям о своем счастье» [5, с. 140]. Мысль автора, что счастьем необходимо делиться, оно не может принадлежать только одному, счастье должно быть общим, одним на всех, нами было обнаружено в одноименном рассказе «Счастье», созданном двумя годами ранее.

Мы упомянули об амбивалентных мотивных связях в произведениях Чехова. Так и здесь: огонь костра, сблизяющего людей, позволяющего им чувствовать локоть друг друга, «горячо жжёт» [5, с. 143]. Летнее тепло становится «духотой», страстное желание Егорушки наказать «забавника» – оскорблением, месть – проклятием и призывом к избиению Дымова. Совершая этот единственный самостоятельный поступок, Егорушка испытывает психологическое потрясение: трясется, топает ногами, заливается слезами – ему стыдно совершенного, он переживает отчаяние, жалеет себя, ощущает брошенным на произвол судьбы, желает убежать назад, но в то же время страшится придорожных могильных крестов.

Так Егорушка проходит «крещение» (инициацию) взрослением. Под стать его состоянию и погода: бешеный ветер гнал черные тучи, звезды нахмурились, вихри увлекали с земли пыль, залеплявшую глаза. Единственное, что видел Егорушка, прятаясь от непогоды под рогожей, была «большая дорога до самой дали» как нечто предначертанное самой судьбой, неизбежное и данное свыше [5, с. 146]. Активность героя словно замирает: Егорушка не может повернуться, чтобы закрыть колени, которые мгновенно стали мокрыми. Все происходит «вдруг», «нечаянно», «страшно», «зловеще». Егорушка простудился и заболел. В бреду, оказавшись в «маленьком хлевике», жалел себя, сопоставляя с промокшим и испорченным новым и дорогим пальто – «оба брошены на произвол судьбы <...>, им уже больше не вернуться домой» [5, с. 152]. Спокойный ответ мудрого Пантелея: «Ничего, скоро до места доедем. Оно ничего, согреешься» [5, с. 153] – воспринимается как вечная неотвратимость постоянных лишений на дороге жизни, на пути за счастьем.

Завершая историю одной поездки, Чехов не забывает о мотиве счастья. Только о нем говорит в конце повести о Христофоре, который «счастлив» тем, что «взял хорошую пользу на шерсти» [5, с. 155]. Он будто поменялся местами с Кузьмичовым, который подсчитывал лишь недополученную выгоду (как Яков Бронза в будущей «Скрипке Ротшильда»). Практическая польза сделала Христофора счастливым. Но внешне он остался все же священником: излечил Егорушку, сходил в церковь, принес болящему щедрый завтрак, дал наставление учиться и не забывать мать.

После лечения о Христофора мальчик чувствовал себя прекрасно, хотел бежать смотреть пароход на широкой реке. Преодолев болезнь, был готов к постижению новых впечатлений. Но широкий мир степи сузился до блуждания по узким улочкам города в поисках дома

подруги матери. Сожаление от закончившегося путешествия выражено во внутреннем размышлении Егорушки: «Прощай брочка!» [5, с. 160]. Дорога теперь не вызывает у него неприятных ассоциаций, которые были прежде. Ему хочется нового движения, лежать на возу, глядя в бесконечное небо, несмотря на духоту, грозу, болезнь... Путешествие закончилось, но движение жизни продолжается.

Кузьмичов, исполняя волю сестры, отвел Егорушку к Настасье Петровне и оставил в доме «за серым забором» [5, с. 161]. Торг оказался взаимовыгодным – десять рублей в месяц – и вполне устроил обе стороны. В повести происходит постепенное сужение пространства, оно «захлопывается», когда в комнате внимание мальчика привлекает «клетка со скворцом» [5, с. 163]. С ним, скорее всего интуитивно, сопоставил себя мальчик (деталь появляется в описании интерьера, показанного его глазами). Прекрасная степь, с запахами, дождями, новыми людьми сменилась закрытой квартирой и «бородавкой» на лице старухи. От этого Егорушке «было грустно, очень грустно!» [5, с. 164]. Так Егорушка остался в городе, не зная, какая она будет, его новая жизнь.

Таким образом, мотив счастья проходит через весь сюжет повести. Сюжетное движение по дороге и позволяет мотиву реализоваться. Счастье осознаётся как состояние самой жизни, но оно обретается в пути, познается теми, кто идёт, потому что категория счастья амбивалентна: мы отмечали его разные ипостаси, рассмотрели многообразные «оборачиваемости». Счастье и в узнавании самого себя, и в открытии новых человеческих отношений, и в возможности преодоления собственной «косности». Мотив счастья представлен в произведении и как намерение матери, и как практическая польза в дальнейшей / взрослой жизни, и как счастье одиночества, позволяющего понимать себя и других, а также размышлять, наблюдать, фантазировать, мотив счастья проявляется и в глупости / дурачестве, и в необдуманных поступках, мотив счастья показан и в любви, а также в тоске и печали о случившемся. Обобщая, можно отметить, что мотив счастья в повести А.П. Чехова «Степь» – это переживание моментов самой жизни. Мы отметили сходство в решении мотива счастья с одноимённым рассказом, а также наметили возможные модификации и развитие в позднейшем творчестве. Мотив счастья связан прежде всего с растущим героем повести, Егорушкой, его размышлениями о мире и себе самом. Мы отмечали разнообразные варианты мотива «счастья» и в других (этических) категориях добра и зла, веселья и скуки, радости и тоски, блага и горя, удовольствия и необходимости, пользы и безделья, учения как духовной пищи и работы, а также в связи с категориями веры и неверия, почитания и забвения, греха и раскаяния, очарования и разочарования, смерти и жизни и др. Этот ряд мотивов-антитез открыт, не завершён. Продолжение исследования видится в подробном рассмотрении связи мотива счастья с хронотопом произведения, рассмотрении связей-противоречий с гоголевскими мотивами, задающими ее композиционный хронотоп, а также позволяющими обнаружить внутреннюю авторскую систему мотивов, контекстно реализуемых в других произведениях, особенно с мотивом «казалось» – «оказалось», который получит развитие в более поздних произведениях писателя.

Список литературы

1. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 326 с.
2. Лишова Н.И. Мотив странствий в художественном дискурсе М.М. Пришвина: дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2012. 190 с.
3. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. 368 с.

4. Чехов А.П. Письмо Чехову Ал. П., 10 мая 1886 г. Москва // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 1. Письма, 1875–1876. М.: Наука, 1974. С. 241–243.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 7. 1888–1891. М.: Наука, 1985. 552 с.

References

1. Kataev V.B. Chekhov's Prose: Interpretation Problems. Moscow, Moscow University Press, 1979. 326 p. (In Russ.).
2. Lishova N.I. The Motif of Wandering in Artistic Discourse of Prischvin M.M. Thesis of PhD in Philology. Elets, 2012. 190 p. (In Russ.).
3. Tatarkevich V. On Happiness and Perfection of a Human. Moscow, Progress, 1981. 368 p. (In Russ.).
4. Chekhov A.P. A Letter to Chekhov Al. P., the 10th of May 1886 Moscow. *Full Collection of Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols. Vol. 1. Letters 1875–1876.* Moscow, Nauka Publ., 1974. P. 241–243. (In Russ.).
5. Chekhov A.P. Full Collection of Works and Letters: in 30 vols. Works: in 18 vols. Vol. 7. 1888–1891. Moscow, Nauka Publ., 1985. 552 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 26.01.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 30.01.2024

Принята к публикации / Accepted 07.02.2024

Научная статья

УДК 821.111

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/17-24>

«На берегу я сидел и удил...»: образ рыбака и мотив рыбной ловли в произведениях Джона Фаулза

Дина Юрьевна Червякова

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Старший преподаватель кафедры романо-германской филологии,

chervyakova.dyu@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению повторяющихся в творчестве Джона Фаулза мотива рыбной ловли и образа рыбака. На материале романа «Волхв», повестей «Башня из черного дерева» и «Туча» исследуются генезис отмеченного мотива и символический характер выделенного образа. Прослеживается аллюзивная связь возникающего в ключевых сценах мотива ужения рыбы с подобным мотивом из цикла средневековых романов о Святом Граале. Выявляется значение мотива рыбной ловли и образа рыбака в развитии инициальной темы и темы творчества в произведениях Фаулза.

Ключевые слова: Джон Фаулз, Король-Рыбак, Грааль, автор, творец, инициация, творчество, английская литература XX века

Для цитирования: Червякова Д.Ю. «На берегу я сидел и удил...»: образ рыбака и мотив рыбной ловли в произведениях Джона Фаулза // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 17–24.

Original article

“I Sat Upon the Shore Fishing...”: The Image of a Fisherman and the Motif of Fishing in the Works of John Fowles

Dina Y. Cherviakova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Senior Lecturer, Department of Roman and German Philology,

chervyakova.dyu@dvfu.ru

Abstract. The article examines the recurring motif of fishing and the image of a fisherman in the works of John Fowles. Based on the material of the novel “The Magus”, the stories “The Ebony Tower” and “The Cloud”, we explore the genesis and meaning of this motif, as well as the originality of the fishermen image. We found that this motif which appears in key scenes has an allusive connection to medieval Holy Grail romances and should be one of the elements of the initiation and creativity themes in the studied works.

Key words: John Fowles, Fisher King, Holy Grail, Author, Creator, Initiation, Creativity, XXth century English literature

For citation: Cherviakova D.Y. "I Sat Upon the Shore Fishing...": The Image of a Fisherman and the Motif of Fishing in the Works of John Fowles. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 17–24. (In Russ.).

В исследованиях, посвященных творчеству Джона Фаулза, не раз поднимался вопрос о свойственной его произведениям повторяемости и вариативности тем, мотивов и образов. Н.А. Смирнова, учитывая эту особенность творческого подхода писателя, метко назвала его поэтику «мерцательной» [5, с. 20], а весь корпус созданных прозаиком произведений увидела как единый «Большой текст»: «Речь должна идти не только об удивительно органичном тематическом единстве фаулзовских романов, но и о своеобразной "синергетической" системе его произведений, системе, части которой не просто тяготеют к некоему центру, но и постоянно, на разных уровнях соотносятся друг с другом, "самоорганизуются" в единое Целое, являющееся не результатом простого количественного сложения, а внутреннего структурного преобразования» [5, с. 20].

Среди таких «поблескивающих» то в одном, то в другом произведении Фаулза мотивов и образов привлекают внимание мотив рыбной ловли и образ рыбака. Впервые они возникают в романе «Волхв» (1965), а затем появляются на периферии художественного пространства сразу двух произведений, входящих в сборник «Башня из черного дерева» (1974): в заглавной повести и в завершающей книгу повести «Туча».

В одном из эпизодов упомянутого романа Фаулза рыбаком становится таинственный создатель психологического «метатеатра» Морис Кончис. Принадлежащая ему вилла Бурани – своеобразные театральные декорации, в которых, предлагая протагонисту урок самопознания, убедительно оживают рожденные воображением ее владельца сюжеты. Между двумя уроками-испытаниями Кончис предлагает Николасу Эрфе отправиться на лодке к берегу пустынного островка. И пока молодой человек, устроившись на скалистой плите, наслаждается отдыхом после морского купания, хозяин Бурани остается в лодке и, насадив на крючок белую тряпочку ("suspended a piece of white cloth on the end of a line" [13, p. 138]), ловит осьминогов: «Вот извилистое щупальце подползло и схватило наживку, за ним – другие, и Кончис принялся умело вытягивать осьминога из воды» <...> Вдруг Кончис поддел его острогой, перевалил в лодку, полоснул по брюху ножом и мгновенно вывернул наизнанку» [8, с. 144] ("Soon a sinuous tentacle slipped out and groped the bait, then other swift tentacles, and he began skillfully to coax the octopus up <...> Conchis suddenly gaffed it into the boat, slashed its sac with a knife, turned it inside out in a moment" [13, p. 138]).

О поучительном характере этой незначительной, на первый взгляд, сцены он сам говорит Николасу: «...действительность не имеет большого значения. Даже осьминог предпочитает иллюзию» [8, с. 144] ("You notice reality is not necessary. Even the octopus prefers the ideal" [13, p. 138]). По существу, в этот утренний «час проповедей и притч» ("the time for sermons and parables" [13, p. 139]) Кончис приоткрывает технику своего «метатеатра»: «поймать» нужного человека на приманку иллюзий и заставить непредвзято взглянуть на свое подлинное «я». На возможность метафорической интерпретации этого занятия он намекал и раньше. Во время своей первой «исповеди» Кончис, многозначительно указывая Николасу на фонарики лодок рыбаков, «лучащих рыбу» в заливе, говорил о «призванных» [8, с. 113] ("the elect" [13, p. 109]). Вот и Николас – «улов» рыбака Кончиса, не случайно взгляд этого странного человека пронизывает его, как «острога рыбину» [8, с. 130] ("like a trident through a fish" [13, p. 125]).

Иначе говоря, притчи и «спектакли» Кончиса ведут испытуемого к инициальной смерти и, словно пойманного осьминога, «выворачивают наизнанку», являя человеку не ту личину, что он буднично видит перед собою в зеркале, но подлинное «нутро».

В произведениях сборника «Башня из черного дерева» мотив рыбной ловли звучит менее отчетливо, но в своей мимолетности и в то же время нарочитой узнаваемости сильнее обращает на себя внимание. В заглавной повести он появляется в одной из важнейших сцен: Дэвид Уильямс, пишущий искусствоведческое предисловие к книге о художнике Генри Бресли, сам этот старый художник и обе живущие в его усадьбе девушки отправляются на пикник в Пэмпонский лес. Пикник устроен на значительном удалении от дома, близ озера, укрывшегося посреди древнего леса: *«Густые деревья, обступившие берега; ни дома, ни хижины вокруг; гладкая, словно зеркало, нежно-голубая в свете сентябрьского солнца вода»* [9, с. 92–93] (“The forest stood all around its shores, not a house in sight; the water a delicate blue in the September sunlight, smooth as a mirror” [12, p. 62]). Подобно тому, как островок усадьбы Бресли скрыт *«посреди океана огромных дубов и буков»* [9, с. 10] (“islanded and sundrenched in its clearing among the sea of huge oaks and beeches” [12, p. 5]), эта наиболее протяженная сцена расположена в композиционном центре повести, в обрамлении приезда Дэвида, камерных эпизодов в доме и саду и, наконец, сцены его отъезда.

В первозданной красоте этого уголка французской Бретани проступает истинная реальность, сама природа природы. Услышанная, уловленная и воплощенная в выразительных образах на протяжении многих веков творческой жизни человечества, она напоминает здесь о себе через многочисленные аллюзии – мифологические, литературные, живописные, кинематографические: библейский Эдемский сад и античная богиня-охотница Диана, рыцарский роман и «Старый Мореход» Кольриджа, полотна Гогена и «Смерть в Венеции» Висконти. И это «пространство мифа», где властвует «сейчас», вечное настоящее мира, становится своеобразным катализатором перерождения Дэвида. За несколько часов чудесного солнечного дня устанавливаются особые связи между ним и обитателями Котминэ, он чувствует, как *«все теснее и теснее затягивали узы, связавшие его с тремя совершенно чужими ему людьми; у него рождалось ощущение, что он знает их всех давным-давно»* [9, с. 115] (“but he felt drawn on into a closer and closer mesh with these three unknown lives, as if he had known them much longer” [12, p. 78]). Меняется и его восприятие действительности: *«День сегодняшний – это была реальность во всей ее полноте, день вчерашний и завтрашний обратились в миф»* [9, с. 115] (“Now was acutely itself; yesterday and tomorrow became the myths” [12, p. 78]). На берегу этого лесного озера, в атмосфере откровенности и доверительности, возникающей после того, как тремя молодыми людьми физически и метафорически были сброшены одежды, готовы отступить, сдать позиции притворство и фальшь обыденного существования. Два испытания – «огнем» [9, с. 89] первого вечера и озерной «водой» этого второго дня – Дэвид прошел успешно. Только последнего (третьего, и традиционно самого сложного) предложенного ему чуть позже испытания любовью он не выдержал: *«Он ошибся, он слишком поздно понял; там, у садовых ворот, когда она отстранилась, а он допустил это, промедлил; роковая нерешительность... преступление»* [9, с. 172] (“His crime had been realizing too late; at the orchard gate, when she had broken away; and he had let her, fatal indecision” [12, p. 121]).

И вот, почти в самом финале столь значимого эпизода в Пэмпонском лесу Дэвид различает *«далеко-далеко, на том берегу, в дальнем его конце, едва заметное движение, рыболов с удочкой, блеск забрасываемой лески, блекло-синее пятно куртки»* [9, с. 120] (“at the end of

the furthest vista there was a tiny movement, an angler, a line being cast, a speck of peasant blue” [12, p. 82]). Эта художественная деталь не получает никакого дальнейшего развития в повести, но обретает смысл в контексте «Большого Текста» автора. Оставим ее пока без комментария и перейдем к последнему из рассматриваемых произведений.

«Туча» – самое энигматичное произведение сборника. История рассыпается на отдельные миниатюрные сцены-зарисовки, повествование скользит от третьего к первому лицу и обратно. Фрагменты сиюминутных впечатлений открыто не названного повествователя (скорее даже, повествователей) переплетаются с лоскутками мучительных воспоминаний, принадлежащих, по всей видимости, Кэтрин. Сменяют друг друга глагольные повествовательные формы. Наконец, открытый финал позволяет читателю лишь догадываться о причине исчезновения героини, сквозь призму восприятия которой дана большая часть этой истории.

«Башня из черного дерева» открывает одноименный сборник, повесть «Туча» его завершает. В этих обрамляющих сборник произведениях много сходного. Место действия – Франция. Система образов ограничена небольшой компанией соотечественников писателя: четверо персонажей в первой, пятеро взрослых (Бел, Кэтрин, Салли, Питер, Пол) и трое детей (Том, Кандида, Эмма) – во второй. Возникает в повести «Туча» и сцена пикника: связанные родственными и дружескими узами персонажи направляются вдоль берега к живописному местечку, *«где склоны холмов круто наступают на речку, предупреждая о близости теснины; течение стремительнее, камни и заливчики; места, не поддающиеся обработке даже для французских крестьян»* [9, с. 376] (“where the hillsides come steep to the river, announcing the gorge ahead; the river faster, rocks and runnels; the land unfarmable, even by French peasants” [12, p. 278]).

Как и в повести «Башня из черного дерева», во время пикника появляется рыбак. Это происходит, когда маленькое сообщество обустраивается неподалеку от реки под отбрасывающим спасительную тень развесистым буком. С той стороны, откуда они пришли, из-за деревьев выходит *«рыболов, крестьянин <...> в резиновых сапогах, выцветшем комбинезоне, с обветренной багровой кожей, в старой соломенной шляпе с черной лентой; мужчина лет пятидесяти или около, солидный, безразличный к ним. На одном плече он несет параллельно земле длинное бамбуковое удилище, парусиновая сумка, выцветшие-бледно-зеленая – перекинута через другое»* [9, с. 379] (“a fisherman in rubber boots and faded blues, ruddy-skinned, an old straw hat with a black band; a man of fifty or so, solid, indifferent to them. He carries a long bamboo rod parallel with the ground over one shoulder; a canvas haversack, a bleached pale green, over the other” [12, pp. 254–255]). Незнакомец *«намерен порыбачить»* (“a peasant come fishing”) и невозмутимо проходит мимо замершей в неподвижности и ощущающей несомую им *«неясную опасность»* (“some obscure danger”) компании, неторопливо направляясь вверх по течению. Он солиден, серьезен и занят своим делом (“he has a function in the day”). А они виновато чувствуют свое *«вторжение в чужие воды»* (“trespassing in the water”) и, обмениваясь с ним коротким приветствием, по-французски желают ему *«хорошего улова»* (“bonne pêche” – фр.). Затем *«легкомысленные возвращаются к своим занятиям»* (“the frivolous ones turn back to their pursuit”), и только Кэтрин *«провождает взглядом синюю спину, пока та не исчезает»* (“watches the blue back till it finally disappears”) [12, p. 255].

Если в «Башне из черного дерева» рыбак лишь угадывался где-то на самом краю Котминэ, по ту сторону озера, отделяющего его от остальных персонажей подобно своеобразной

границе, то в «Туче» он получает довольно развернутую портретную характеристику, входит в мир героев и, пусть мимолетно, взаимодействует с ними.

Некоторые черты портрета рыбака из этой повести привлекают особое внимание. Во-первых, это человек «лет пятидесяти или около». Во-вторых, его голову увенчивает соломенная шляпа. Эти две детали неожиданно напоминают об авторе произведения, Джоне Фаулзе: в год выхода сборника в свет (1974) ему исполнилось сорок восемь лет, а соломенную шляпу с широкими полями можно увидеть на одной из самых известных фотографий писателя.

Одежда рыбака из повести «Туча» – точнее, ее цвет – тоже может служить своеобразным напоминанием о биографическом авторе. С одной стороны, в выделенном эпизоде упоминание синего оттенка вполне объяснимо на сюжетном уровне: рыболов – французский крестьянин в повседневной одежде, для которой этот цвет довольно обычен [4, с. 38]. В то же время, учитывая отчетливо звучащую в повести национальную тему (Англия – Франция), особое значение и метафорический характер трактовки темы Франции в творчестве Фаулза в целом [6], синий может быть и своеобразным знаком Франции, как важнейший национальный цвет этой страны [4, с. 81]. Но есть и еще одна возможная интерпретация. Она связана с тем, что синий к середине двадцатого века – прежде всего цвет униформы [4, с. 94]. В таком случае “faded blues” рыбака из повести «Туча» может напоминать и о форменной одежде, в том числе о цвете формы моряков английского военного флота, тем самым связывая образ рыбака с автором произведения: в юности Фаулз закончил училище, готовившее офицеров для британских военно-мирских сил, и в середине сороковых годов двадцатого И века чуть было не избрал военную карьеру [2, с. 10]. Характерно, что синий цвет одежды фигурирует и в двух других случаях. В «Башне из черного дерева» синий сполох – единственная деталь при описании того неизвестного, что забрасывает леску, а в романе «Волхв» Кончис при первой встрече с Николасом облачен во флотскую голубую рубашку (“navy-blue shirt” [13, p. 79]).

Повторяются и некоторые другие детали: в повести «Туча» и романе «Волхв» рыбаки – зрелые мужчины (в повести «Башня из черного дерева» издали виден только силуэт рыбака), а во всех трех произведениях рыболовы используют не сеть или вершу, но удочку.

Появление «автора» в тексте Фаулза не удивляет: несколькими годами ранее, в романе «Любовница французского лейтенанта» (1969), он уже вводил в романное действие его «создателя» – сначала как случайного попутчика Чарльза Смитсона, а в финале как импозантного импресарио, повелевающего ходом романного времени. оба раза этот эпизодический персонаж (мужчина «лет сорока», с окладистой либо щегольски подстриженной бородой) явственно похож на самого писателя, тождественность которому «всеведущий автор» в одной из отмеченных сцен признает открыто [10, с. 482].

«Вхождение» автора в текст «викторианского» романа Фаулза отчасти может быть объяснено данью У. Теккерю: подобно тому, как в романе «Ярмарка тщеславия» автор-кукольник «едва находит» себе местечко в карете между Джозом и мисс Шарп, автор-импресарио «Женщины французского лейтенанта» «сопровождает» собственного героя в поезде. Однако появление автора в романе «Волхв» и в сборнике «Башня из черного дерева» свидетельствует о том, что дело не только в стилизации или влиянии. Возможно, в творчестве Фаулза проявляется общая тенденция, свойственная литературе второй половины двадцатого столетия. В работе, посвященной проблеме постмодернистской исповедальности в английском романе, О.А. Джумайло обращает внимание на позицию А. Фоккемы, полагавшего, что подобный

прием «короткого замыкания» (появление автора в тексте романа в качестве персонажа), как и узнаваемые подробности биографии реальных авторов романов связаны со столь важными для литературы этого периода «темами возможности саморефлексии в слове, с поисками источников и утрат в творческом самовыражении, с рефлексией о возможности / невозможности мимесиса» [1, с. 12–13]. Наряду с тем прояснить смысловую сторону неожиданной связи эпизодического образа рыбака с фигурой автора позволяет и символический подтекст мотива рыбной ловли: именно на него намекает Кончис в романе «Волхв».

Для Фаулза значение имеет не столько христианская символика рыбака как «ловца человеков», сколько развитие этой метафоры в позднейшей европейской культурной традиции. Прежде всего в средневековых романах о поисках Святого Грааля. Именно этот пласт символики мотива рыбной ловли, на наш взгляд, особо значим для Фаулза. С традицией средневекового жанра *romance* связывают его творчество многие литературоведы [11, 14]. Сам он, предваряя комментарием включенный в сборник «Башня из черного дерева» собственный перевод бретонского лэ Марии Французской (XII в.), пишет, что жанр романа, да и в целом современная художественная литература, в значительной степени обязаны своим рождением куртуазной литературе [9, с. 189]. Кроме того, действие заглавной повести сборника не только разворачивается во французской Бретани, но предваряется эпиграфом из романа создателя куртуазного романа Кретьена де Труа (XII в.) «Ивейн, или Рыцарь со львом». Напомним, что именно этот средневековый автор вводит тему Грааля в европейскую литературу – сам магический предмет и связанные с ним персонажи впервые появляются в незавершенном романе Кретьена де Труа «Персеваль, или повесть о Граале» [3, с. 347]. Один их важнейших образов этого произведения – Король Рыболов. Так именуется он не случайно: впервые приблизившись к замку Грааля, Персеваль видит плывущую по реке лодку и в ней человека, удыщего рыбу: «Сидевший спереди в челне / Закинул удочку, на ней / Имея в качестве примана / Рыбёшку не крупней гольяна» [7, с. 112]. Рыболов – хозяин замка и служитель Грааля. Нанесенная ему некогда рана не позволяет принимать участие в обычных рыцарских забавах, а потому, как узнает Персеваль, чтобы развлечься и отвлечься от боли, король снова и снова отправляется на рыбалку.

Особо значимым для последующего развития темы Грааля стал возникший в «Повести о Граале» мотив бесплодия принадлежащей Королю-Рыбаку земли, в двадцатом веке мощно прозвучавший в знаменитой поэме Томаса Стернза Элиота «Бесплодная земля» («*На берегу я сидел / И удил, пустыня за моей спиной...*»). Аллюзии на эту поэму появляются во многих произведениях Фаулза. Отчетливо мотив бесплодия звучит и в сборнике «Башня из черного дерева»: в повести «Туча» место, где устроен пикник, подчеркнута каменистое и совершенно непригодно для обработки (“the land unfarmable”). В то же время в пейзажных описаниях заглавной повести, напротив, акцентировано плодородие владений Бресли и их окрестностей: «бьющее в глаза плодородие сельского края... сады, полные зреющих яблок» [9, с. 52] (“fecundity, his whole day through that countryside, so many ripening apples” [12, p. 31]).

В романе Кретьена де Труа плодородие или бесплодие земли Короля-Рыбака неразрывно связано с его физическим состоянием и зависит от «правильного» или «неправильного» поведения Персеваля. Традиционное завершение последующими авторами сюжетной линии молодого рыцаря, не доведенной до развязки Кретьеном де Труа, предполагает обретение им истинного знания, вторичное достижение замка Грааля, исцеление Короля-Рыбака и возвращение земле плодородия.

Таким образом, выстраивается следующая сюжетная схема: рыбак – владелец земли, плодородие которой зависит от его состояния и от результатов инициации героя. Применяв ее к анализируемым произведениям Фаулза, мы получим следующее: автор-творец художественного мира выступает в роли Короля-Рыбака, а его «земля» – это пространство создаваемого им текста. Так, в романе «Волхв» Кончис – творец того художественного мира, что выстроен им для Николаса на Фракосе. В этом смысле Кончис – «автор», а Николас – «читатель». Художественный мир «Башни из черного дерева» и «Тучи» тоже созданы автором – в данном случае самим Фаулзом. Оба, Кончис и Фаулз, «вторгаются» в свой «текст», акцентируя его созданность. И оба этим текстом «уловляют» своего «читателя», выстраивая для него инициальный лабиринт и создавая условия для индивидуации. В этом смысле автор и есть рыбак, с помощью «приманки» – тех или иных сюжетных ходов или отдельных художественных деталей – направляющий главного героя как «читателя» сотворенного мира-текста и одновременно с ним реального читателя произведения к главной цели инициации – самопознанию. Итак, образ рыбака в произведениях Фаулза – символическое воплощение автора-творца, забрасывающего тонкую леску с иллюзией – своим творением – на крючке. Он и Король-Рыбак, повелитель Бесплодной земли, и тот, кто дает герою и читателю импульс для начала его пути к постижению подлинного «я» и к возможной лишь при этом условии свободе.

Список литературы

1. Джумайло О.А. Английский исповедально-философский роман 1980–2000 гг.: дисс. ... докт. филол. наук: 10.01.03. Ростов-на-Дону, 2014. 395 с.
2. Дрейзин Ч. Введение // Фаулз Дж. Дневники 1949–1965. М.: АСТ, 2007. С. 7–18.
3. Забабурова Н.В. Кретьен де Труа и неразгаданные тайны Грааля // Труа, Кретьен де. Персеваль, или повесть о Граале / пер. со ст.-франц. Н.В. Забабуровой и А.Н. Триандафилиди. М.: Common Place, 2014. С. 338–377.
4. Пастуро М. Синий. История цвета: пер. с франц. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 144 с.
5. Смирнова Н.А. Эволюция метатекста английского романтизма: Байрон-Уайльд-Гарди-Фаулз: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.01.03. М., 2002. 49 с.
6. Толкачев С.П. «Франция современного писателя» Джона Фаулза, или о природе писательского творчества // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4(89). С. 485–487. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-489-485-487>.
7. Труа, Кретьен де. Персеваль, или повесть о Граале / пер. со ст.-франц. Н.В. Забабуровой и А.Н. Триандафилиди. М.: Common Place, 2014. 408 с.
8. Фаулз Дж. Волхв / пер. с англ. Б. Кузьминского. М.: Махаон, 2002. 704 с.
9. Фаулз Дж. Пять повестей: Башня из черного дерева. Элидюк. Бедный Коко. Энигма. Туча: повести / пер. с англ. И. Бессмертной и И. Гуровой. М.: АСТ, 2004. 444 с.
10. Фаулз Дж. Любовница французского лейтенанта / пер. с англ. М.И. Беккер, И.Б. Комаровой. СПб.: Азбука, 2001. 576 с.
11. Binns R. John Fowles: Radical Romancer // Critical Essays on John Fowles. Boston, Massachusetts, 1986. P. 19–37.
12. Fowles J. The Ebony Tower. London: Vintage, 1996.
13. Fowles J. The Magus. New York, Boston, London: Little, Brown and Company, 2001. 656 p.
14. Loveday S. The Romances of John Fowles. London: Palgrave Macmillan, 1985. 174 p.

References

1. *Dzhumailo O.A.* English Confessional Philosophical Novel. Thesis of PhD in Philology. Rostov-on-Don, 2014. 395 p. (In Russ.).
2. *Drazin Ch.* Introduction. In: *Fowles J.* The Journals. 1949–1965. Moscow, AST Publ., 2007. P. 7–18. (In Russ.).
3. *Zababurova N.V.* Chretien de Troyes and the Unsolved Mysteries of the Grail. In: *Chretien de Troyes.* Perceval, the Story of the Grail. Moscow, Common Place, 2014. P. 338–377. (In Russ.).
4. *Pasturo M.* Blue: The History of a Color. Moscow, New Literary Observer, 2017. 144 p. (In Russ.).
5. *Smirnova N.A.* The Evolving Meta-Text of English Romanticism: Byron-Wilde-Hardy-Fowles. Abstract of Thesis of PhD in Philology. Moscow, 2002. 49 p. (In Russ.).
6. *Tolkachev S.P.* “A Modern Writer’s France” by John Fowles, or Something about the Nature of an Author’s Creative Work. *The World of Science, Culture and Education*, 2021, no. 4(89), pp. 485–487. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-489-485-487>
7. *Troyes C. de.* Perceval, the Story of the Grail. Moscow, Common Place, 2014. 408 p. (In Russ.).
8. *Fowles J.* The Magus, Moscow, Machaon, 2002. 704 p. (In Russ.).
9. *Fowles J.* Five Novellas: The Ebony Tower, Eliduc, Poor Koko, The Enigma, The Cloud. Moscow, AST Publ., 2004. 444 p. (In Russ.).
10. *Fowles J.* The French Lieutenant’s Woman. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2001. 576 p. (In Russ.).
11. *Binns R.* John Fowles: Radical Romancer. *Critical Essays on John Fowles.* Boston, Massachusetts, 1986. P. 19–37.
12. *Fowles J.* The Ebony Tower. London, Vintage Books, 1996. 300 p.
13. *Fowles J.* The Magus. New York, Boston, London, Little, Brown and Company, 2001. 656 p.
14. *Loveday S.* The Romances of John Fowles. London, Palgrave Macmillan, 1985. 174 p.

Статья поступила в редакцию / Received 03.12.2023

Одобрена после рецензирования / Revised 19.02.2024

Принята к публикации / Accepted 09.03.2024

Научная статья

УДК 821.521

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/25-33>

**Феномен возвратной преемственности
в японской литературе первой половины XX века
(на примере произведений Танидзаки Дзюньитиро
«Лианы Ёсино» и «Мать Сигэмото»)**

Александра Михайловна Лебедева¹

Научный руководитель: **Лиала Юрьевна Хронопуло²**

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

¹ Магистрант, sashapevo@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0685-5298>

² Кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения Восточного факультета, l.khronopulo@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3734-3109>

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена возвратной преемственности в японской литературе первой половины XX века на материале двух произведений Танидзаки Дзюньитиро: «Лианы Ёсино» и «Мать Сигэмото». Подробно анализируются: культурно-исторический контекст произведений, особенности их структуры и стилизации, заимствования из японских литературных памятников и фольклора. Рассматриваемый феномен связывается с влиянием вестернизации Японии на ее литературный процесс. Выявляется особая важность «обращения к прошлому» в творчестве Танидзаки и становлении новой японской литературы.

Ключевые слова: возвратная преемственность, Танидзаки, «Лианы Ёсино», «Мать Сигэмото», новая японская литература, вестернизация, традиционные образы

Для цитирования: Лебедева А.М. Феномен возвратной преемственности в японской литературе первой половины XX века (на примере произведений Танидзаки Дзюньитиро «Лианы Ёсино» и «Мать Сигэмото») / науч. рук. Л.Ю. Хронопуло // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 25–33.

Original article

**The Phenomenon of “Retrospective continuity” in Japanese Literature
of the First Half of the 20th Century (on the Example of “Arrowroot”
and “Captain Shigemoto’s Mother” by Tanizaki Jun’ichirō)**

Alexandra M. Lebedeva¹

Scientific Advisor: **Liala Yu. Khronopulo²**

^{1,2} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ Master’s Student, sashapevo@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0685-5298>

² Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Japanese Studies, Oriental Studies Faculty, l.khronopulo@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3734-3109>

© Лебедева А.М., 2024

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of so-called “retrospective continuity” in Japanese literature of the first half of the 20th century. It’s based on two works by famous Japanese writer Tanizaki Junichirō: “Arrowroot” and “Captain Shigemoto’s Mother”. The research consists of analyzing cultural and historical context of the novellas; some peculiarities of their structure and stylization; and also references to legends and classical Japanese literature. The phenomenon of “retrospective continuity” is explained in relation to the impact of Japan’s modernization and westernization on its literary process and society. It also reveals the importance of “turning to the past” for the Tanizaki’s creative path and development of new Japanese literature.

Key words: retrospective continuity, Tanizaki Jun’ichiro, “Arrowroot”, “Captain Shigemoto’s Mother”, modern Japanese literature, westernization, traditional images

For citation: Lebedeva A.M. The Phenomenon of “Retrospective continuity” in Japanese Literature of the First Half of the 20th Century (on the Example of “Arrowroot” and “Captain Shigemoto’s Mother” by Tanizaki Jun’ichirō) / sci. adv. L.Yu. Khronopulo. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 25–33. (In Russ.).

В результате реформ Реставрации Мэйдзи в 1868 году в Японии, открывшейся для других стран после столетий почти полной изоляции, был запущен процесс стремительной модернизации с упором на вестернизацию, повлекший за собой колоссальные изменения во всех сферах жизни общества, включая литературу. К началу XX века в японской литературе возникло множество новых жанров и направлений. Основы литературы, способной ответить требованиям совершенно новой эпохи, заложены молодыми писателями, знакомыми с новой системой ценностей, получившими образование за рубежом или в созданных по европейскому образцу высших заведениях Японии [9, с. 101]. Они были вынуждены находить баланс между родной и чужой культурами, и в творчестве многих японских писателей нового поколения были периоды и подражания Западу, и «отката», то есть возвращения, переоткрытия и усвоения литературного наследия собственной страны.

Несмотря на неоспоримую важность данного явления для развития национальной литературы, феномен возвратной или ретроспективной преемственности и сама преемственность в литературе Японии первой половины XX века в отечественном японоведении остается недостаточно изученной. Кроме того, ввиду продолжающейся вестернизации Японии проблемы сохранения и продолжения традиций как в обществе, так и в литературе не теряют своей актуальности.

Преемственность является основой поступательного развития всех сфер человеческой деятельности, связывающей настоящее с прошлым и будущим, выступающей в качестве необходимой связи между новым и старым. Преемственность национальных художественных традиций, освоение и творческое обогащение уже накопленного идейно-эстетического опыта обеспечивают поступательное развитие любой национальной литературы: без переосмысления существующих традиций невозможны художественные открытия в области как формы, так и содержания [8, с. 57]. В монографии о преемственности в развитии литературного процесса А.С. Бушмин утверждает: «Всякому развитию, в том числе и развитию литературы, присуще – в той или иной мере, но тем не менее всегда – единство изменчивости и устойчивости, неповторимости и повторяемости» [2, с. 38].

Творческое освоение художественного опыта предшественников является необходимой составляющей процесса формирования и становления оригинальной творческой индивидуальности писателя. Формы преемственности в литературном творчестве могут быть крайне многообразными: существует внутрижанровая, возвратная, опосредованная, контактно генетическая, типологическая преемственность и т. д. [2, с. 64].

Возвратная, или ретроспективная, преемственность – это обращение современных авторов «через голову» ближайших поколений к традициям отдаленных эпох, диктуемое возросшими в процессе развития потребностями и возможностями познания прошлого в интересах настоящего и будущего [2, с. 64]. Главным стимулом, или «триггером», писателей нового поколения обратиться к традициям послужил период активной модернизации и повсеместных заимствований западных культурных реалий после Реставрации Мэйдзи, на время лишившей японцев опоры на национальное художественное наследие. Более точные причины могут быть выявлены только при рассмотрении конкретных случаев: определенных направлений, произведений, творческих объединений или творчества отдельных писателей. Это могут быть и ностальгические, эскапистские тенденции в обществе, кризис культурной идентичности, националистические настроения и военная пропаганда, причины личного характера [1, с. 77].

Так, в японском литературоведении существует понятие псевдоклассицизма (義古典主義, гикотэн сюги), с которым ассоциируются не только творчество известного драматурга и классика японской литературы Ихара Сайкаку (1642–1693), чьи произведения насыщены аллюзиями на литературу эпохи Хэйан (794–1185), но и последовавшие по его стопам японские писатели конца XIX–начала XX веков, такие как Кода Рохан (1867–1947), Одзаки Коё (1867–1903) и Хигути Итиё (1872–1896), стремившиеся создавать новые соответствующие времени литературные формы, сохраняя традиции предшествующей литературы [13, с. 79].

Иллюстрацией феномена возвратной преемственности может служить творчество классика новой японской литературы Танидзаки Дзюньитиро (1886–1965). В его произведениях возникают традиционные мотивы демонической женской красоты, образы роковой женщины, и в то же время основными темами его произведений являются взаимоотношения Востока и Запада, их культурный синтез и вопросы традиционной эстетики.

Творчество Танидзаки Дзюньитиро принято делить на два крупных периода: ранний, или период «увлечения Западом», и зрелый – «возвращение к Японии», «период огромной литературной активности Танидзаки, вдохновленного переездом в район Кансай» [12, с. 757]. Произведения этого периода «свидетельствуют о новых эстетических горизонтах, открывшихся перед творческим воображением Танидзаки» [5, с. 15].

В период «увлечения Западом» Танидзаки, отчисленный с третьего курса университета, погрузился в жизнь токийской литературной и художественной богемы, в высшей степени увлеченной западной культурой и в большинстве своем превозносящей ее. Он активно знакомился с иностранцами, одевался исключительно по-европейски, увлекался европейскими бальными танцами и переехал в Йокогаму. Опыт, приобретенный за эти годы, позже оказался крайне полезным для Танидзаки в осмыслении кризиса культурной самоидентификации в японском обществе, что отразилось в его известных работах, таких как «Любовь глупца» или «Похвала тени» (1933).

Главным событием, условно разделившим его творчество на два полярных по своей сути периода, считается Великое землетрясение Канто 1923 года, заставившее писателя уехать из Токио в район Кансай. Произведения, созданные после переезда, более всего повлияли на

формирование писательской репутации Танидзаки. Уже после Второй мировой войны, в 1948 году, он напишет: «В 1924 году я переехал в район Кансай, и поэтому мои произведения явственно стали отличаться от произведений прошлого периода моей жизни» [14, с. 92].

Однако Танидзаки никогда не отказывался от связи с национальной художественной традицией, и, по мнению многих японских, западных и отечественных исследователей, в том числе и К.Г. Саниной, особенностью его творчества стал синтез западной и традиционной культур [4, с. 390]. К. Цурута пишет: «Когда у современного японского писателя наступает “период возвращения”, он часто обращается против Запада, но Танидзаки перерос противопоставление “или-или” и принял в отношении Японии и Запада гораздо более приемлемое “и-или”» [16, с. 254]. С. Додд называет данный синтез «сознательным эклектизмом литературных влияний» [3, с. 204; 10, с. 165].

Писатель имел глубокие познания в классической японской литературе, и Акутагава Рюносукэ писал о нем: «Его классическое образование удивительно глубокое, что обнаруживается в его стиле... среди всех японских писателей только Мори Огай знает классику так же, как Танидзаки Дзюньитиро» [5, с. 3]. Он увлекался литературой и хотел стать писателем с самого детства, поэтому поступил на литературный факультет Имперского университета, но вынужден был покинуть его на третьем курсе из-за нехватки средств на обучение. Одним из важнейших достижений Танидзаки стал перевод на современный японский язык самого известного памятника классической литературы – «Повесть о Гэндзи» [9, с. 120].

Произведения зрелого периода писателя характеризуются интеграцией традиционных элементов: они насыщены различными аллюзиями, цитатами и заимствованиями из литературы предыдущих эпох. Одними из самых ярких примеров можно назвать повести «Лианы Ёсино» и «Мать Сигэмото».

Повесть «Лианы Ёсино», впервые изданная в 1931 году, считается «открывающим» произведением зрелого периода творчества Танидзаки Дзюньитиро. Повествование ведется от первого лица; по форме повесть напоминает дневниковые записи или путевые заметки [1, с. 79]. Рассказчик описывает события двадцатилетней давности: к нему возвращается давнее желание написать исторический роман, когда он начинает изучать различные легенды, исторические и семейные хроники, связанные с борьбой за власть между Северной и Южной династиями в период Намбокутё (1336–1392), а точнее с отпрыском Южной династии – Небесным государем, принцем Китаяма, который был вынужден бежать вглубь гор Ёсино. В это же время товарищ и бывший одноклассник рассказчика по фамилии Цумура, чьи родственники живут в деревне Кудзу в Ёсино, приглашает его поехать туда вместе с ним. По ходу повествования раскрывается вторая сюжетная линия – это история жизни самого Цумуры, его поиски сведений о давно погибшей матери и любовь к деревенской девушке О-Васа [9, с. 117].

Само название и место действия повести создает для японского читателя определенный ассоциативный фон, отсылая к древним и средневековым литературным памятникам: в японской поэзии вака Ёсино (река Ёсино – Ёсиногава, горы Ёсино – Ёсинояма) является «мэйсё» – таким географическим названием, которое наиболее часто используется в японской поэзии [9, с. 117]. Впервые Ёсино упоминается в стихах старейшего поэтического сборника «Кайфусо», датируемого VIII веком; позже неоднократно воспевается в первых антологиях японской поэзии «Манъёсю» (вторая половина VIII века) и «Кокинсю» (начало X века). Образ данной местности имеет огромное значение в становлении «символического пейзажа» древней и средневековой Японии [7, с. 81].

Можно сказать, что Ёсино как важный для традиционной японской культуры символ является своеобразной основой для создания ассоциативного ряда в произведении, позволяющем Танидзаки тем или иным образом отсылаться в его тексте на большое количество различных литературных памятников, и средством объединения всех этих отсылок одновременно. Например, с Ёсино связаны эпизоды жизни Минамото Ёсицунэ – героя войны между кланами Тайра и Минамото (1180–1185) и его возлюбленной Сидзука. Фигура Ёсицунэ воспевается в известных средневековых военных эпопеях «Повесть о доме Тайра» (XIII в.), «Сказание о Ёсицунэ» (около XIV в.). Описанная в них любовная связь с Сидзукой вдохновила японских драматургов XVIII века Намики Сэнрю и Такэда Идзумо на создание классической пьесы театра кабуки «Тысяча вишен Ёсицунэ», наиболее эффектной и популярной сценой которой является «В горах Ёсино». В своей повести Танидзаки неоднократно отсылается ко всем вышеупомянутым литературным памятникам, цитируя их напрямую в диалогах героев или заимствуя из них образы, – например, маленькому барабану Хуцунэ, в который ударяет Сидзука в вышеупомянутой сцене кабуки, Танидзаки отводит в повествовании отдельную роль – рассказчик и его друг намеренно посещают семью в деревне Нацуми, все это время берегущую этот легендарный барабанчик как семейную реликвию. С фигурой Сидзуки связана целая сюжетная линия Цумуры: история о том, как в деревне Кудзу он увидел девушку, очень похожую на его мать, является очевидной аллюзией на пьесу театра Но «Две Сидзуки» (XV в.), в которой дух давно умершей Сидзуки вселяется в сборщицу трав у реки Нацуми [9, с. 117–118].

Кроме того, в тексте присутствуют реминисценции: упоминания, частичные пересказы, цитаты из литературных памятников, исторических записок и пьес: «Манъёсю», «Имосэяма», «Листок лианы», «Сокровищница вассальной верности», «Ночная песнь погонщика Ёсаку из Тамбы», «Хэйдзю моногатари» или «Повесть о Великом мире», «Записки о путешествии в провинцию Ямато», «Знаменитые места Ёсино» и т. д. [9, с. 117–118; 15, с. 107–108].

В повести звучат ностальгические мотивы, в ней множество воспоминаний как самого рассказчика, так и Цумуры; из-за постоянных прямых и скрытых аллюзий, цитат и пересказов сюжетов театральных пьес, легенд и переключений между разными временами грань между воображаемым и реальностью стирается, и они образуют единое неделимое целое.

Создание такого эффекта обусловлено также реминисценциями высоких контекстов на уровне художественных образов и стилистических приемов. Так, Танидзаки использует большое количество сезонных слов *киго*, являющихся основой традиционной японской поэзии: например, атмосферу поздней осени в произведении создают не столько личные описания автора, сколько упоминания различных видов хурмы, которая считается символом осени (きざ柿 кидзагаки, 御所柿 госёгаки, 熟柿 дзюкуси), момидзи, шелковицы, осеннего шелкопряда. Также писатель использует поэтические метафоры, такие как 繚乱 (рё:ран) или 千紫万紅 (сэнси банко): «Без числа и без счета багрянец и пурпур...», «“Пестрота, буйство красок...” – эти поэтические метафоры созданы, вероятно, для описания цветущих весенних полей, но здешние краски отличаются разве лишь тем, что в основе у них цвет осени – желтизна...» [6, с. 85; 17, с. 220–225].

Другая рассматриваемая нами повесть «Мать Сигэмото» – это первая крупная работа, написанная Танидзаки в послевоенный период (1950). Начало повести представляет собой изучение различных исторических хроник и материалов, на этот раз эпохи Хэйан: рассказчик собирает информацию о придворном по имени Хэйтю, однако со временем фокус его внимания смещается к истории девушки. Первый сановник разлучает ее с престарелым мужем и

маленьким сыном Сигэмото. При прочтении повести нетрудно заметить и другие схожие с «Лианами Ёсино» черты: например, одной из основных тем «Матери Сигэмото» тоже является тема тоски по матери; Танидзаки пользуется тем же приемом раскрытия подробностей жизни героя через его записки [1, с. 80; 9, с. 124].

Однако разница между двумя рассматриваемыми произведениями очевидна. Повествование в «Матери Сигэмото» ведется от третьего лица, рассказчик не является главным героем повести, и в разных ее главах в центре повествования оказываются разные персонажи: это и Хэйдзю, и старый советник Куницунэ, и его жена Китаноката, и сам Сигэмото. Исторические источники здесь служат основой для развития сюжета, и Танидзаки прорабатывает характеры и истории упомянутых в них личностей, превращая их в персонажей собственной повести.

Большую часть фабулы повести составляют точно изложенные сюжеты двух историй из сборника сэцува «Кондзяку моногатари-сю», или «Собрания старых повестей», составленного в период Хэйан и датируемого XII веком, которые Танидзаки связывает друг с другом, создавая цельную историю: это рассказы из свитка 22 «Род Фудзивара» (22.8 «Рассказ о том, как министр Токихира забрал жену старшего советника Куницунэ») и свитка 30 «Влюбленные» (30.1 «Рассказ о том, как Тайра-но Садабуми ухаживал за госпожой Хонъин-но Дзидзю»), который, в свою очередь, восходит к повести «Хэйтё-моногатари» X века. Первый рассказ повествует о том, как престарелый советник Куницунэ в состоянии алкогольного опьянения отдал свою молодую жену Левому министру. Второй рассказ посвящен истории о том, как заместитель начальника военной стражи Тайра-но Садабуми по прозвищу Хэйтё, которым изначально интересовался рассказчик «Матери Сигэмото», пытается ухаживать за придворной дамой Хонъин-но Дзидзю – той самой молодой женой и матерью Сигэмото из прошлого рассказа [11, с. 53].

Повести характерны множественные цитирования самых разных хроник и источников, включающих целые стихотворения, традиционную для японской литературы «размытую» композицию и общую стилизацию текста с использованием архаичных выражений. Однако отметим, что рассказчик дополняет повествование не свойственными и попросту невозможными для описываемого подробностями и сравнениями. Например, он сравнивает обрывочные и смутные воспоминания Сигэмото со старым фильмом, что создает своеобразный временной парадокс – мы видим события далекого прошлого глазами рассказчика, который не может иметь к нему никакого отношения. Танидзаки концентрирует внимание на внутренних переживаниях героев и поднимает темы, присущие литературе нового времени, и это делает повесть «Мать Сигэмото» абсолютно оригинальным и новаторским произведением.

Говоря о рассмотренных нами произведениях, уточним еще две важные их особенности. Во-первых, в отличие от ранних работ Танидзаки, таких как «Татуировка», или «Цилинь» (1910), обращение к прошлым эпохам, историческим хроникам и фольклору в «Лианах Ёсино» или «Матери Сугимото» не несет в себе цели их намеренной экзотизации. В период «Возврата к Японии» Танидзаки отходит от принципов неоромантизма в своих произведениях; аллюзии и цитирования в них в первую очередь выполняют не сугубо эстетическую, но сюжетообразующую роль либо функцию создания ассоциативного фона. Во-вторых, несмотря на все вышеупомянутое, данные произведения нельзя отнести к историческим повестям, подобным произведениям, какие создавал классик новой японской литературы XX века, испытавший на себе результаты вестернизации Японии – Мори Огай (1862–1922). Танидзаки не стремится к исторической достоверности описываемых событий, допускает анахронизмы, смешения фактов

японской истории, сюжетов классических пьес и легенд. Проведенный анализ позволяет заключить, что данные повести Танидзаки являются полностью оригинальными художественными произведениями.

Итак, анализ биографии и произведений Танидзаки Дзюньитиро подтверждает, что феномен возвратной преемственности в новой японской литературе первой половины XX века является результатом процессов модернизации и вестернизации, вызванных реформами Реставрации Мэйдзи в 1868 году. «Обращение к прошлому» японских писателей стало стимулом развития литературного процесса, открывающим возможности для экспериментов с художественной формой. Используя в «Лианах Ёсино» и «Матери Сигэмото» различного рода заимствования, цитаты, пересказы, аллюзии на классические литературные памятники и японский фольклор, Танидзаки Дзюньитиро смог соединить в них прошлое и современность, национальную традицию и новаторство, связанное с модернизацией страны.

Список литературы

1. *Бондарь Ю.С.* Эстетика возвращения (на примере творчества Танидзаки Дзюньитиро) // Познание стран мира: история, культура, достижения. 2013. № 3. С. 75–83. EDN: RZHXPН.
2. *Бушмин А.С.* Преемственность в развитии литературы. СПб.: Художественная литература, 1978. 224 с.
3. *Санина К.Г.* *Чертушкина Е.В.* Тема кризиса культурной идентичности в творчестве Танидзаки Дзюньитиро и концепция «Утраченной Японии» Алекса Керра // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 201–215. <https://doi.org/10.17223/19986645/52/12>.
4. *Санина К.Г.* Феномен «Возврата к Японии» и повесть Танидзаки Дзюньитиро «Мандзи» (1928–1930) // История и культура традиционной Японии / отв. ред. А.Н. Мещеряков. СПб.: Гиперион, 2015. (Orientalia et Classica LVII). С. 388–395.
5. *Танидзаки Дзюньитиро.* Избранные произведения: [в 2 т.] Т. 1.: Рассказы. Любовь глупца. Похвала тени / сост., предисловие, коммент. И. Львовой. М.: Художественная литература, 1986. 542 с.
6. *Танидзаки Дзюньитиро.* Мать Сигэмото. Повести, рассказы, эссе / сост. В.П. Виленкин, под ред. Т.П. Григорьевой. М.: Наука, 1984. 353 с.
7. *Торопыгина М.В.* Ёсино в поэтической антологии «Кайфусо:» // Политическая культура древней Японии / отв. ред. А.Н. Мещеряков. М.: РГГУ, 2006. (Orientalia et Classica VII). С. 81–108.
8. *Чамоков Т.Н.* О преемственности и новаторстве в системе адыгской новописьменной прозы. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». 2011. № 4. С. 56–59. EDN: ОРМЕQX.
9. *Чегодарь Н.И.* Литературная жизнь Японии между двумя мировыми войнами. М.: Восточная литература РАН, 2004. 222 с.
10. *Dodd S.* History in the Making: The Negotiation of History and Fiction in Tanizaki Jun'ichirō's "Shunkinshō" // Japan Review. 2012. № 24. P. 151–168.
11. *Gatten A.* What's So Classical about Tanizaki's Neoclassical Fiction?: The Influence of Heian Narrative on Tanizaki's Shōshō Shigemoto no haha. The Grand Old Man and the Great Tradition: Essays on Tanizaki Jun'ichiro in Honor of Adriana Boscaro. 2009. P. 53–70.

12. Keene D. Dawn to the West. Japanese Literature of the Modern Era: Fiction. New York: Holt Rinehart & Winston, 1984. 1329 p.
13. Mostow J, Denton K. The Columbia Companion to Modern East Asian Literature. Columbia University Press, 2003. 803 p.
14. Petersen G. The Moon in the Water: Understanding Tanizaki, Kawabata, and Mishima. Honolulu: Hawaii University Press, 1992. 366 p.
15. Pigeot J. The Function of Source References in Arrowroot. A Tanizaki Feast: The International Symposium in Venice, 1998. P. 107–116.
16. Tsuruta K. Tanizaki Junichiro's pilgrimage and return // Comparative Literature Studies. 2000. P. 239–255.
17. Танидзаки Дзюнъитиро. Нихон бунгаку дзэнсю: го дзю маки. (Полное собрание японской литературы, том пятнадцать). Токио: Кавадэ сёбо синся, 2016. 494 с.

References

1. Bondar Y.S. Aesthetics of Return (on the Example of Tanizaki Jun'ichirō's Works). *Cognition of the Countries of the World: History, Culture, Achievements*, 2013, no. 3, pp. 75–83. (In Russ.).
2. Bushmin A.S. Continuity in the Development of Literature. St. Petersburg, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1978. 224 p. (In Russ.).
3. Sanina K.G., Chertushkina E.V. The Theme of Cultural Identity Crisis in Creative Works of Tanizaki Jun'ichiro and the Concept of Lost Japan by Alex Kerr. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2018, no. 52, pp. 201–215. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19986645/52/12>.
4. Sanina K.G. The Phenomenon of "Return to Japan" and Tanizaki Jun'ichirō "Manji" (1928–1930). In: Meshcheryakov A.N. (ed.). *History and Culture of Traditional Japan*. St. Petersburg, Giperion Publ., 2015. Series: Orientalia et Classica LVII. P. 388–395. (In Russ.).
5. *Tanizaki Jun'ichirō. Captains Shigemoto's Mother. Novels, short stories, essays / comp. V.P. Vilenkin, ed. by T.P. Grigorieva*. Moscow, Publishing House Nauka, 1984. 353 p. (In Russ.).
6. *Tanizaki Jun'ichirō. Selected Works: in 2 volumes. Vol. 1.: Novels. Naomi. Praise of the shadow / composed, comment. by I. Lvova*. Moscow, Publishing House Khudozhestvennaya Literatura, 1986. 542 p. (In Russ.).
7. Toropygina M.V. Yoshino in the Poetic Anthology "Kaifusō". In: Meshcheryakov A.N. (ed.). *Political culture of ancient Japan*. Moscow, RSUH Publ., 2015. Series: Orientalia et Classica VII. P. 81–108. (In Russ.).
8. Chamokov T.N. On Continuity and Innovation in the System of the Adyghe New Written Prose. *The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Philology and the Arts"*, 2011, no. 4, pp. 56–59. (In Russ.).
9. Chegodar N.I. *Literary Life of Japan Between the Two World Wars*. Moscow, Publishing House Vostochnaya Literatura, 2004. 222 p. (In Russ.).
10. Dodd S. History in the Making: The Negotiation of History and Fiction in Tanizaki Jun'ichirō's "Shunkinshō". *Japan Review*, 2012, no. 24, pp. 151–168.
11. Gatten A. What's So Classical about Tanizaki's Neoclassical Fiction?: The Influence of Heian Narrative on Tanizaki's Shōshō Shigemoto no haha. *The Grand Old Man and the Great Tradition: Essays on Tanizaki Jun'ichirō in Honor of Adriana Boscaro*, 2009. P. 53–70.

12. Keene D. Dawn to the West. Japanese Literature of the Modern Era: Fiction. New York, Holt Rinehart & Winston, 1984. 1329 p.
13. Mostow J, Denton K. The Columbia Companion to Modern East Asian Literature. Columbia University Press, 2003. 803 p.
14. Petersen G. The Moon in the Water: Understanding Tanizaki, Kawabata, and Mishima. Honolulu, Hawaii University Press, 1992. 366 p.
15. Pigeot J. The Function of Source References in Arrowroot. *A Tanizaki Feast: The International Symposium in Venice*. 1998. P. 107–116.
16. Tsuruta K. Tanizaki Jun'ichirō's Pilgrimage and Return. *Comparative Literature Studies*. 2000. P. 239–255.
17. Tanizaki Jun'ichirō. Nihon bungaku zenshū go jū maki. (The complete collection of Japanese literature, volume fifteen). Tokyo, Kawade Shobō Shinsha, 2016. 494 p. (In Jap.)

Статья поступила в редакцию / Received 27.01.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 28.01.2024

Принята к публикации / Accepted 05.04.2024

Научная статья

УДК 398.838

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/34-42>

Принципы создания мужского образа в необрядовых лирических песнях Дальнего Востока

Мария Сергеевна Киселева¹, Елизавета Сергеевна Яковлева²

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
kiseleva.ms@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2846-570X>

² Бакалавр, yakovleva.es@students.dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация мужского образа в лирических текстах познетрадиционного дальневосточного фольклора, комплексно не изучавшихся в данном аспекте. Выделяются номинации персонажа и связанные с ним объекты, характеризуется их семантика в народной картине мира, анализируется соотносящийся с героем комплекс универсальных и локальных мотивов. Доказывается устойчивость элементов поэтики традиционной лирической песни, обнаруживается значение образа казака в качестве региональной особенности изучаемых текстов.

Ключевые слова: региональный фольклор, народные песни о любви, символы, мотивы, молодец, казак

Для цитирования: Киселева М.С., Яковлева Е.С. Принципы создания мужского образа в необрядовых лирических песнях Дальнего Востока // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 34–42.

Original article

The Principles of Creating a Male Image in Non-ritual Lyrical Songs of the Far East

Maria S. Kiseleva¹, Elizaveta S. Yakovleva²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature, kiseleva.ms@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2846-570X>

² Bachelor, yakovleva.es@students.dvfu.ru

Abstract. The article examines the representation of the male image in the lyrical texts of late-traditional Far Eastern folklore, which have not yet been studied comprehensively in this aspect. The nominations of the character and related objects are highlighted, their semantics in the national picture of the world is characterized, and the complex of universal and local motives correlating with the hero is analyzed. The stability of the elements of the traditional lyrical song poetics

is proved, and an assumption is made about the image of the Cossack as a regional feature of the studied works.

Key words: regional folklore, folk love songs, symbols, motives, good fellow, cossack

For citation: Kiseleva M.S., Yakovleva E.S. The Principles of Creating a Male Image in Non-ritual Lyrical Songs of the Far East. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 34–42. (In Russ.).

Исследования дальневосточного фольклора ещё не охватили весь собранный в экспедициях материал, в том числе неизученными остаются необрядовые лирические песни. Большая часть научных трудов, посвящённых дальневосточному фольклору, представляет собой этнографические, искусствоведческие и культурологические исследования [8, 10, 19, 22 и др.]. На сегодняшний день всё ещё недостаточно работ, освещающих записанные тексты с литературоведческой стороны, хотя значимость подобного анализа несомненна. Заметим, что В.Я. Пропп свою теорию о единой композиции всех сюжетов сказок сначала представил на суд крупного литературоведа [18, с. 7], и современные исследователи И.В. Королькова, Т.В. Краюшкина, Л.Е. Фетисова, Т.В. Дайнеко и Н.В. Леонова, И.В. Семенова, А.А. Зборовская учитывают результаты литературоведческого анализа при исследовании фольклорного материала [14; 15; 22; 10; 19; 12]. Наша работа, посвящённая поэтике традиционного фольклора позднего бытования, записанного в Приморском крае в XX веке, обладает актуальностью и новизной, поскольку обращается к недостаточно изученным текстам в литературоведческом аспекте.

Источником материала стал сборник «Фольклор Дальнеречья», в который вошли произведения, собранные в 30–60-х годах XX века Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляховой [23]. Среди них 19 лирических песен о любви, где центральными являются мужской и женский образы. Может показаться, что эти герои почти не имеют характеристики: традиционно отсутствует портрет, нет развёрнутых описаний действий и подробной картины переживаний [18, с. 151]. Однако тексты очень выразительны и эмоционально насыщенные; по свидетельству информантов, их герои вызывали живой отклик, песни активно исполнялись и играли важную роль в жизни людей [23, с. 16]. Женский образ уже был рассмотрен нами [24], в этой работе *мы ставим цель* выделить и проанализировать принципы создания мужского образа, определить, насколько они новы или типичны.

Мужчина в 19 изученных текстах предстаёт либо как молодец (14 шт.), либо как казак (5 шт.). Использование слова «молодец» в целях обозначения героя традиционно для фольклора подчёркивает, что он активен и полон жизненных сил, показательны также обращения к нему: «соколе», «селезень», «цветочек».

В тексте № 384 герой называется соколом: «Вернись, мой соколе...». Эта птица у славян наделяется мужской символикой [4, с. 98], обозначает прекрасного воина (можно вспомнить, например, «Слово о полку Игореве»), а также жениха (частый образ свадебных песен [16]). В данном произведении обращение «сокол» характеризует героя как сильного и удалого, в расцвете лет, для него честь превыше всего: несмотря на чувства, он отвергает позорящую его девушку («Ганбуешь ты мною / Буде твоя коса руса / В мене под ногою»).

В тексте № 375 герой называется селезнем: «Чего, селезень, смутен, невесел...». У восточных славян селезень традиционно символизирует жениха [6, с. 383]. В рассмотренной

песне мужчина предстаёт женихом в расцвете жизненных сил, но обманутым другом и в результате одиноким и несчастливым: «*Ой, ты товарищ, не в дружбе живешь, за меня сватал, за себя берешь...*».

В этих двух произведениях (№ 384 и 375) возникает привлекательный образ героя (молодой, полный жизни, влюблённый), с ним связан мотив несостоявшейся свадьбы и неожиданного негативного изменения судьбы.

В тексте № 380 мужчина называется милым, цветком (традиционная для фольклора параллель человека и цветка [7, с. 477]): «*Где девался тот цветочек, что долину украшал*». Подчёркивается, что герой был для девушки источником радости и благополучия. Но счастье оказалось кратковременным и ложным: «*Обольстил милый словами*». В данном примере снова наблюдаем привлекательный мужской образ, связанный с мотивом несостоявшейся свадьбы и драматического поворота в судьбе. Однако здесь герой представлен отрицательно: его внешняя красота и манящая манера поведения сопровождаются душевной пустотой, эти мотивы, как правило, формируют женские образы.

В рассмотренных 14 текстах герою «молодцу» свойствен расцвет жизненных сил, его называют соколом, селезнем, цветком. Мужчина может отвергать недостойную девушку или сам выступать коварным искусителем, но всегда это герой, полный жизни: удалой, сильный, молодой, а его образ тесно связан с мотивами несостоявшейся свадьбы и неожиданного негативного поворота в жизни или сломанной судьбы. Персонаж песни переживает важный, переходный, момент жизни – его и/или героини. Обнаруженные наименования героя «молодца» обладают большой семантической значимостью в славянской культуре и являются символами, характеризующими образ и задающими общие для рассмотренных текстов мотивы. Данный приём и сами наименования традиционны для лирических песен.

В 5 из 19 текстов герой называется казаком, и это указание на социальный статус, по нашему мнению, не случайно. Казачество – феномен русской культуры, привлекающий внимание многих учёных [17]. Разнообразны казачий фольклор и литература, посвящённая казачеству, неоднородно казачество само по себе. Исследователи отмечают, что изначально казак – это воин, первопроходец [25 с. 124]. Ассоциативный ряд, связанный с данным образом, сложен и многогранен, персонаж может представать как положительным, так и отрицательным. С одной стороны, казак принадлежит своему миру, готов отдать жизнь за родину, а с другой – является не своим, опасным, так как постоянно передвигается по чужим территориям и отчасти связан с ними. С одной стороны, он свободен в передвижениях, а с другой – скован воинским долгом и не может долго оставаться на одном месте. Именованье казаком – важная характеристика героя фольклорного произведения. Подобный приём мы наблюдаем, например, в традиционных былинах, где нередко казаком или старым казаком называется Илья Муромец, и учёные считают необходимым прокомментировать данный момент, видя в таком наименовании отражение исторических реалий, выражение отношения к богатырю [13, с. 179–186].

В рассмотренных нами песнях образы героя-казака и способы их создания достаточно разнообразны. Так, могут использоваться сравнения и упоминания определённых локусов, предметов. В тексте № 374 встречаем следующее: «*Казак стрелю в село родное поскакал...*». В восточнославянской традиции стрела символизирует мужское начало, стойкость, быстроту [5, с. 181]. Сравнение подчёркивает, что герой – воин, спешащий к любимой, обозначает силу его чувств. Также в песне упоминается кольцо – символ венчания и брака у славян. Оно является подарком девушки для казака, символизирует связь между мужчиной и женщиной и их несостоявшийся союз, ведь героиня не дожидается и выходит замуж за другого: «*И повернул*

казак налево, во чисто поле поскакал». Упоминание родной земли (села) и чистого поля, оппозиция своего и чужого пространств также неслучайны. В русском фольклоре чистое поле связано с идеей большого пространства, с масштабностью [20, с. 39], а также с воинской тематикой: именно там часто сражаются с врагами богатыри. И здесь присутствует реализация мотивов несостоявшейся свадьбы и несостоявшегося счастливого изменения судьбы: казак хотел оставить ратный труд, но семейное счастье оказывается для него невозможным, и он вновь возвращается в привычную стихию.

Отдельно необходимо остановиться на встречающемся в двух песнях упоминании спутника казака – коня, играющего важную роль при характеристике мужского образа. Конь для казака был гораздо больше, чем просто домашнее животное или символ статуса, он являлся главным участником военных событий, многих обрядовых действий, в том числе и различного рода состязаний. Конь был подлинным товарищем, от которого зависели успех и сама жизнь [9, с. 76]. В славянской традиции конь – одно из наиболее мифологизированных животных. Он символизировал связь с «тем светом», был атрибутом мифологических персонажей [1, с. 590]. В традиционных былинах описание коня – важная часть характеристики самого богатыря [9, с. 76; 21].

В тексте № 374 конь предстаёт первым товарищем казака, разделяющим не только военные успехи, но и душевные переживания. Он остаётся с героем, когда предаёт возлюбленная, тем самым подчёркивается принадлежность казака к ратной, а не домашней сфере. В тексте № 387 конь усиливает привлекательность казака: в момент встречи с девушкой тот находится на коне, и героиня это отмечает: *«Ой, да откуда ты взялся казак молоденький, ой, да на своему коню вороненьком...»*. Мы наблюдаем, как упоминание о коне соотносит мужской образ с воинской тематикой, подчёркивает его силу и удачу. В последнем примере отметим также использование эпитета «молоденький», соотносящегося с частотным именованием героя «молодец» и подчёркивающего полноту жизненных сил, самый расцвет [2, с. 283].

Однако казак не во всех рассмотренных нами песнях предстаёт молодым. В тексте № 385 встречаем следующую строчку: *«Казак старый, як собака, неженатый ходит»*. Его возлюбленная выходит замуж за другого, а герой навсегда остаётся один. Снова наблюдаем мотивы неудачной свадьбы и разрушенной судьбы. Указание на старость в традиционной культуре воспринимается как признак нахождения на грани двух миров: человеческого и потустороннего [3, с. 93], сравнение с собакой, воспринимаемой в славянской культуре амбивалентно [3, с. 94]. Эти сравнения подчёркивают неприкаянность персонажа, что соотносится с традиционным восприятием казака как не полностью своего, отчасти чуждого.

В изученных текстах именование героя казаком сопровождается более распространённым рядом выразительных средств (эпитет, сравнение, связанные с персонажем объекты, имеющие символическое значение), нежели именование молодцем. Однако создаваемый мужской образ во многом типичен для традиционной лирической песни: герой привлекателен, полон жизненных сил, но из-за расстроившейся свадьбы судьба его несчастна.

Все рассмотренные реализации мужского образа связаны с комплексом устойчивых мотивов. Последние мы определяем по методике Ю.В. Доманского, посредством вычленения опорных (ключевых) слов [11]. Мотивы мы делим на универсальные и локальные. Под универсальным понимаем мотив, встречающийся в большинстве песен (5–6 и больше), под локальным – мотив, встречающийся в 1 или, реже, в 2–3 песнях.

И.В. Королькова отмечает, что для лирических песен характерна свадебная тема [14, с. 47]. Соответственно, выделяемые нами в 5 песнях универсальные мотивы неудавшейся свадьбы («за меня сватал», «чи мене жениться», «на рушничок стане» и др.) и несложившейся в результате судьбы, страданий из-за этого («смутен, невесел», «гирко плачу», «не пьешь, не гуляешь» и пр.) – о них мы писали выше – являются традиционными. Только в 2 текстах обнаруживаем мотивы удачной свадьбы и счастливой судьбы, являющиеся локальными. В песне № 377 молодец хочет взять в жены сироту: «Да про ту дивчину, что без роду /А на той дивчине оженюся». В тексте № 387 казак встречает девушку, ответившую ему взаимностью, и вместе они «встают на рушничок».

В 5 текстах мы выделяем универсальный мотив предательства. В песне № 374 казака предаёт возлюбленная, вышедшая замуж за другого. В тексте № 375 главным предателем является товарищ молодца, он женится на его невесте. В оставшихся 3 песнях именно герой выступает в роли предателя, он либо бросает героиню («Прощай, милая, есть у меня жена молодая» (376), «Он уехал меня бросил» (380)), либо изменяет ей («До другой йдэш» (389)). Данный мотив отчётливо связан с мотивами страдания из-за несложившейся судьбы и неудавшейся / несчастливой свадьбы.

Кроме локальных мотивов удачной свадьбы и счастливой судьбы мы выделяем локальные мотивы встречи, свободы.

Мотив встречи героя с девицей возникает в 3 текстах: «Здравствуй раскрасавица» (381), «Проснувся казак – коня нема, красна девица косу чеше» (383), «Ой, да в той кринице девка воду брада» (387). Встреча всегда случайна и связана с мотивами судьбы и свадьбы. В первом случае (№ 381) мы не знаем, каким будет исход, и видим лишь само знакомство героя и героини. Во втором случае (№ 383) герой встречает девушку, которую, скорее всего, готовят на выданье, так как она прощается со своей косой: «Ой, коса ты моя, ты русая, ой, кому ж ты, коса, достанешься». В тексте № 387 эта встреча становится судьбоносной.

В тексте № 389 встречается мотив свободы. Брачный союз представлен для казака как то, что его сковывает, герой не может быть верен только жене, каждую ночь он отправляется к другой: «Ой, чои по правди, молодой козаче, Со мной живэш? А як придэ взчир ще-й темна ночка до другой йдэш...». Данный мотив соотносится с универсальным мотивом несчастливой судьбы и неудачного брака.

Мы наблюдаем тесную связь выделенных универсальных мотивов с локальными, в целом все они характерны классическим лирическим песням и подчёркивают соотнесённость мужского образа с воинской и свадебной темами, с чужим пространством, характеризуют героя как привлекательного, полного жизненных сил, находящегося на перепутье судьбы, как своей, так и героини.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что в поздних лирических песнях, записанных на Дальнем Востоке, сохраняются традиционные принципы создания мужского образа. Символы и мотивы, номинации, параллели и оппозиции, встречающиеся в текстах, типичны для классических фольклорных произведений и не претерпевают изменений. Данное наблюдение считаем важным, поскольку подобная сохранность наблюдается не всегда. Например, Т.В. Краюшкина отмечает: «если в классическом песенном фольклоре обнаруживается стабильная, неосложнённая модель представлений о воле, то в позднетрадиционном песенном фольклоре она трансформируется, наполняясь новыми смыслами, обретая неизвестные ранее способы реализации» [15 с. 17]. Вероятно, обнаруженная нами устойчивость

обусловлена неизменностью представлений о любви в народной картине мира. В качестве предположительной региональной особенности рассмотренных текстов отметим образ казака, представленного в 25% произведений и сопровождаемого бóльшим разнообразием выразительных средств, нежели образ молодца. Здесь вероятно влияние той важной роли, какую играли казаки при освоении Дальневосточного региона.

Список литературы

1. *Агапкина Т.А.* Конь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 590–594.
2. *Агапкина Т.А.* Молодой-старый // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 282–284.
3. *Агапкина Т.А.* Собака // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 93–95.
4. *Агапкина Т.А.* Сокол // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 98.
5. *Агапкина Т.А.* Стрела // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 181.
6. *Агапкина Т.А.* Утка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 382–383.
7. *Агапкина Т.А.* Цветы // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 476–480.
8. *Багашев А.Н., Федоров Р.Ю.* Историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян-переселенцев на Дальнем Востоке // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2(25). С. 99–106. EDN: SDHARJ
9. *Бородина Е.М.* «Воинские» песни сибирских казаков: тематика, образы и мотивы // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18. С. 73–79. EDN: OWZXPFF
10. *Дайнеко Т.В., Леонова Н.В.* Белорусские календарные песни Сибири и Дальнего Востока: жанровый состав // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 27–38. <https://doi.org/10.17223/18137083/67/3>
11. *Доманский Ю.В.* Русская рок-поэзия: проблемы и пути изучения // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1999. № 2. С. 26–38. EDN: JWDFZ
12. *Зборовская А.А.* Отражение архаических представлений о весне в хороводных послепасхальных песнях Приморского края // Традиционная культура: творчество, поведение, ритуал: тез. докл. и сообщений Междунар. науч. конгр. «Фольклор народов России и стран СНГ» (Санкт-Петербург, 12–16 ноября 2020 г.) / ред.-сост. Е. И. Возжаева. СПб., 2020. С. 31.
13. *Козловский С.В.* Илья Муромец и его время: историография и перспективы изучения образа былинного героя // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. № 5. С. 177–189. EDN: WMFRXP
14. *Королькова И.В.* Лирические песни в традиционной культуре Северо-Запада России. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2010. 360 с.
15. *Краюшкина Т.В.* От воли и неволи к свободе: традиционные представления в русском песенном фольклоре Сибири и Дальнего Востока России // Россия и АТР. 2019. № 4(106). С. 22–41. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2019-10052>

16. Кургузова Н.В. Архаические оппозиции ритуального пространства русской свадьбы (на материале свадебной лирики). URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kurguzova1.htm> (дата обращения: 13.02.2024).
17. Лаптева Е.В., Рожкова Л. К вопросу об истории российского казачества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011. № 4. С. 60–67. EDN: PKSUNJ
18. Пропп В.Я. Поэтика фольклора. (Собрание трудов В. Я. Проппа) / сост., предисл. и коммент. А. Н. Мартыновой. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
19. Семенова И.В. Песенная система фольклора Приморья: сравнительно-адаптационный аспект (на материале культуры черниговских переселенцев): автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. Владивосток, 2006. 26 с.
20. Соколова Т.С. Жанровые варианты концепта «Пространство» в фольклорных текстах // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 24(119). С. 37–43. EDN: TELEIX
21. Тиво В.С. Вербализация образа богатырского коня: от былины к мультфильму // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 2(95). С. 117–128. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-2-95-9>
22. Фетисова Л.Е. Традиционный русский фольклор в культурном пространстве Северо-Востока России // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2009. № 5. С. 103–110. EDN: LATATF
23. Фольклор Дальнеречья, собранный Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляховой: сб. / науч. ред. С.И. Красноштанов; вступ. ст. Л.М. Свиридовой. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. 286 с.
24. Яковлева Е.С. Основные символы, связанные с женскими образами в необрядовых лирических песнях Дальнего Востока // Россия в Азиатско-тихоокеанском регионе: Регион. научн.-практ. конф. молодых исследователей ВИ-ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, 28 апреля 2023 г.: сб. материалов / под общ. ред. А. Л. Лукина. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2019. С. 18–21.
25. Ян Сумэй, Лукьянчикова Н.В. Казачья литература как культурный феномен // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3(5). С. 122–138. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2020-3-5-122-138>

References

1. Agapkina T.A. Horse. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary*. In 5 vol. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, 2012. P. 590–594. (In Russ.).
2. Agapkina T.A. Young-old. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary*. In 5 vol. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol. 3. Moscow, 2004. P. 282–284. (In Russ.).
3. Agapkina T.A. Dog. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary*. In 5 vol. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, 2012. P. 93–95. (In Russ.).
4. Agapkina T.A. Falcon. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary*. In 5 vol. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, 2012. P. 98. (In Russ.).
5. Agapkina T.A. Arrow. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary*. In 5 vol. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, 2012. P. 181. (In Russ.).
6. Agapkina T.A. Duck. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary*. In 5 vol. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, 2012. P. 382–383. (In Russ.).

7. Agapkina T.A. Flowers. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary*. In 5 vol. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, 2012. P. 476–480. (In Russ.).
8. Bagashev A.N., Fedorov R.Yu. Historical and Ethnographic Aspects of the Life of Belarusian Migrant Peasants in the Far East. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2014, no. 2(25), pp. 99–106. (In Russ.).
9. Borodina E.M. «Military» Songs of Siberian Cossacks: Themes, Images and Motifs. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2012, no. 18, pp. 73–79. (In Russ.).
10. Daineko T.V., Leonova N.V. Genres of Belarusian Calendar Songs of Siberia and the Far East. *Siberian Journal of Philology*, 2019, no. 2, pp. 27–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/18137083/67/3>
11. Domanskii Yu.V. Russian Rock Poetry: Problems and Ways of Studying. *Ruskaâ rok-poèziâ*, 1999, no. 2, pp. 26–38. (In Russ.).
12. Zborovskaya A.A. Reflection of Archaic Ideas about Spring in the Round Dances of the Post-Easter Songs of the Primorsky Territory. *Traditional Culture: Creativity, Behavior, Ritual: Abstracts of the International Scientific Congress "Folklore of the Peoples of Russia and the CIS Countries" (St. Petersburg, November 12–16, 2020)*. Ed. by E.I. Vozzhaeva. St. Petersburg, 2020. P. 31. (In Russ.).
13. Kozlovskii S.V. Ilya Muromets and his Time: Historiography and Perspectives for the Study of the Image of the Epic Hero. *Ancient Rus: in Time, in Personalities, in Ideas*, 2016, no. 5, pp. 177–189. (In Russ.).
14. Korol'kova I.V. Lyrical Songs in the Traditional Culture of the North-West of Russia. Moscow, The State Republican Center of Russian Folklore, 2010. 360 p. (In Russ.).
15. Krayushkina T.V. From Will and Captivity to Freedom: Traditional Representations in Russian Song Folklore of Siberia and the Russian Far East. *Russia and the Pacific*, 2019, no. 4(106), pp. 22–41. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2019-10052>
16. Kurguzova N.V. Archaic Oppositions of the Ritual Space of the Russian Wedding (Based on the Material of Wedding Lyrics). URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kurguzova1.htm> (accessed: 13.02.2024). (In Russ.).
17. Lapteva E.V., Rozhkova L. On the History of the Russian Cossacks. Humanities and Social Sciences. *Bulletin of the Financial University*, 2011, no. 4, pp. 60–67. (In Russ.).
18. Propp V.YA. The Poetics of Folklore (Collection of Works by V.Y. Propp). Compl. A.N. Martynova. Moscow, Labirint, 1998. 352 p. (In Russ.).
19. Semenova I.V. The Song System of Folklore of Primorye: a Comparative and Adaptive Aspect (Based on the Material of the Culture of Chernihiv Settlers). Abstract of Thesis of PhD in Art Studies. Vladivostok, 2006. 26 p. (In Russ.).
20. Sokolova T.S. Genre Variants of the Concept "Space" in the Folklore Texts. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology*, 2011, no. 24(95), pp. 37–43. (In Russ.).
21. Tivo V.S. Verbalization of the Heroic Horse Image: From the Bylina to the Animated Film. *Cherepovets State University Bulletin*, 2020, no. 2(95), pp. 117–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-2-95-9>
22. Fetisova L.E. Russian Original Folklore Traditions in the Culture of the Northeastern Russia. *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2009, no. 5, pp. 103–110. (In Russ.).

23. Folklore of the Far East, Collected by E.N. Systerova and E.A. Lyakhova. Ed. by S.I. Krasnoshtanov; Introduction by L.M. Sviridova. Vladivostok, Far Eastern University Press, 1986. 286 p. (In Russ.).

24. *Yakovleva E.S.* The Main Symbols Associated with Female Images in Non-ritual Lyrical Songs of the Far East. *Russia in the Asia-Pacific Region: Regional Scientific-Practical Conference of Young Researchers of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, April 28, 2023: Collection of Materials*. Under the general editorship of A.L. Lukin. Vladivostok, FEFU, 2019. P. 18–21. (In Russ.).

25. *Yan Sumehi, Lukiyanichikova N.V.* Cossack Literature as a Cultural Phenomenon. *World of Russian-Speaking Countries*, 2020, no. 3(5), pp. 122–138. (In Russ.).
<https://doi.org/10.20323/2658-7866-2020-3-5-122-138>

Статья поступила в редакцию / Received 28.03.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 31.03.2024

Принята к публикации / Accepted 31.03.2024

Научная статья

УДК 81.255.1.802.0

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/43-57>

Элементы китайской грамматики в современном японском языке

Александр Сергеевич Дыбовский

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Кандидат филологических наук, почётный профессор Осакского университета, доцент кафедры японоведения, dybovskii.as@dvfu.ru

Аннотация. За многие столетия существования Японии на периферии великой китайской цивилизации при посредстве КАМБУНа (漢文) и СО:РО:БУНа (候文) японский язык обогатился многими тысячами китайских заимствований, приобрел значительный арсенал средств китайской грамматики. В статье рассматриваются сохранившиеся в японском языке протокитайские лексические и грамматические единицы. Автор доказывает, что функциональные свойства составных элементов китайских заимствований (КАНГО – 漢語), присущи им имманентно и они обусловлены грамматикой китайского языка. Предметом анализа являются грамматическая структура КАНГО, их функционально-семантические классы, а также некоторые особенности протокитайских фразеологических композитов (СЭЙГО, ЁДЗИДЗЮКУГО – 成語、四字熟語), неразрывно связанных не только с китайской иероглификой и китайской грамматикой, но также с китайской эстетикой, историей и культурой. В японском языке составные элементы КАНГО сохраняют многие исконные функционально-семантические свойства, их функционирование в японском языке в основном соответствует правилам китайской грамматики.

Ключевые слова: китаизмы в японском языке, элементы китайской грамматики, влияние китайского языка на японский, грамматическая структура китаизмов, функционально-семантические классы китаизмов, грамматика протокитайских фразеологических композитов

Для цитирования: Дыбовский А.С. Элементы китайской грамматики в современном японском языке // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 43–57.

Original article

Elements of Chinese Grammar in Contemporary Japanese

Alexander S. Dybovsky

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Japanese Studies Department, Professor Emeritus of Osaka University, dybovskii.as@dvfu.ru

Abstract. For centuries, Japan existed on the periphery of Chinese civilization, acquiring a substantial arsenal of linguistic tools from Chinese grammar in the process of using of Kambun (漢

文) and Sorobun (候文). This article examines the intrinsic properties of Kango (漢語), connecting them to Chinese grammar, the grammatical structure of Kango, their functional-semantic classes, and certain features of proto-Chinese phraseological compounds (成語・四字熟語), which are intimately linked not only with Chinese characters and grammar but also with Chinese aesthetics, history, and culture. In the Japanese language, the constituent elements of Kango retain their original functional-semantic properties; their functioning in modern Japanese generally adheres to the rules of Chinese grammar.

Key words: Chinese-origin lexicon in the Japanese language, elements of Chinese grammar in Japanese, influence of the Chinese language on Japanese, grammatical structure of Kango, functional-semantic classes of Kango, grammar of proto-Chinese phraseological compounds

For citation: Dybovsky A.S. Elements of Chinese Grammar in Contemporary Japanese. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 43–57. (In Russ.).

Введение

На протяжении многих столетий японская культура развивалась, впитывая в себя различные элементы китайской цивилизации. Под китайским влиянием формировались японская государственность и право, образование и духовные практики, формы деловой коммуникации и японская художественная литература. Китайский язык – КАМБУН (漢文) – стал первым письменным языком и основой классического японского эпистолярного стиля – СО:РО:БУН (候文). КАМБУН оказал большое влияние на формирование и развитие японского классического литературного языка БУНГО (文語). СО:РО:БУН, в свою очередь, имел решающее значение в формировании современного языка делового общения. Из китайской иероглифической письменности выросли японские слоговые азбуки – КАТАКАНА и ХИРАГАНА, китайские иероглифы стали основой современного японского письменного языка.

После реставрации Мэйдзи (1868) и особенно после поражения Японии во Второй мировой войне (1945) в Японии произошёл цивилизационный поворот – институты государства, а также ценности японского общества стали ориентироваться на атлантическую (европейско-американскую) цивилизацию [4]. Процессы вестернизации развернулись и в японском языке: существенно пополнился слой западных заимствований, английский язык стал оказывать заметное влияние на фонетику, графику, лексику, грамматику японского языка, прочно закрепился в профессиональных жаргонах и сленге японской молодежи. Стала меняться даже сама манера коммуникации японцев [6]. Роль китайских элементов в японском языке изменилась, однако китайская основа – протокитайская лексика и грамматика – во многом сохранилась, в первую очередь, в письменно-книжной речи [7].

В этой статье речь пойдет об особенностях функционирования в современном японском языке китаизмов (КАНГО), элементов китайской грамматики, о влиянии китайского языка на японский. Мы рассмотрим грамматическую структуру КАНГО, их функционально-семантические классы, а также некоторые особенности устройства и функционирования протокитайских фразеологических композитов. В первом разделе этой статьи мы остановимся на грамматических категориях японского языка, сформировавшихся под влиянием китайского, перечислим основные протокитайские сферы японского языка. Во втором разделе рассматривается грамматическое устройство сложных слов китайского (протокитайского, потому

что и китаизмы (КАНГО), созданные в Японии, в своем функционировании во многом соответствуют грамматическим и прочим нормам и закономерностям китайского языка) происхождения, то есть КАНГО.

1. Протокитайские сферы японского языка

В этом разделе статьи даётся краткий обзор грамматических явлений и категорий современного японского языка, восходящих к китайскому языку. Значительная часть из них обычно описывается в грамматиках японского языка [2, 9], вопросы фонетики, а также историю развития японского языка намеренно оставляем за рамками этой работы.

В современном японском языке довольно много протокитайских сфер и явлений. Перечислим основные из них.

(1) Прежде всего следует упомянуть протокитайскую систему числительных японского языка, включая счётные классификаторы (счётные «суффиксы»), в обилии представленные в японском языке. Изоморфность японских и китайских числительных (особенно в письменно-книжном варианте японского языка) бросается в глаза даже при сопоставлении современных языковых форм, например: 三ヶ月アメリカで過ごした (Санкагэцу амэрика-дэ сугосита «Три месяца провел в США») 我在美国呆了三个月 (Wǒ zài měiguó dāile sān gè yuè); 『日本史』の第三章 («Нихонси-но дайсансё: «Третья глава «Истории Японии»») 『日本历史』第三章 (“Ribēn lishǐ” dì sān zhāng).

(2) Протокитайские элементы словообразования и словоизменения имеют широкое распространение в КАНГО, ср., например: 専門家 сэммонка «специалист», 選手 сэнсю «спортсмен», 帝國主義 тэйкокусюги «империализм», а также 諸国 сёкоку «страны», 諸問題 сёмондай «проблемы», 人的 дзинтэки «гуманитарный», 政治的 сэйдзитэки «политический». Некоторые словообразовательные ряды не очевидны в японском языке из-за неактивности соответствующих словообразовательных моделей, например, непонятно, почему в японском слове 帽子 бо:си «шляпа» используется морфема 子 (си «ребенок»). Однако рассмотрение этого слова в словообразовательном ряду китайского языка – 裙子 qúnzi «юбка, платье», 裤子 kùzi «брюки, штаны; кальсоны; подштанники; трусы», 帽子 màozi «головной убор; шапка, шляпа» – показывает, что мы имеем дело со словообразовательным суффиксом китайского языка 子 (zi), не работающим в японском языке. К протокитайским элементам относятся и «префиксы» отрицания – 不 фу, 無 му, 非 хи, 未 ми, например: 不景氣 фукуэйки «экономическая депрессия», 不器用 фукиё:(-на) «неловкий; неумелый»; 無色 мусёку «бесцветный», 無形 мукэй «бесформенный», 無防備 мубо:би «незащищенный»; 非公開 хико:кай «частный, закрытый», 非科学的 хи-кагакутэки «ненаучный»; 未熟(な) мидзюку(на) «незрелый; неспелый», 未完成 микансэй «незаконченный, незавершённый».

(3) Протокитайский характер имеют некоторые виды редупликации. Приведем несколько примеров.

① 平凡 хэйбон «обычный, заурядный» → 平平凡凡 (...平平凡凡としたサラリーマンの父親も一緒だ Хэйхэйбонбон-тосита сарари:ман-но титиоя мо иссё да «С ней был и отец, по виду – самый заурядный служащий»);

② 明白 мэйхаку «ясный, прямой» → 明明白白 (...ことは、明明白白な次第である ... кото ва мэймэйхакухаку-на сидай дэ ару «...это было совершенно ясно и понятно»);

③ 奇怪 кикай «странный, невероятный» → 奇奇怪怪 (奇々怪々な事件 кикикайкайна дзикэн «самое невероятное происшествие»).

В китайском языке использование форм редупликации более широко и разнообразно, чем в японском языке [17], например, 平平常常 (píngpíng-chángcháng) ← 平常 (píngcháng) «обычный, заурядный»; 普普通通 pǔpǔ tōngtōng ← 普通 (pǔtōng) «обыкновенный, рядовой, простой» в китайском языке широко употребляемы, а в японском не образуются. Последовательная редупликация составных частей адъективных и адвербиальных лексем в китайском языке обычно является средством создания экспрессивных образов [17] (ср. редупликацию в ономатопоэтических словах), например: 高高兴兴出门平平安安回家 (Gāogāo xìngxìng chūmén píngpíng ān'ān huí jiā) «Выходите на улицу с радостью и возвращайтесь домой в целостности и сохранности» [17]. Аналогичное использование редупликации нередко имеет место и в японском языке, например: 私、あの子には、いつも正々堂々としてほしいのよ Ватаси, ано ко-ни ва ицумо сэйсэй-до:до:-то ситэ итэ хосий но ё «Я хотела бы, чтобы этот ребёнок всегда вёл себя честно и открыто» [20].

(4) К протокитайским элементам японского языка следует отнести и так называемые «слитные словосочетания» [10, с. 151]. Для них актуальны правила порядка, пришедшие из китайского языка. Ср. следующие примеры.

- ① 中华人民共和国 (Zhōnghuá rénmín gònghéguó) «Китайская народная республика»;
- ② 中国共产党中央委员会 (Zhōngguó gòngchǎndǎng zhōngyāng wěiyuánhui) «Центральный комитет КПК»;
- ③ 独立国家共同体 *Докурицу кокка кё:до:тай* «СНГ»;
- ④ 北太平洋条約機構 *Кита тайсэйё: дзё:яку кико:* «НАТО».

И китайские, и японские названия в вышеприведенных примерах построены по общим правилам препозиции зависимого компонента и постпозиции господствующего. При переводе китайских терминов на японский язык, а японских – на китайский последовательность компонентов не изменится.

(5) И для китайского, и для японского языков актуальны положения теории так называемой «конверсионной омонимии» [11, с. 96–114]. Как для лексики китайского, так и для КАНГО японского языка обычны конверсионные переходы типа: действие – предмет, предмет – атрибут, атрибут – предмет и т. д., в результате которых создаются омонимы, обладающие разными грамматическими свойствами. Например, КАНГО японского языка 出品 *сюппин* может функционировать в качестве имени со значениями «показ, демонстрация» или «экспонат», а присутствие в структуре этого китаизма глагольного компонента 出 *сюцу* «выходить, исходить» позволяет омониму указанного имени 出品 *сюппин* приобретать значения «выставлять, экспонировать; демонстрировать», например: 1)「初心者におすすめ! オークション出品のコツ」*Сё-синся о-сусумэ! О:кусён сюппин-но коцу* «Важные моменты выставления товаров на аукционе. Рекомендации для новичков!» (здесь 出品 – имя в конверсионной паре) [15]; 2) 新鮮野菜などを出品 *Синсэнна ясай надо-о сюппин* «Выставляем свежие овощи и тому подобное» (здесь 出品 – глагол в конверсионной паре) [20].

(6) Формы китайской грамматики в обилии присутствуют в **протокитайских фразеологических композитах** (成語・故事成語・四字熟語; далее – ПФК). ПФК в современном японском языке обычно фигурируют в виде одного члена предложения (или его части) в соответствии со своими имманентными свойствами – именными, глагольными, адъективными или адвербиальными, например:

- ① 私は夢を叶えるために東奔西走している *Ватаси ва юмэ-о канаэру тамэ-ни то:хон-сэйсо: ситэ иру* «Верчусь, как белка в колесе, чтобы осуществить свои мечты» (ПФК – часть

составного глагольного сказуемого);

② それからの十三年あまりは、**順風満帆**の幸せな生活がつづいた *Сорэ-кара-но дзю:сан-нэн амари ва дзюнпу:-манпо: ситэ иру* «В последующие более чем тридцать лет продолжалась счастливая жизнь с полными парусами и попутным ветром» (ПФК – атрибутивный именной компонент, приименное определение);

③ 松本清張はいろんなことに、**興味津津**であったようだ *Мацумото Сэйтё: ва иронна котони кё:ми-синсин дэ атта ё: да* «Похоже, что Мацумото Сэйтё ко всему испытывал живейший интерес» (ПФК – часть составного именного сказуемого) [20].

Независимо от синтаксической функции в составе предложения внутри каждого ПФК имеет место сложная синтаксическая организация, обусловленная нормами грамматики китайского языка. В первом ПФК **東奔西走** *то:хон-сэйсо:* «быть (вечно) в беготне» обнаруживается синтаксическая последовательность (сложносочиненное предложение), состоящая из двух сочиненных клауз, построенных по формуле «обстоятельство + предикат, выраженный глаголом». Во втором примере **順風満帆** *дзюнпу:-манпо:* «попутный ветер, полные паруса» – два атрибутивно-именных словосочетания, объединенные копулятивной (сочинительной) связью. В третьем примере **興味津津** *кё:ми-синсин* «вызывающий глубокий интерес» обнаруживается субъектно-предикатная конструкция: существительное **興味** «интерес» в функции субъекта + онома топ **津津** «переполняться, переливаться через край; находиться в состоянии приподнятого оживления» в функции предиката. В ПФК японского языка как бы «законсервированы» формы китайской грамматики. Заметим попутно, что ПФК связаны не только с китайской грамматикой, но и с китайской этикой, эстетикой, историей, всем миром китайской духовной культуры.

(7) Протокитайскими в современном японском языке являются также пространственные, временные и прочие структурно-грамматические показатели («полуаффиксы» [11, с. 115]) **上** -дзё:, **内** -най, **外** -гай, **中** -тю: и т. д. Китайскими моделями определяются правила аббревиации «слитных словосочетаний», например: **北京大学** *Вэйджинг дахуэ* «Пекинский университет» → **北大** *Вейда*; **東京大学** *То:кё: дайгаку* «Токийский университет» → **東大** *То:дай*; **博士論文** *хакасэ-ронбун* «докторская диссертация» → **博論** *хакурон* и т. д. Протокитайскими являются многие модели создания сложных слов и протокитайских 4-компонентных композитов, в том числе ПФК, например: **遠隔教育** *энкаку-кё:ику* «дистанционное обучение»; **經濟新聞** *кэйдзай синбун* «Экономическая газета»; **一所懸命** *иссё-кэммэй* «изо всех сил, усердно», **一期一会** *итиго-итиэ* «единственный в жизни случай; уникальный шанс». Протокитайскими являются рутинные канцелярские обороты типа: **同上** *до:дзё:* «как (сказано) выше», **可否** *кахи* «да или нет», **在中** *дзайтю:* «находится внутри», **以上** *идзё:* (как показатель окончания текста официального сообщения в письменной форме речи), а также изысканные эпистолярные формы начала и окончания текста, например: **拜啓** *хайкэй* «Уважаемый!» - **敬具** *кэйгу* «Преданный Вам», **謹啓** *кинкэй* «Милостивый государь!» – **謹白** *кинпаку* «С почтением сообщаю» (*заключительная фраза в письме к высшему лицу*) и т. д. (см. примеры в [7]).

(8) К протокитайским элементам японского языка относятся некоторые предлоги (**在** *дзай* «находящийся в ...», **於** (*ни*) *ойтэ* кн. «в, на») и союзы - (**それ**) **故** (**に**) (*сорэ*) **юэ** (*ни*) «поэтому», **且** **ㄗ** *кацу* «кроме того; сверх того», **尚且** **ㄗ** *наокацу* «далее, кроме того». Сначала обратимся к предлогам и рассмотрим следующие примеры.

① **他在家工作** (*Tā zàijiā gōngzuò*) «Он работает дома»;

② 在大阪ロシア総領事館 *Дзай О:сака Росиа со:рё:дзикан* «Генеральное консульство России в Осака» [16];

③ 「ロシア語ロシア文学研究」在中 *«Росиаго Росия бунгаку кэнкю:» дзайтю:* «Внутри (конверта) находится (сборник статей) «Исследования по русскому языку и русской литературе»» (надпись на конверте);

④ 这种毒草, 原产於中南美洲 (*Zhè zhǒng dúcǎo, yuán chǎn yú zhōngnán měizhōu*) «Этот ядовитый сорняк произрастает в Центральной и Южной Америке» [12].

⑤ 「と、本田 II」於京都みたて *«То Хонда ни» Кё:то Митака ни ойтэ* «Вот так! Хонда – (версия) II» в Митака – Киото» (рекламное объявление);

⑥ 国際会議 (於東京) において *(То:кё:-ни окэру) кокусай кайги-ни ойтэ* «На международной конференции (в Токио)» [19].

Первый пример иллюстрирует обычное использование предлога 在 в современном китайском языке. Во втором примере – реальное название генерального консульства России в Осака с тем же предлогом. В следующем (третьем) примере представлена надпись на конверте со сборником статей от Японского общества русской литературы (日本ロシア文学会), полученном осенью 2023 года. В четвертом примере приведен короткий фрагмент из книги китайского критика, писателя и переводчика Лян Шицю (1903–1987) 雅舍菁华 (*Yǎ shě jīnghuá*) «Сущности элегантного дома». В цитате используется вышедшая из употребления в современном китайском языке графическая форма предлога 于 (*yú*) → 於 (иное чтение *wū*), которая закрепились в письменной форме японского языка. В пятом примере представлено название выставки декоративного искусства, проходившей в Киото летом и осенью 2023 года (см. полный текст коммерческого объявления в [7, с. 25–26]). Шестой пример заимствован из интернет-дискуссии о том, как следует читать цитируемую фразу по-японски. Из текста дискуссии следует, что выражение 於東京 должно озвучиваться как в КАМБУНе – с изменением последовательности компонентов – ТО:КЁ: НИ ОЙТЭ [19].

Судя по базе данных китайского языка Пекинского университета [12], причинно-следственные союз 故 (*gù*) «поэтому», «а потому» имеет широкое распространение в китайском языке. Генетически связанный с ним союз японского языка (それ) 故 (に) (*сорэ) юэ (ни)* «поэтому, вследствие» используются в письменно-книжных стилях современного японского языка и несколько архаичен. Архаично-книжными в японском языке, по-видимому, являются и два других упомянутых выше протокитайских союза – 且つ *кацу* «кроме того», 尚且つ *наокацу* «далее, сверх того», например: 1) 食わねば死ぬ故、古橋は食物にも興味を持っている *Куванэба сину юэ, Фурухаси ва табэмоно ни мо кё:ми-о моттэ иру* «Поскольку если не есть, то умрёшь, то Фурухаси интересуется и провизией»; 2) 3人とも真面目且つ熱心に取り組んでいるのだが... *Саннин то мо мадзимэ кацу нэссин-ни торикундэ иру но да га...* «Три человека занимаются этим серьёзно, да и самозабвенно, но...»; 3) 詳しく、尚且つ分かりやすく教えて下さい *Кувасику, наокацу вакариясуку оситэ кудайсай* «Пожалуйста, поясните это подробно, а также и понятно!» [20].

В отличие от упомянутых союзов японского языка соответствующие им союзы китайского языка (их китайские этимоны) – 且 *qiě*, 尚且 *shàngqiě* – широко употребимы, и их функционально-семантические свойства более разнообразны [18, 12].

Таким образом, мы можем сказать, что в письменно-книжных стилях японского языка используются не только лексические, но и грамматические средства, заимствованные из китайского языка через посредство КАМБУНа и СО:РО:БУНа в разные исторические эпохи. В этом отношении особенно показательны сложные слова китайского происхождения (КАНГО).

2. Грамматика протокитайских сложных слов японского языка (КАНГО)

В этом разделе мы ставим перед собой задачу проанализировать, как в сложных КАНГО современного японского языка проявляются правила китайской грамматики. В европейской лингвистической традиции о структуре сложных слов принято говорить не в категориях синтаксиса, а в морфологических категориях (основа слова, окончание, парадигма словоизменения, корневые и аффиксальные морфемы). Однако, по свидетельству Н.В. и В.М. Солнцевых [11], «в китайском языке знаменательные морфемы – это либо бывшие самостоятельные слова с определенной грамматической характеристикой, либо самостоятельные слова вне этого сложного слова. Поэтому-то они и сохраняют грамматические свойства в составе сложного слова» [10, с. 117]. Эти грамматические (синтаксические) свойства структурных компонентов сложных слов китайского языка актуальны и для КАНГО японского языка. Поэтому мы будем говорить о структуре сложных КАНГО, пользуясь синтаксическими категориями.

В синтаксических правилах порядка японского и китайского языков есть общие черты (особенно письменно-книжной речи) в том числе и потому, что китайский язык оказывал большое влияние на развитие японского языка на протяжении многих столетий. Однако есть и одно фундаментальное различие, весьма существенное для наших рассуждений, – это позиция дополнения. В японском языке нормой является такой порядок синтаксических компонентов предложения, когда зависимый компонент предшествует господствующему, а глагол-сказуемое располагается в конце предложения. В китайском языке дополнение обычно ставится после глагола-сказуемого, например (ср. с японским переводом после стрелки): 1) 我学中文 Wǒ xué zhōngwén «Я учу китайский язык» → 私は中国語を学びます *Ватаси ва тю:гокуго-о манабимас*; 2) 我在打电话 Wǒ zài dǎ diànhuà «Я звоню по телефону» → 電話をかけています *Дэнва-о какэтэ имас*; 3) 我在家里 Wǒ zài jiālǐ «Я дома» → 私は家に居ます *Ватаси ва из-ни имас*.

Эта особенность китайской грамматики закрепилась в большом количестве сложных слов японского языка, относящихся к КАНГО, например: 1) 開戦 *кайсэн* «развязать войну», 造船 *дзо:сэн* «строить корабли», 返品 *хэмпин* «вернуть товар» (прямое дополнение); 2) 進水 *суйсин* «спустить на воду», 登山 *то:дзан* «взбираться на гору», 着席 *тякусэки* «сесть на место» (косвенное дополнение).

Об отношении морфем в составе сложного КАНГО А.А. Пашковский пишет: «При дополнительно-постпозиционных сложениях главный, процессуальный корень занимает первое место. Он дополнен предметным корнем. Компоненты повторяют в своеобразном виде объектные словосочетания китайского языка» (失血 *сиккэцу* «терять кровь», 改題 *кайдай* «сменить тему», 採炭 *сайтан* «добывать уголь») [10, с. 76].

Авторы грамматики китайского языка [11] выделяют пять типов китайских сложных слов в соответствии со структурной моделью, по которой они образованы, а именно:

- ① атрибутивная модель;
- ② копулятивная модель;
- ③ глагольно-объектная модель;

- ④ «результативная» модель;
 ⑤ субъектно-предикативная модель [11, с. 116]).

Заметим, что все эти типы сложных КАНГО существуют и в японском языке¹ (табл. 1; название пятой группы изменено).²

Таблица 1

Структурная классификация сложных КАНГО современного японского языка

№	Тип структурной модели	Примеры сложных КАНГО
1.	Атрибутивная модель (первый компонент КАНГО является определением ко второму)	和食 <i>васёку</i> «японская еда», 海岸 <i>кайган</i> «морское побережье», 動物 <i>до:буцу</i> «животные», 漢字 <i>кандзи</i> «китайские иероглифы», 園芸 <i>энгэй</i> «садоводство», 新聞 <i>симбун</i> «газета», 漢才 <i>кансай</i> кн. «китайская учёность», 真言 <i>сингон</i> буд. «мантра», 出口 <i>дэгути</i> «выход»
2.	Копулятивная модель (компоненты КАНГО сопологаются, находясь в равноправных отношениях)	男女 <i>дандзё</i> «мужчины и женщины», 矛盾 <i>мудзюн</i> «противоречие», 可否 <i>кахи</i> «плюсы и минусы», 上下 <i>дзё:гэ</i> «верх и низ», 善惡 <i>дзэнъаку</i> «добро и зло», 老若 <i>ро:дзяку</i> «старые и молодые», 闘争 <i>то:со</i> : «бороться» и «борьба», 生活 <i>сэйкацу</i> «жить» и «жизнь»
3.	Глагольно-объектная модель (процессуальный компонент имеет прямое или косвенное дополнение, возможна конверсионная номинализация)	① 帰国 <i>кикоку</i> «вернуться на родину» и «возвращение на родину», 増税 <i>дзо:дзэй</i> «увеличивать налоги» и «увеличение налогов», 服務 <i>фукуму</i> «выполнять служебные обязанности» и «выполнение служебных обязанностей», 育児 <i>икудзи</i> «воспитывать детей» и «воспитание детей» ② 心配 <i>симпай</i> «беспокоиться» и «беспокойство», 詩作 <i>сисаку</i> «сочинять стихи» и «сочинение стихов», 算出 <i>сансюцу</i> «вычислять» и «вычисление»
4.	«Результативная» модель (первый компонент КАНГО обозначает действие, а второй – его результат)	改良 <i>кайрё</i> : «улучшать» и «улучшение», 減少 <i>гэнсё</i> : «сокращать» и «сокращение», 説明 <i>сэюмэй</i> «объяснять» и «объяснение», 革新 <i>какусин</i> «обновлять» и «обновление», 改善 <i>кайдзэн</i> «усовершенствовать» и «усовершенствование»
5.	Субъектно-предикатная модель (компоненты КАНГО соотносятся как субъект и предикат)	地震 <i>дзисин</i> «земля трясётся», 頭痛 <i>дзуйу</i> : «голова болит», 民主 <i>минсю</i> «народ – господин», 時短 (營業) <i>дзитан (эйгё)</i> : «время короткое», т. е. «(работа по) сокращенному графику (в эпоху пандемии коронавируса)»

Как следует из табл. 1, КАНГО глагольно-объектной модели в японском языке делятся на два класса:

1) построенные по протокитайской модели V + O (с постпозицией дополнения), например: 帰国 *кикоку* «возвращаться в страну» и «возвращение в страну»; 増税 *дзо:дзэй* «увеличивать налоги» и «увеличение налогов»; 動員 *до:ин* «мобилизовать» и «мобилизация»; 登山 *то:дзан* «подниматься на гору» и «альпинизм», 加筆 *кахицу* «дописывать» и «дописывание»;

2) построенные по исконно японской модели O + V (с постпозицией глагольного компонента), например: 心配 *симпай* «беспокоиться» и «беспокойство»; 算出 *сансюцу* «вычислять» и «расчёты»; 詩作 *сисаку* «сочинять стихи» и «сочинение стихов»; 論評 *ромпё*: «дать критический обзор» и «обзор, рецензия»³. Некоторые лексемы, созданные по этой модели,

¹ Вероятно, найдутся соответствия и более дробной классификации В.Г. Горелова [3].

³ Несложно заметить, что в количественном отношении в современном японском языке абсолютно преобладают КАНГО первого типа, т. е. построенные по протокитайской модели.

присутствуют и в китайском языке, например: 算出 (suànchū) «вычислять, производить вычисление»; 自愛 (zì'ài) «любить самого себя» и «самовлюблённость». Однако эта модель не является в китайском языке активной моделью словообразования. В японском же производство китаизмов такого типа подкрепляется активностью этой модели словообразования при создании сложных слов из исконно японской лексики ВАГО (和語), например: 腹切り *харакири* «харакири, вспарывание живота» (этимологически «живот» + «резать»), 綱渡り *цунаватару* «хождение по канату» (этимол. «канат» + «переходить»), 幅跳び *хабатоби* «прыжки в длину» (этимол. «ширина» + «прыгать»), 物思い *моноомои* «задумчивость», «беспокойство» (этимол. «вещи» + «думать»). Это касается и сложных слов смешанного типа, например: 記録破り *кирокуябури* «побитие рекорда» (этимол. «рекорд» + «порвать»); サラダ作り *сарададзукуру* «изготовление салата» (этимол. «салат» + «создавать»).

Как мы показали выше, лексико-семантические свойства сложных слов зависят от исконных грамматических свойств компонентов, их образующих. Так, в китайском языке «фактически без исключения являются существительными сложные слова с атрибутивным отношением между компонентами при втором именном компоненте» [11, с. 117]. Это происходит «в силу того, что этот главный именной компонент является сам по себе существительным. Именно он определяет грамматическое поведение сложного слова в речи и его категориальную принадлежность» [11, с. 118]. Это в основном справедливо и для японского языка: китаизмы с финальным опорным именным компонентом – 芸者 *гэйся* «гейша», 軍人 *гундзин* «военный», 血管 *кэккан* «кровеносный сосуд», 電気 *дэнки* «электричество», 記念碑 *кинэнхи* «монумент», 教科書 *кё:касё* «учебник» и т. д. – обычно функционируют как существительные. Именные КАНГО неспособны принимать «вербализатор» -СУРУ. Впрочем, японский язык в области вербализации имен более гибок, чем китайский, и обнаруживаются исключения из описанного правила, хотя и не очень многочисленные, например, 工夫する *куфу:-суру* «изобретать, придумывать», 音楽する *онгаку-суру* «музыцировать» (Ср.: 指揮棒のとおりに楽器を弾くだけではいい音楽はできないでしょ。音楽する心がなくちゃ *Сикибо:-но то:ри-ни гакки-о хику дакэ-дэ ва ий онгаку ва дэкинай дэсё. Онгаку-суру кокоро-га накутя* «Хорошая музыка ведь не возникает только из того, что (некто) играет на инструменте в соответствии с движениями дирижёрской палочки! Музыцирующее сердце необходимо!» [20].

По свидетельству авторов «Теоретической грамматики современного китайского языка» [11], в китайском языке «всегда являются существительными сложные слова, состоящие из двух именных компонентов с парной или копулятивной связью, например, 父母 *фуму* «родители» (букв. «отец» + «мать») 朋友 *пэнью* «друг, приятель» (букв. «друг» + «приятель»)» [11, с. 118]. Это справедливо и для японского языка. Подобные китаизмы (姉妹 *симай* «сёстры», 形態 *кэйти* «форма», 人民 *дзиммин* «народ», 父母 *фубо* «отец и мать») и в японском языке функционируют в качестве существительных и не способны принимать «вербализатор» -СУРУ.

Иными свойствами в китайском языке обладают сложные слова, созданные по копулятивной модели из глагольных компонентов (生产 *шенчань* «производить», «производство», 代表 *дайбяо* «представлять», «делегат, представитель») [11, с. 119]. «Отличительная черта этих слов состоит в том, что, будучи по происхождению глаголами, эти сложные слова регулярно в порядке конверсии образуют существительные, которые представляют собой конверсионные омонимы по отношению к породившим их глаголам (шенчань «производить» и шенчань «производство» и т. д.)» [11, с. 119–120]. Соответственно, и в японском языке КАНГО,

состоящие из копулятивных сочетаний глагольных корней – 闘争 *то:со:* «бороться», «борьба», 戦争 *сэнсо:* «воевать», «война», 生活 *сэйкацу* «жить», «жизнь» – по законам конверсионной омонимии могут функционировать и в качестве имен, и в качестве омонимичных этим именам глаголов, способных присоединять «вербализатор» -СУРУ.

Обобщая последние тезисы, мы можем сказать, что и в китайском, и в японском языках 1) сложные слова (КАНГО – в японском) с атрибутивной связью компонентов и опорной именной частью обычно функционируют как существительные; 2) копулятивные (сочинительные) КАНГО глагольного типа, а также глагольно-объектные КАНГО благодаря своим составным элементам обладают предикативными (глагольными) свойствами. Поэтому они способны функционировать в качестве глаголов, которые могут в результате конверсионной номинализации функционировать и в качестве имен.

Как видим, грамматические (функционально-семантические) свойства КАНГО определяются преимущественно имманентными свойствами составляющих их компонентов и, в общем, соответствуют нормам китайской грамматики. Так называемый «вербализатор» -СУРУ [1, с. 400–405] не столько придает КАНГО глагольно-предикативные свойства, сколько объективирует их. Как правило, он присоединяется к сложным КАНГО, уже имеющим глагольные свойства, и обычно не присоединяется к сложным КАНГО, не имеющим вышеназванных свойств. В письменно-книжном языке использование -СУРУ не обязательно. Такие формы регулярно используются в газетных заголовках и рекламных текстах [5], требующих лаконичности, например: 1) 再稼働の前提、電気代を算出 *Сайкадо:-но дзэнтэй, дэнкидай-о сансюцу* «Предпосылкой возобновления работы (атомной электростанции) является проведенная калькуляция тарифов стоимости электроэнергии» [21]; 2) 当社は初めてご利用の方限定 *То:ся ва хадзимэтэ го-риё:-но ката гэнтэй* «(Это предложение) нашей компании предназначено исключительно для новых клиентов!» (из коммерческой рекламы 2023 г.).

В приведенных примерах выделенные китаизмы фигурируют в качестве предикативных компонентов высказываний. В первом примере имеется прямое дополнение, а во втором – косвенное с супрессированной граммемой *-ни* (に). Эти дополнения объективируют глагольные свойства предикативных компонентов высказываний. Авторы «Теоретической грамматики японского языка» [1] объясняют подобные примеры «опущением» -СУРУ «в текстах экспрессивного характера» [1, с. 405], однако в корпусе японского языка «Тюнагон» [20] можно найти немало примеров, в которых трудно усмотреть «опущение» или эллипсис «вербализатора» -СУРУ, например: 1) 蜷川は秋、ロンドンで英国人俳優により『ハムレット』を上演。宮本亜門は日本人演出家として初めてブロードウェイに進出、話題になった *Нанигава ва аки, Рондон-дэ эйкокудзин хайю:-ни ёри Хамурэтто-о дзё:эн. Миямото Амон ва нихондзин энсюцука-то ситэ хадзимэтэ Буро:доуэ:-ни синсюцу, вадай-ни натта.* «Нанигава осенью поставил в Лондоне «Гамлета» с английскими актерами; Амон Миямото первым из японских режиссёров вышел на Бродвей и стал предметом для разговоров»; 2) 国民全体が敗戦を心配、軍の無策、無謀、無責任を考え始める *Кокумин дзэнтай-га хайсэн-о симпай, гун-но мусаку, мубо:, мусэкинин-о кангаэхадзимэру* «Вся нация беспокоится о (возможном) поражении и начинает задумываться о бездействии, безрассудстве и безответственности военных»; 3) ...その一方の側に教職員が整列、9時の所へ時計の針が進むのを待っている *Соно иппо:но гава-ни кё:сёкуин га сэйрэцу, кудзин-но тогоро-э токэй-но хари-га сусуму-но-о маттэ иру.* «А на другой стороне преподаватели и сотрудники выстраиваются в ряд, ожидая, когда стрелки часов покажут 9 (утра)». Выделенные

КАНГО в трёх последних примерах обладают предикативными свойствами в силу своих имманентных свойств, а не благодаря подвергнувшемуся эллипсису «вербализатору» -СУРУ.

В соответствии с их семантикой, синтаксическими функциями и имманентными свойствами структурных компонентов сложные КАНГО современного японского языка могут быть представлены в виде следующих пяти функционально-семантических классов (частей речи) (табл. 2).

Таблица 2

Функционально-семантические классы КАНГО современного японского языка

№	Функционально-семантические классы КАНГО	Подклассы КАНГО и конкретные примеры
1.	Именные КАНГО (не могут быть вербализованы, не принимают «вербализатор» -СУРУ)	a. Атрибутивные: 半島 <i>ханто</i> : «полуостров», 太陽 <i>тайё</i> : «солнце», 同僚 <i>до:рё</i> : «коллеги», 大陸 <i>тайрику</i> «континент»; b. Копулятивные: 男女 <i>дандзё</i> «мужчины и женщины», 矛盾 <i>мудзюн</i> «противоречие», 可否 <i>кахи</i> : «плюсы и минусы», 善惡 «добро и зло»
2.	Глагольные КАНГО (могут быть предикативным компонентом высказывания, принимают «вербализатор» -СУРУ, могут быть номинализованы, образуя конверсионные омонимы глагольных КАНГО)	a. Процессуально-объектные: 出勤 <i>сюккин</i> «выходить на работу» и «выход на работу», 切腹 <i>сэнтюку</i> «делать харакири» и «харакири»; b. Объектно-процессуальные: 心配 <i>симпай</i> : «беспокоиться» и «беспокойство», 詩作 <i>сисаку</i> «сочинять стихи» и «сочинение стихов»; c. Копулятивные: 闘争 <i>то:со</i> : «бороться» и «борьба», 思考 <i>сико</i> : «мыслить» и «мышление», 生活 <i>тайё</i> : «жить» и «жизнь»; d. «Результативные»: 説明 <i>сэцумэй</i> «объяснять» и «объяснение», 革新 <i>какусин</i> «обновлять» и «обновление», 改善 <i>кайдзэн</i> «усовершенствовать» и «усовершенствование»
3.	Адъективные КАНГО (не могут быть вербализованы, не принимают -СУРУ)	綺麗(な) <i>кирёй(на)</i> «красивый», 広大(な) <i>ко:дай(на)</i> «обширный», 明白 (な) <i>мэйхаку(на)</i> «ясный», 膨大 (な) <i>бо:дай(на)</i> «огромный»
4.	Адвербиальные КАНГО (не могут быть вербализованы, не принимают -СУРУ)	多少 <i>тасё</i> : «много или мало»; 勿論 <i>мотирон</i> «конечно», 絶対 <i>дзэттай</i> «обязательно, непременно»
5.	Междометные КАНГО (не могут быть вербализованы, не принимают -СУРУ)	嗟乎 <i>а</i> : «Ах!», 畜生 <i>тикусё</i> : «Чёрт возьми!»

Первый класс китаизмов японского языка – это именные КАНГО. Они представлены двумя подклассами – атрибутивным и копулятивным в соответствии с ранее выделенными типами структурных моделей китаизмов японского языка. Именные КАНГО, как правило, не могут быть вербализованы и, соответственно, не способны присоединять «вербализатор» -СУРУ.

Второй класс состоит из четырёх подклассов КАНГО. Это объектно-процессуальные, процессуально-объектные, копулятивные и «результативные» КАНГО. Они могут быть предикативным компонентом высказывания и выполнять глагольные функции, и поэтому могут

принимать «вербализатор» -СУРУ. В результате номинализации из них образуются именные КАНГО, являющиеся конверсионными омонимами вербальных.

Адъективные, адвербиальные и междометные КАНГО, составляющие следующие три класса китаизмов японского языка, также лишены глагольных свойств и неспособны принимать «вербализатор» -СУРУ.

Описанные категориальные свойства КАНГО могут проявляться в различных грамматических явлениях, например в выборе модели словообразования в следующих словообразовательных рядах обозначения лиц: КАНГО + -НИН/-ДЗИН (в письменной форме речи два «полуаффикса» [11, с. 115] записываются одной и той же графемой 人):

1) 外国人 *гайкокудзин* «иностранец», 宇宙人 *утю:дзин* «космический пришелец», 社会人 *сякайдзин* «полноправный член общества», 芸能人 *гэйно:дзин* «артист эстрады, шоумен» (как следует из примеров, в именных КАНГО используется «полуаффикс» -ДЗИН);

2) 管理人 *канринин* «управляющий, заведующий», 支配人 *сихайнин* «управляющий, заведующий, распорядитель», 世話人 *сэванин* «посредник, распорядитель», 保証人 *хосё:нин* «гарант», 案内人 *аннайнин* «проводник, гид», 仲介人 *тю:кайнин* «посредник» (как следует из примеров, в глагольных (акцидентных) КАНГО используется «полуаффикс» -НИН).

Н.И. Конрад в «Синтаксисе японского национального литературного языка» писал: «...с давних пор японский язык перестал быть чисто японским, он стал понемногу – по линии лексики – превращаться в японо-китайский» [8, с. 34]. Учитывая приведенные в этом опусе языковые факты, мы можем к этому добавить, что вместе с КАНГО при посредстве КАМБУНа и СО:РО:БУНа японский язык приобрел и значительный арсенал средств китайской грамматики, которые стали неотъемлемой частью письменно-книжных стилей японского языка и сегодня обеспечивают функционирование КАНГО в нём.

Заключение

За столетия существования под сенью китайской цивилизации многие явления материальной и духовной культуры Китая стали достоянием японского народа. А в японский язык вошли многочисленные лексические и грамматические заимствования из китайского языка. И в современном японском языке составные элементы китаизмов – КАНГО (漢語) сохраняют свои многие исконные функционально-семантические и грамматические свойства; их функционирование в японском языке в общем соответствует правилам китайской грамматики. В некоторых случаях грамматическая структура КАНГО даже противоречит основополагающим принципам японской грамматики (например, наличие процессуально-объектных КАНГО с постпозицией зависимого компонента).

КАНГО как абсолютно органично включенные в систему японского языка единицы используются японцами творчески, и в письменно-книжной форме современного японского языка создаются все новые и новые слова, образованные по китайским моделям [12, 7]. Их функционирование в японском языке неразрывно связано не только с китайскими иероглифами и китайской грамматикой, но и с китайской эстетикой, историей и культурой. Это в наибольшей степени относится к протокитайским фразеологическим композитам, мы не имели возможности в должной мере рассмотреть их в этой работе из-за ограниченности печатного пространства.

Список литературы

1. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 1. М.: Наталис, 2008. 559 с.
2. Головнин И.В. Грамматика современного японского языка. М.: Изд-во МГУ, 1986. 318 с.
3. Горелов В.И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. 216 с.
4. Дыбовский А.С. Привлекательность западных идеалов // Россия и АТР. 1996. № 3. С. 97–102.
5. Дыбовский А.С. Заметки о языке рекламы в Японии // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 1996. № 3. С. 192–207. EDN: HKZOUX
6. Дыбовский А.С. О дискурсивных особенностях использования западных заимствований в современном японском языке (новая редакция) // Педагогика: история, перспективы. 2022. Т. 5, № 4. С. 119–135. EDN: EUUVDY
7. Дыбовский А.С. Японский язык как арена столкновения цивилизаций // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 4. С. 17–30. <https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/17-30>
8. Конрад Н.И. Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937. 375 с.
9. Лаврентьев Б.П. Практическая грамматика японского языка. М.: Живой язык, 2002. 351 с.
10. Пашковский А.А. Слово в японском языке / под ред. И.Ф. Вардуля. М.: URSS, 2006. 207 с.
11. Солнцева Н.В. Солнцев В.М. Теоретическая грамматика современного китайского языка (проблемы морфологии). Курс лекций. М.: Военный институт, 1979. 151 с.
12. BCC语料库 – 北京语言大学 (Корпус BCC – Пекинский университет языков). URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 13.01.2024).
13. Hoang Thi Cham / 21 世紀の日本語新語における漢語的要素 (Элементы КАНГО в неологизмах японского языка в 21 веке) / 2020 修士論文 (Магистерская диссертация). URL: http://repository.vnu.edu.vn/handle/VNU_123/89428 (дата обращения: 02.12. 2023).
14. Jardic / Japanese Dictionaries. URL: http://www.jardic.ru/index_r.htm (дата обращения: 14.01.2024).
15. オークション代行-まるオク (Маруоку как сетевой аукцион). URL: https://www.im-reachpac.org/maruoku_auction_syosinnsya/ (дата обращения: 14.01. 2024).
16. 在大阪ロシア総領事館 (Генеральное консульство России в Осака). URL: <https://www.google.com/search?client=firefox-b-d&q=③+在大阪ロシア総領事館> (дата обращения: 14.01. 2024).
17. ゼロから学ぶ中国語 / 初級で習う89個の文法を完全解説 (Китайский язык изучаем с нуля / Полный комментарий 89 грамматических правил, изучаемых на начальном уровне обучения). URL: <https://youtu.be/JYGaOXh02QE?si=pOOGXARWndSvhT4t&t=1331> (дата обращения: 13.01. 2024).
18. 大 (БКРС / Большой китайско-русский словарь). URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 13.01. 2024).

19. 「於」の読み方について (О чтении иероглифа「於」). URL: <https://oshiete.go.jp/qa/38928.html> (дата обращения: 14.01. 2024).
20. 中納言コーパス検索アプリケーション (Корпус японского языка “Тюнагон” / Поисковое приложение). URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search> (дата обращения: 12.01. 2024).
21. 『東京新聞』2023年1月24日 («Токийская газета». 24 января 2023 г.).

References

1. Alpatov V.M., Arkadyev P.M., Podlesskaya V.I. Theoretical Grammar of the Japanese Language. Book 1. Moscow, Natalis Publ., 2008. 559 p. (In Russ.).
2. Golovnin I.V. Grammar of the Modern Japanese Language. Moscow, Moscow State University Publishing House, 1986. 318 p. (In Russ.).
3. Gorelov V.I. Lexicology of the Chinese Language. Moscow, Enlightenment Publ., 1984. 216 p. (In Russ.).
4. Dybovsky A.S. Attractiveness of Western Ideals. *Russia and the Pacific*. 1996, no. 3, pp. 97–102. (In Russ.).
5. Dybovski A.S. Some notes concerning the language used in commercial advertisements in Japan. *Oriental Institute Journal*. 1996, no. 3, pp. 192–207. (In Russ.).
6. Dybovsky A.S. On the discursive features of the use of western borrowings in modern Japanese. *Pedagogy: history, prospects*. 2022, vol. 5, no. 4, pp. 119–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/17-30>
7. Dybovsky A.S. The Japanese language as an arena of civilizational clash. *Far Eastern Philological Journal*. 2023, vol. 1, no. 4, pp. 17–30. (In Russ.).
8. Konrad N.I. Syntax of the Japanese National Literary Language. Moscow, 1937. 375 p. (In Russ.).
9. Lavrentiev B.P. Practical Grammar of the Japanese Language. Moscow, Living Language Publ., 2002. 351 p. (In Russ.).
10. Pashkovskiy A.A. Word in the Japanese Language. Ed. by I.F. Vardul'. Moscow, URSS Publ., 2006. 207 p. (In Russ.).
11. Solntseva N.V., Solntsev V.M. Theoretical Grammar of the Modern Chinese Language (Issues of Morphology). Lecture Course. Moscow, Military Institute Publ., 1979. 151 p. (In Russ.).
12. BCC Corpus – Beijing Language and Culture University URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (accessed: 13.01.2024). (In Chin.).
13. Hoang Thi Cham / 21 seiki no Nihongo shingo ni okeru kangoteki yōso (Elements of KANGO in Neologisms of the Japanese Language in the 21st Century) / 2020 Master's Thesis. URL: http://repository.vnu.edu.vn/handle/VNU_123/89428 (accessed: 02.12.2023). (In Jap.).
14. Jardic / Japanese Dictionaries. URL: http://www.jardic.ru/index_e.htm (accessed: 13.01.2024).
15. Ōkushon daikō – Maru Oku (Maru Oku: Auction Agency). URL: https://www.impeachpac.org/maruoku_auction_syosinnsya/ (accessed: 14.01.2024). (In Jap.).
16. Zai Ōsaka Roshia Sōryōjikan (Consulate General of Russia in Osaka). URL: <https://www.google.com/search?client=firefox-b-d&q=③+在大阪ロシア総領事館> (accessed: 14.01.2024). (In Jap.).

17. *Zero kara manabu Chūgokugo / Shokyū de narau 89-ko no bunnō o kanzen kaisetsu* (Learning Chinese from Zero. Comprehensive Commentary on 89 Grammatical Rules Studied at the Beginner Level). URL: <https://youtu.be/JYGaOXh02QE?si=pOOGXARWndSvhT4t&t=1331> (accessed: 13.01.2024). (In Jap.).

18. *Dà BKRS / Big Chinese-Russian Dictionary*. URL: <https://bkrs.info/> (accessed: 13.01.2024).

19. "於" *no yomikata ni tsuite* (On the Reading of the Kanji Character "於"). URL: <https://oshiete.goo.ne.jp/qa/38928.html/> (accessed: 14.01.2024). (In Jap.).

20. *Chūnagon-kōpasu kensaku apurikēshon* (Japanese Language Corpus "Tunagon" / Search Application). URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search/> (accessed: 12.01.2024). (In Jap.).

21. "Tōkyō *shinbun*" 2023-nen 1-gatsu 24-nichi ("The Tokyo Newspaper". January 24, 2023.) (In Jap.).

Статья поступила в редакцию / Received 11.03.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 29.03.2024

Принята к публикации / Accepted 04.04.2024

Научная статья

УДК 811.521

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/58-65>

Интонационные ошибки в японской речи русских обучающихся на примере вопросительных высказываний

Валерия Вячеславовна Цыганова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аспирант, ilerka.ts@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена описанию типов интонационных ошибок в японской речи носителей русского языка на примере вопросительных высказываний. Материал исследования представлен аудиозаписями японских вопросительных высказываний, произнесенных русскими дикторами в диалогической спонтанной речи. Акустический анализ реализаций позволил выявить некоторые интонационные нарушения, учёт которых может быть полезен при разработке национально-ориентированных методик преподавания интонации японского языка.

Ключевые слова: японская вопросительная интонация, русско-японская интерференция, интонационные ошибки

Для цитирования: Цыганова В.В. Интонационные ошибки в японской речи русских обучающихся на примере вопросительных высказываний // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 58–65.

Original article

Interrogative Intonation Errors in the Japanese Speech of L1 Russian Learners

Valeriia V. Tsyganova

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

Postgraduate Student, ilerka.ts@gmail.com

Abstract. The article presents a description of different types of interrogative intonation errors in the Japanese speech of L1 Russian learners of Japanese. The material for the research includes recordings of Japanese interrogative phrases uttered in spontaneous dialogues by speakers whose native language is Russian. Acoustic analysis of these realizations has revealed a few intonation errors, which may be considered when developing a national-oriented teaching approach for learners of Japanese intonation.

Key words: Japanese interrogative intonation, Russian-Japanese interference, intonation errors

For citation: Tsyganova V.V. Interrogative Intonation Errors in the Japanese Speech of L1 Russian Learners. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 58–65. (In Russ.).

При изучении фонетики иностранного языка бóльшее внимание зачастую уделяется звуковому строю данного языка, тогда как изучение особенностей интонации нередко отходит на второй план. Такое «отстранение» обучающихся от интонационной системы изучаемого языка может объясняться разными причинами: отсутствием полноты интонационных описаний изучаемого языка, недостаточностью данных сопоставительных исследований (например, исследований, посвященных сравнению русской интонационной системы с японской), слабой разработкой методик преподавания интонации иностранного языка и т. д.

Нередко сами обучающиеся недооценивают преимуществ правильного произношения, не подозревая, что наряду с ошибками в звуках существуют также ошибки в интонации, которые оцениваются носителями иностранных языков неравнозначно. Ряд исследований, посвященных оценке языковой интерференции и коммуникативных неудач, подтверждают, что при общении иностранца с носителем языка последний выявляет акцент в речи иностранца по ошибкам в артикуляции звуков, тогда как наличие интонационных ошибок им совершенно не осознаётся [10].

Соответственно, интерференция (результат взаимодействия двух языковых систем) на уровне интонации особенно коммуникативно-значима, т. к. может препятствовать правильной личностно-социальной оценке говорящего. Именно поэтому изучение различий между интонацией родного языка и иностранного так необходимо включать в учебный курс фонетики, чтобы при достаточном усвоении иностранного языка обучающиеся могли вступать в языковой контакт с носителями, не опасаясь коммуникативных неудач.

Цель данного исследования – рассмотреть интерференционные явления на супрасегментном уровне при контакте двух языковых систем: русской и японской. Выбор в качестве объекта сопоставительного исследования японского и русского языков обусловлен тем, что значительные различия, существующие в интонационных системах этих типологически и генетически не сходных языков, редко становились предметом исследований, тогда как изучение вопроса русско-японской интерференции может быть полезно для разработки национально-ориентированных методик обучения японскому языку.

В рамках данного исследования решаются следующие **задачи**: описать мелодические контуры японских вопросов, реализованных японскими и русскими дикторами; выявить интонационные нарушения в японских вопросах, произнесённых русскими дикторами.

В преподавании японского как иностранного большое внимание отводится обучению акцентуации (мелодическому ударению, используемому для различения лексических единиц), в то время как фразовой интонации уделяется незначительное место. Кроме того, некоторые исследователи японского языка оспаривают наличие в японском лингвистически значимых просодических явлений на уровне единиц, больших чем слово. Такая точка зрения мотивирована тем фактом, что для каждого типа предложения в японском характерны свои специфические грамматические формы, поэтому роль интонации как маркера коммуникативного типа высказывания нивелируется, и интонация имеет приложение только к области выражения эмоций говорящего.

Однако, в работах последних лет всё чаще и чаще используется двухуровневый подход, когда интонация исследуется на уровне фонетических слов и фраз [5, 360–375; 8, с. 539–573; 9, с. 137–154; 3, с. 234–318; 7, 233–242; 2, с. 48–78]. Этот подход к пониманию японской интонации использован в данном исследовании, а в качестве предмета исследования выбрана японская вопросительная интонация.

Интонационная система японского языка представлена четырьмя основными тонами [8, с. 557]:

1) высокий восходящий тон, или **H%** (характеризуется подъемом тона небольшого диапазона на всей ударной море: подъем со среднего до высокого тонального уровня говорящего);

2) низкий восходящий тон, или **LH%** (характеризуется более плавным подъемом тона большего диапазона в пределах ударной моры – повышение тона с низкого до высокого тонального уровня говорящего);

3) восходяще-нисходящий тон, или **HL%** (тон повышается в начале последней моры акцентной группы, мелодический пик локализуется в середине ударной моры, затем тон понижается к концу моры, а также удлиняется сама мора);

4) нисходяще-восходящий тон, или **HLH%** (понижение тона в начале ударной моры, достижение мелодического минимума в середине моры, а затем подъем тона до высокого тонального уровня говорящего до конца моры).

На рис. 1 показаны основные типы японских интонационных конструкций на примере японского слова «arene».

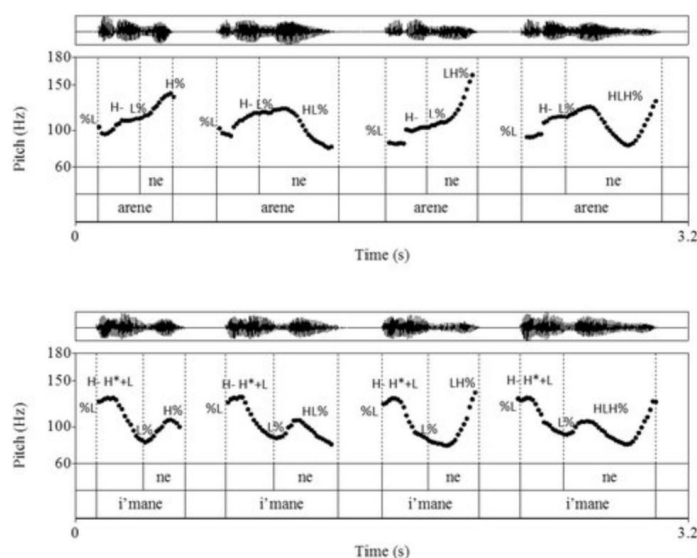

Рис. 1. Основные типы граничных тонов в японском языке на примере японского слова «arene» [8, с. 558]

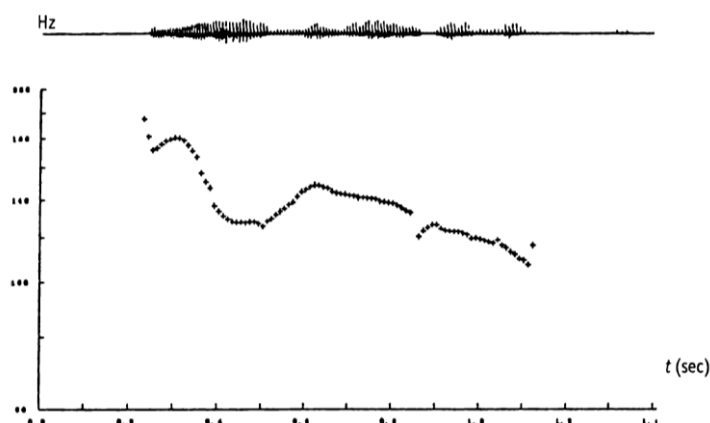

Рис. 2. График ЧОТ фразы кёо амэ-га урэмассита («Сегодня хорошо продавались леденцы») [3, с. 260]

В японском языке коммуникативный тип синтагмы определяется фигурой конечной ударной моры. Типичным тоном нейтральных утвердительных высказываний, к примеру, является восходяще-нисходящий тон. Как видно из тонограммы, на конечной море фразы «Сегодня хорошо продавались леденцы» происходит сначала небольшое повышение тона, а затем его понижение до низкого тонального уровня говорящего.

Японские вопросы имеют особую грамматическую конструкцию. Для них типично использование вопросительной частицы *ka*. На частице *ka*, если она присутствует в вопросе, локализуется смысловой фокус фразы.

Для японских вопросов типично конечное низкое восходящее (или плавное восходящее) мелодическое движение, которое реализуется на конечной ударной море. Также этот тон используется и в других коммуникативных типах высказываний и выполняет функцию установления доверительных отношений с собеседником, дополнительным оттенком этого тона (модальным оттенком) является вежливое обращение к собеседнику.

В части фразы, предшествующей конечной ударной море, также обычно присутствуют дополнительные мелодические пики, которые локализуются на ударных морях значимых слов.

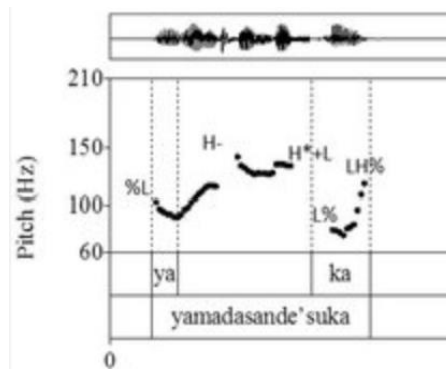

Рис. 3. График ЧОТ фразы «Вы господин Ямада?» [8, с. 567]

Материал и метод. В качестве материала исследования были использованы видеинтервью, имеющиеся в открытом доступе на веб-сайте YouTube, которые проводились на японском языке при участии носителей русского языка (была проанализирована речь трёх дикторов: двух женщин и одного мужчины). Героями интервью являлись русские иммигранты в Японии. В ходе интервью обсуждались темы: мотивация переезда, работа, проживание в Японии, японский язык.

Вопросительные фразы (10 вопросов), прозвучавшие в речи дикторов, были подвергнуты слуховому и инструментальному акустическому анализу в программе анализа и обработки речевого сигнала *Praat* [6] для получения точных акустических параметров.

К участию в эксперименте также были привлечены двое носителей стандартного японского языка, которым было дано задание произнести вопросы со схожим лексическим и синтаксическим составом. Их реализации были записаны на диктофон и использовались в качестве образцов для сопоставления с реализациями русских дикторов с целью выявления интонационных нарушений в японской речи носителей русского языка.

В качестве рабочей гипотезы было принято, что русские дикторы склонны использовать интонационные модели своего родного языка, т. е. в интонационном оформлении японских вопросов будут присутствовать явления русской интерференции.

В частности, в русской интонационной системе нейтральные специальные вопросы (вопросы с вопросительным словом) оформляются нисходящим тоном, а смысловым фокусом русских вопросов является вопросительное слово, таким образом, понижение тона в основном происходит в начале синтагмы на вопросительном слове [4, с. 92; 1, с. 133].

На рисунке 4 представлена кривая частоты основного тона (ЧОТ) реализации японским диктором фразы «чем вы хотите заняться?». Во фразе можно выделить четыре фрагмента, каждый из которых имеет цельное мелодическое оформление – четыре синтагмы. Каждая синтагма имеет мелодический максимум на начальной ударной море. Первая синтагма была реализована с небольшим понижением тона в конечном участке, в то время как последующие три имеют схожее мелодическое оформление: повышение тона с низкого до высокого тонального уровня говорящего на конечной ударной море. В последней синтагме конечной ударной морей является вопросительная частица.

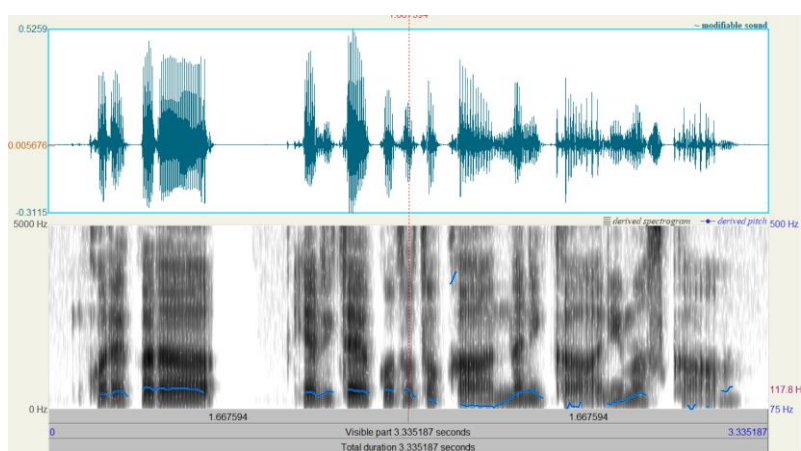

Рис. 4. График ЧОТ фразы «чем вы хотите заняться?», реализованной одним из японских дикторов.

Та же фраза, но произнесённая русским диктором, разделена на сходное количество синтагм, однако имеет отличное мелодическое оформление: все синтагмы оформлены восходяще-нисходящим тоном, типичным для русских специальных вопросов. Интонационный контур фразы представлен на рис. 5.

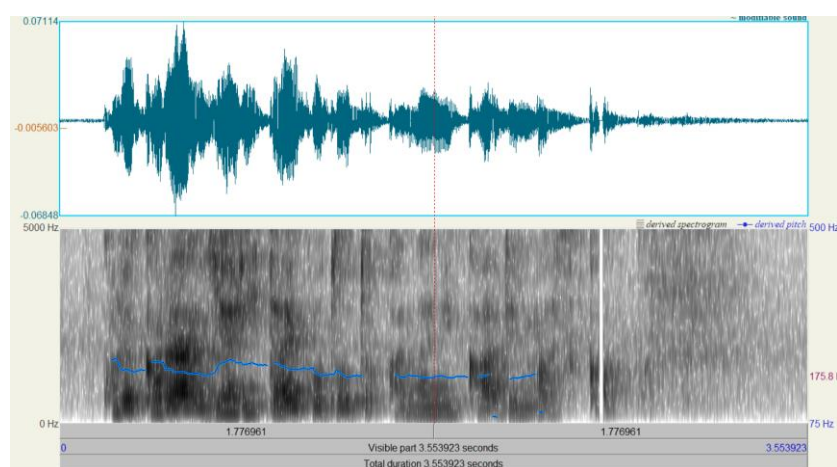

Рис. 5. График ЧОТ фразы «чем вы хотите заняться?», реализованной русским диктором

Стоит отметить, что в некоторых реализациях было отмечено изменение акцентного контура слова. К примеру, во фразе «Почему вы решили принять гражданство Японии», произнесённой русским диктором, падение тона происходит на третьей мере, а не на первой, как в реализации японского диктора. Сравнение мелодических кривых представлено ниже на рис. 6.

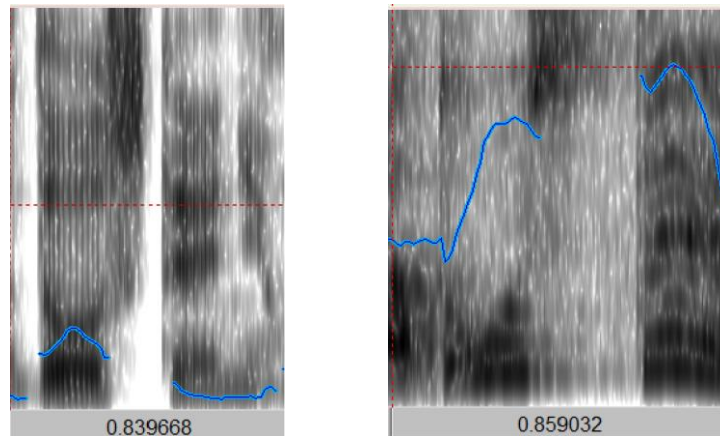

Рис. 6. График ЧОТ слова «dōshite» из фразы «Почему вы решили принять гражданство Японии?», реализованной японским (снимок слева) и русским диктором (снимок справа)

Другой интонационной ошибкой, замеченной в речи русских дикторов, являлось использование нисходящего движения тона на вопросительной частице «ка». На рисунке 7 представлены две интонационные кривые, демонстрирующие разницу в мелодическом оформлении конечной меры в реализациях двух дикторов.

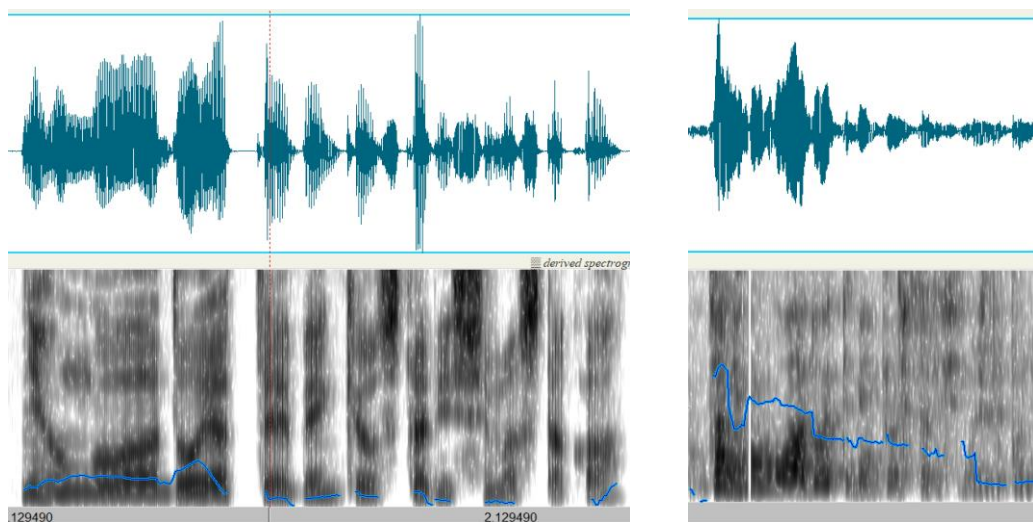

Рис. 7. График ЧОТ фразы «dōshite» из фразы «Как вы учили японский?», реализованной японским (снимок слева) и русским диктором (снимок справа)

Отдельный интерес вызывает реализация данного вопроса японским диктором. Была обнаружена следующая особенность: в неконечных синтагмах вместо восходящего тона используется восходяще-нисходящий с относительно одинаковым интервалом повышения тона (около 4 полутонов). Такая интонация является типичной для японской интонационной системы, поскольку в эмоционально нейтральной речи неконечные синтагмы могут маркироваться восходяще-нисходящим интонационным контуром, передающим оттенок незавершённости [8, с. 559].

Выводы. В ходе акустического анализа реализаций вопросительных высказываний были выявлены следующие интонационные ошибки: неправильная акцентная структура слов; выбор неправильного граничного тона (в основном русские дикторы использовали восходяще-нисходящий тон (HL%) вместо восходящего (LH%) в конечных ударных морях. Также было сделано следующее интересное наблюдение: русские дикторы не допускают ошибок в синтагматическом членении фраз (японские и русские дикторы осуществляют членение длинных фраз на синтагмы сходным образом), а также в большинстве случаев русские дикторы правильно определяли место словесного и фразового ударения. Стоит также отметить, что в неконечных синтагмах японские дикторы реализовывали два варианта тонов: восходяще-нисходящий и плавный восходящий. Данные интонационные контуры могут стать предметом научных изысканий исследователей японской интонации. Результаты исследования могут быть полезны для разработки методик преподавания японской интонации в русскоязычной аудитории.

Список литературы

1. *Брызгунова Е.А.* Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: МГУ, 1963. С. 158–289.
2. *Ибрахим И.С.* Использование интонации для передачи коммуникативного типа и эмоциональной окраски высказывания в японском языке. СПб, 2011. 235 с.
3. *Рыбин В.В.* Фонетика японского языка. СПб.: Гиперион, 2012. 343 с.
4. *Светозарова Н.Д.* Интонационная система русского языка. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982. 175 с.
5. *Abe I.* Intonation in Japanese. Intonation Systems. Ed. by D. Hirst and A. Di Cristo, Cambridge, Cambridge University Press, 1998. P. 360–375.
6. *Voersma P., Weenik D.* Praat: doing phonetics by computer [Computer program], Version 5.3.59. 2013. URL: <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/> (дата обращения: 19.01.2024).
7. *Fujisaki H., Hirose K.* Analysis of voice fundamental frequency contours for declarative sentences of Japanese // The Journal of the Acoustical Society of Japan. 1984. Vol. 5, iss. 4. P. 233–242. <https://doi.org/10.1250/ast.5.233>
8. *Kubozono H.* Handbook of Japanese Phonetics and Phonology. Berlin, Walter de Gruyter, Inc., 2015. 807 p.
9. *Makarova V.* Perceptual Correlates of Sentence-Type Intonation in Russian and Japanese // Journal of Phonetics. 2001. Vol. 29, iss. 2. P. 137–154. <https://dx.doi.org/10.1006/jpho.2001.0137>
10. *Wells J.C.* Overcoming Phonetic Interference. 1999. URL: <https://www.phon.ucl.ac.uk/home/wells/interference.htm> (дата обращения: 19.01.2024).

References

1. *Bryzgunova E.A.* Practical Phonetics and Intonation of the Russian Language. 5th ed. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1963. P. 158–289. (In Russ.).
2. *Ibrakhim I.S.* Using Intonation to Differentiate Communicative Types of Utterances and Convey Emotions in the Japanese Language. St. Petersburg, 2011. 235 p. (In Russ.).
3. *Rybin V.V.* The intonation of the Japanese language St. Petersburg, Hyperion, 2012. 343 p. (In Russ.).

4. *Svetozarova N.D.* Intonation System of the Russian Language. Leningrad, Leningrad University, 1982. 175 p. (In Russ.).
5. *Abe I.* Intonation in Japanese. Intonation Systems / ed by Daniel Hirst and Albert Di Cristo. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 360–75. URL: https://edisciplinas.usp.br/plugin-file.php/7750594/mod_resource/content/1/Hirst%2C%20Di%20Cristo%201999%20Intonation%20Systems.pdf (accessed: 19.01.2024).
6. *Boersma P., Weenik D.* Praat: Doing Phonetics by Computer [Computer program], Version 5.3.59. 2013. URL: <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/> (accessed: 19.01.2024).
7. *Fujisaki H., Hirose K.* Analysis of Voice Fundamental Frequency Contours for Declarative Sentences of Japanese. *The Journal of the Acoustical Society of Japan*. Tokyo, 1984. P. 233–242. <https://doi.org/10.1250/ast.5.233>
8. *Kubozono H.* Handbook of Japanese Phonetics and Phonology. Berlin, Walter de Gruyter, Inc., 2015. 807 p.
9. *Makarova V.* Perceptual Correlates of Sentence-Type Intonation in Russian and Japanese. *Journal of Phonetics*, 2001, vol. 29, iss. 2, pp. 137–154. <https://dx.doi.org/10.1006/jpho.2001.0137>
10. *Wells J.C.* Overcoming Phonetic Interference. 1999. URL: <https://www.phon.ucl.ac.uk/home/wells/interference.htm> (accessed: 19.01.2024).

Статья поступила в редакцию / Received 20.01.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 06.02.2024

Принята к публикации / Accepted 29.02.2024

Научная статья

УДК 168.522

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/66-75>

**Важность понимания культурной картины мира японца
для успешного освоения японского языка
(на материале учебника “An Integrated Approach to Intermediate Japanese”)**

Евгения Владимировна Чертушкина

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Кандидат исторических наук, доцент кафедры японоведения,

магистр по специальности «Русский язык как иностранный»,

chertushkina.ev@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8586-6844>

Аннотация. В статье рассматриваются типичные трудности, возникающие при изучении японского языка, возможные способы их преодоления с помощью лексического анализа, путём исследования особенностей менталитета, мировосприятия, обычаев японцев. Доказывается целесообразность лингвокультурологического подхода в преподавании японского языка для повышения мотивации к обучению, коммуникативной мобильности студента.

Ключевые слова: перевод японских фраз-клише, ключевые слова, межкультурная коммуникация, лингвокультурологический подход, культурная картина мира японца

Для цитирования: Чертушкина Е.В. Важность понимания культурной картины мира японца для успешного освоения японского языка (на материале учебника “An Integrated Approach to Intermediate Japanese”) // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 66–75.

Original article

**The Importance of the Japanese Worldview Understanding
for Successful Japanese Learning
(Based on the Textbook “An Integrated Approach to Intermediate Japanese”)**

Evgenia V. Chertushkina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Japanese Studies Department,

Master in Russian as a Foreign Language, chertushkina.ev@dvfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8586-6844>

Abstract. The article considers the typical difficulties that arise when learning the Japanese language, ways to overcome them by doing lexical analysis, researching the peculiarities of the mentality, worldview, and customs of the Japanese. Expediency of linguistic and cultural approach to

teaching the Japanese language to improve students' motivation for learning, to develop their communication skills is substantiated.

Key words: translation of Japanese cliché phrases, key words, cross-cultural communication, linguistic and cultural approach, Japanese world view

For citation: Chertushkina E.V. The Importance of the Japanese Worldview Understanding for Successful Japanese Learning (Based on the Textbook “An Integrated Approach to Intermediate Japanese”). *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 66–75. (In Russ.).

Существует представление о лёгкости японского языка на начальном этапе его изучения. Действительно, японский язык относится к агглютинирующим языкам (согласно классификации А.А. Реформатского [7]), и ввиду однозначности, стандартности, регулярности аффиксов на первый взгляд может показаться простым. Однако довольно быстро выясняется, что это не так, и на начальном этапе возникают сложности, связанные с полисемией, наличием множества клише, проявлением в языке эстетико-философского мировоззрения японца. **Цель данной работы** – рассмотреть типичные трудности, возникающие при изучении японского языка, с учётом культурной специфики Японии. Достижению поставленной цели способствует решение ряда **задач**: проанализировать наиболее употребимые фразы с точки зрения возможных лексических значений, обосновать целесообразность их запоминания в различных контекстах, а также важность представления культурной ситуации для расширения коммуникативных навыков.

Ещё в XVIII веке великий немецкий философ, языковед В. фон Гумбольдт говорил о том, что в языке отражается индивидуальное мирозерцание народа [5, с. 91], и в дальнейшем многие учёные обращались в своих исследованиях к этой теме. Так, известный американский лингвист, этнолог Э. Сепир отмечает: «Язык не существует вне культуры, т. е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [10, с. 156]. Не зная картины мира народа, «невозможно освоить язык как средство общения, он может быть освоен лишь как способ хранения и передачи информации, как «мёртвый» язык, лишённый живительной почвы – культуры носителя. Именно поэтому изучение иностранного языка предполагает усвоение не только плана выражения некоторого языкового явления, но и плана его содержания, т. е. выработки в сознании обучающихся понятия о новых предметах и явлениях, не имеющих аналогов ни в их родной культуре, ни в их родном языке. Знание социокультурного контекста изучаемого языка, в свою очередь, позволяет обеспечить адекватный перевод с неродного языка на родной» [10, с. 156].

Повышенное внимание лингвистов к культурообразующему фактору при изучении языка подтверждает **актуальность данного исследования**. По нашему мнению, лингвокультурологический подход в преподавании японского языка способствует повышению мотивации обучающегося, помогает избежать ощущения «бессилия» перед его сложностью на продвинутом этапе обучения. В качестве **материала исследования** мы использовали учебник для среднего уровня “An Integrated Approach to Intermediate Japanese” [17, 18], в котором представлены повседневные диалоги, любопытные ситуации из жизни иностранных студентов в Японии, а также пословицы, стихи *хайку*. Мы анализируем их, обращая внимание обучающихся на то, как традиции и обычаи японцев закреплены в языке.

Согласно теории А. Вежбицкой, существуют «ключевые слова» – «особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [2]. К ним относится устойчивая фраза «Прошу

любить и жаловать» – *ёросику онэгаи симасу*, она, отмечает японовед А. Прасол, «чемпион по частоте употребления в устной речи. Трудность перевода на другой язык объясняется тем, что японцы используют её там, где остальные не используют. И где у неё, соответственно, нет эквивалентов. Эта фраза – тоже условный знак-символ, важный элемент “языковой смазки”, необходимой для функционирования механизма межличностных отношений» [6, с. 80]. Действительно, каждый, кто изучает японский язык, знает, что японцы произносят её, когда представляются друг другу [17, с. 5]. Поиски адекватного аналога в русском языке приводят нас к клише «рад(а) с вами познакомиться». Однако на деле мы часто встречаемся с тем, что японцы говорят эту фразу и в ситуациях, никак не связанных со знакомством [17, с. 46, 143].

Для того чтобы разобраться в нюансах употребления, разложим её на лексемы: *ёросику* – наречие, образованное от прилагательного *ёросий* и используемое для вежливого обращения к собеседнику в значении «умеренно хороший, без напряжения» [20]; *онэгаи симасу* – вежливое выражение «Прошу вас». Отсюда получаем другое значение – «Прошу, если это не затруднит вас», «рассчитываю на ваше содействие». Становится ясно, что этими словами подытоживают обращение с просьбой, а также то, почему в ответ следует говорить – «Понятно» *вакаримасита*, или коротко «Да» *хай* – важно сообщить собеседнику о готовности приложить свои усилия к тому, чтобы выполнить его просьбу [17, с. 46]. Дословный перевод помогает понять, что, когда японец произносит эту фразу, он ждёт от вас вполне конкретных действий, а высокая частотность её употребления наводит на мысль о том, что помощь, взаимовыручка, личный вклад в дело высоко ценятся в японском обществе.

Сложности в изучении японского языка возникают и в связи с тем, что японцы редко используют привычное нам слово «здравствуйте». Вместо этого они беседуют о погоде («какая хорошая погода, не правда?» *ий отэнки дэсу нэ*, «похолодало, да?» *самуку наримасита нэ*), а больному, например, говорят: «Как вы?» *икага дэсу ка* – фразу, более известную нам в совершенно другом значении «Не желаете (чего-нибудь поесть или выпить)?» (при обращении к гостю). В качестве начала разговора японцы также используют выражение «Спасибо за вчерашнее» *сэндзицува до:мо* в случае, если общались с собеседником накануне [17, с. 28]. Таким образом, при рассмотрении возможных вариантов для завязывания беседы выясняется специфика каждого из них, и в результате обучающийся пытается самостоятельно анализировать ситуацию, учится выбирать выражение, максимально соответствующее ей.

Мы слышали утверждение русских, длительное время проживавших и работавших в Японии, о том, что японцы не здороваются между собой. Этот вопрос обсуждается и в интернет-источниках [19]. Однако приветствие может выражаться едва заметным кивком головы, и иностранец попросту не замечает этого. Согласно классификации американского антрополога, исследователя кросс-культурной коммуникации Э. Холла, японская культура является высококонтекстной (в противовес низкоконтекстной) [11]. Это означает, что японец придаёт большое значение невербальным способам общения – важно, как он на вас смотрит, с какой интонацией говорит, какую мимику и жесты использует.

Также неоднозначна ситуация с прощанием. В этом случае зачастую говорят: «Прошу прощения» *сицурэй симасу*. Парадоксально, но эта же фраза может употребляться, чтобы начать разговор. Однако если обратиться к дословному переводу – «извините за бестактность (за то, что потревожу, отвлеку вас)», становится понятно, почему она уместна как в начале разговора [17, с. 5], так и при его завершении [17, с. 219], и произносится, когда входят в кабинет или выходят из

него, кладут телефонную трубку [17, с. 279], поворачиваются к собеседнику спиной – то есть совершают поступок, который может быть расценён как бесцеремонный или невежливый.

Существенная трудность японского языка заключается в его тесной взаимосвязи с японской эстетикой: например, письмо или *e-mail* принято сопровождать сезонными приветствиями в начале и в заключении [17, с. 66], а суть обращения может быть выражена всего одним предложением в середине. Японцы любят восхищаться природой – например, Сатико во время приезда в Нью-Йорк к своей подруге-американке проявляет эмоции не при осмотре достопримечательностей (Эмпайр-стейт-билдинг, Таймс-сквер и так далее), а увидев белочек в центральном парке [17, с. 42].

Лучшей формой для выражения трепетного отношения к окружающему миру японцы считают поэтические строки. Однако несмотря на существование многочисленных переводов, их значение не вполне понятно русскому. В 1913 г. в сборнике «Сны человечества», в котором была представлена классическая поэзия народов мира, в том числе и японская, поэт-символист, переводчик и полиглот Валерий Брюсов тонко подметил, что ставит «своей прямой задачей не столько в примерах познакомить научно с поэзией прошлого, сколько дать её почувствовать в художественных созданиях» [3, с. 45]. Действительно, чувства выходят на первый план, когда мы говорим о японской поэзии. Возьмём, к примеру, известное трёхстишие *хайку* Мацуо Басё о лягушке: `Фуру икэ я Кавадзу тобикому Мидзу-но ото` [1, с. 42]. В переводе Т.И. Бреславец, исследователя творчества Басё, оно звучит так: «Старый пруд... Вот лягушка прыгает. Всплеск воды...» [1, с. 76] В *хайку* присутствует сезонное слово `киго`, в данном случае это лягушка `кавадзу`, символ весны. Согласно одной из версий, Басё прежде создал заключительные строки этого стихотворения, а затем попросил ученика Такараи Кикаку придумать начало. Кикаку предложил упомянуть цветущую в апреле-мае керию `ямабуки`, также ассоциирующуюся с весной [14]. Однако Басё предпочёл обратиться к старому пруду, провозгласив «рождение эстетики *саби* как красоты покоя и отрешённости от суетного бытия». «*Хайку* изображает картину весенней поры. Тишина старого пруда, у которого поэт сидит, погружённый в созерцание природы, навеивает печаль. Вдруг его внимание привлекает всплеск воды, разрушающий тишину. В слиянии с природой поэт достигает просветлённости и это состояние души выражает в *хайку*, как будто бы простом и безыскусном, окрашенном светлым настроением. Прыжок лягушки – мгновение, выхваченное из жизни, придаёт стихотворению живое звучание» [1, с. 77].

Сайсё Фумико так рисует пейзаж, на фоне которого поэт создал своё великое *хайку*: «Большую часть сада занимает пруд, но не красивый искусственный пруд, вырытый для украшения пейзажа, а естественный водоём, заросший илом и травой, обычное обиталище лягушек и насекомых. В этом пруду не хотелось ничего менять. Он любил его таким, какой есть, безо всяких признаков "искусственных украшений", или "хитростей". Он любил этот пруд за его старость – когда пятнадцать лет назад он поселился в этой хижине, пруд уже был здесь, – а также за его естественность и неухоженность» [4, с. 145].

Важно отметить, что сложный глагол «прыгать» `тобикому` включает вспомогательный `кому`, по значению схожий с русской приставкой «в-», показывающей движение внутрь, то есть имеет оттенок «погружаться, нырять». Он не столько сообщает о лягушке и её прыжке, сколько передаёт звук. Таким образом, мы не только видим картину, но и слышим её. В этом *хайку* «содержится три намёка: картина старого пруда, прыгающая лягушка и слабый всплеск воды. Помимо этого, для создания общего впечатления не добавлено ни слова, ни фразы. И всё

же это стихотворение позволяет японцам ощутить глубину, беспредельность и неподвижность мира и неопишное одиночество человека в нём» [4, с. 146]. Разбирая слово за словом, русский учится чувствовать, как японец, и расшифровывать глубокий смысл, заложенный автором в предельно лаконичные строки.

Любопытно отметить, что крупнейший российский общественный деятель, знаток искусства Ф. Комаров питает особую любовь к лягушке как предмету коллекционирования и гордится уникальными образцами, собранными им со всего мира. А если учесть, какое множество русских народных сказок сложено о лягушке как символе обновления жизни, всеведения, мудрости – то есть несущей в себе поистине трансцендентальные понятия – можно заключить, что её образ имеет глубокие корни в России и вполне созвучен японскому восприятию [13].

Следующий пласт для осмысления – это обычаи японцев. Например, касающиеся тапочек: их предлагают гостю, снимают перед входом в комнату японского типа, пол которой застелен соломенными циновками *татами*, меняют при посещении туалета. Так, дети смеются над американкой, когда она заходит в гостиную в тапочках, предназначенных для туалета [17, с. 81]. Тем не менее будет справедливым сказать, что в настоящее время каждый японец самостоятельно решает, соблюдать или нет обычаи, связанные с домашними тапочками [23]. Традиция частого переобувания также объясняется разнообразием климатических условий в Японии. Согласно исследованиям, первобытное жилище появилось на севере страны, пол в нём отсутствовал. Более развитый его тип с полом, высоко поднятым над землёй, был характерен для юга. [22, с. 10]. С эпохи Яёй приподнятый пол начали применять прежде всего в жизненно необходимых кладовых для хранения зерновых, затем в храмах и домах знати, и, наконец, в период Эдо он стал распространённым явлением во всей Японии. На севере дома строили для защиты от мороза и снега, на юге – от жары и тайфунов, сейчас они представляют соединение двух типов (например, земляной пол используется в хозяйской части дома, а дощатый – в жилой части). Таким образом, дома хорошо приспособлены к проживанию в них на протяжении всех четырёх времён года.

Большую часть территории Японии занимают горы, и, чтобы прокормиться, японцы занимались, помимо сельского хозяйства, животноводством, лесоводством, изготовлением бумаги, что влияло на организацию жилого пространства. Например, наверху под кровлей в светлом помещении с хорошей вентиляцией разводили шелковичных червей, поэтому там, а также в жилой части на втором этаже пол выкладывали досками [22, с. 17]. В источнике, повествующем о быте крестьян в XVIII–XIX веках, находим: «Озабоченность японцев чистотой проявлялась в том, что первый этаж дома чётко делился на места, где можно было оставаться в уличной обуви и куда нельзя было в ней ходить... Утоптанной земляной пол у входа или там, где делали грязную работу, считался продолжением улицы за домом, и ступить на деревянный пол жилой комнаты означало снять надетую обувь и снова сунуть ноги в сандалии или *гета*. Очень часто этот земляной пол проходил через весь дом от фасада до задней части с пространством справа, занятым под кладовую или в более холодных местностях – под хлев, открытый остальной части дома, чтобы за лошадью удобно было присматривать, не выходя на улицу в зимнюю стужу, а животное могло согреться. В помещения задней части дома можно было попасть по тому же земляному полу, и они состояли из чуланов для инструментов и утвари и помещения при кухне для мытья посуды со специально отведёнными местами для мойки овощей». Примечательно, что «самым большим оскорблением было ударить кого-то сандалией или башмаком на деревянной подошве» [9].

Если в традиционном японском доме с высоко поднятым полом раздвинуть перегородку `фусума`, он буквально превращался в беседку без стен `адзумая`, что устраивают в саду для отдыха. Всего каких-то несколько десятилетий назад японцы ежедневно носили старинную соломенную обувь `варадзи`, похожую на русские лапти, а также `дзо:ри` с разделителем большого пальца, поэтому легко представить, что их жизнь происходила на лоне природы и была немыслима без переобувания. В Японии и сейчас в домах на входе устраивают земляной пол `татаки` и деревянный порог `агаригамати`, отделяющий улицу от внутреннего пространства [15], а во многих общественных местах можно увидеть табличку: «Не входить в уличной обуви». Становится понятно, насколько важны для японца обычаи, связанные с обувью, и что они существуют неспроста (см. рисунок).

Порог *агаригамати* и земляной пол *татаки* [12]

У иностранцев вызывает улыбку японский обычай ставить обувь носками к входной двери. Если в Японии, разуваясь в гостях или в ресторане, вы поставили её иначе, хозяйка сразу позаботится о том, чтобы к моменту вашего выхода она стояла правильно – по центру и носками к выходу. А чтобы научить детей правильно складывать обувь, им говорят, что носки, направленные в сторону комнаты, являются пригласительным знаком для привидения [16]. На самом деле с давних пор в Японии принято составлять обувь попарно носками к выходу для того, чтобы её можно было не мешкая надеть в тёмное время суток [15]. Одно из национальных качеств японцев – рационализм, и в открытых интернет-источниках находим рационалистическое обоснование данной традиции. Так, в английском университете Порсмута доказали, что хранение обуви носками к выходу способствует уменьшению влажности внутри неё и, соответственно, снижению риска развития грибковых и бактериальных инфекций. А ученые Калифорнийского университета выяснили: это помогает поддерживать форму обуви, предотвращает смятие её верхней части и искривление подошвы [8]. Насколько нам известно, в России всегда следовали правилу ставить обувь пятками к двери, иное расположение могло быть намёком гостю скорее покинуть дом. Однако в беседе с сегодняшними студентами выясняем, что некоторые из них предпочитают ставить обувь у себя дома так, как японцы, тоже аргументируя удобством надевания при выходе. Мы с удивлением отмечаем: то, что раньше воспринимали однозначно, сейчас трактуют по-разному. Вероятно, причиной тому является глобализация культуры. Как бы то ни было, нынешняя молодёжь воспитана на *анимэ* и потому хорошо знакома с японскими традициями и исподволь начинает копировать привычки любившихся

героев. В связи с особенными обычаями японцев любопытна история о том, как американец, проживающий в японской семье, не мог попасть в туалет, так как дверь была закрыта, однако семья при этом находилась в полном сборе в гостиной [17, с. 275]. Оказывается, дверь надо было открывать не «от» или «на себя», а раздвинуть. Этот эпизод обращает наше внимание на то, что японцы широко используют межкомнатные раздвижные перегородки `сё:дзи` для зонирования помещения: такое проектное решение позволяет экономить пространство и размещать двери даже в узких коридорах.

Японская культура называется культурой гостеприимства `омотэнаси бунка` [21], поэтому многие японские традиции связаны с приёмом гостей. Например, в учебнике описывается казусная ситуация, возникшая при посещении японцем дома американца в жаркий летний период: по стеснению раз отказавшись от предложения выпить чего-нибудь прохладительного, он не получил повторного приглашения [17, с. 22]. На уроке мы размышляем о том, могла ли возникнуть подобная ситуация в Японии, ведь там принято подавать напиток гостю без слов.

Отдельно следует упомянуть правила общения при ведении бизнеса, или деловой этики. В присутствии человека, чьё мнение считается авторитетным, принято молчать [17, с. 297–298]. А.Ф. Прасол отмечает: «Японский этикет не поощряет прямоту и непосредственность оценок, мыслей, поступков» [6, с. 114]. «Публичного осуждения, тем более позора, пишет он, люди стремятся избежать в любом обществе, а в японском – особенно, вплоть до самоубийства. Это обусловлено высокой степенью унификации общественной жизни, ритуальностью публичного поведения и этикета, повышенным чувством ответственности за свои действия. После выхода в 1946 году известной книги Р. Бенедикт "Хризантема и меч" японскую культуру стали называть "культурой стыда". <...> (Японские учёные. – Е.Ч.) единодушны в том, что мнение об окружающих, особенно в ближнем круге, имеет для японцев огромное значение» [6, с. 155]. Правила предписывают передавать деньги в конверте, например, за урок репетитору [17, с. 254], «не замечать» промаха собеседника или, во всяком случае, не акцентировать внимания на нём, следует говорить: "Вы не смогли выполнить домашнее задание вместо "не сделали"» [18, с. 19]. Тем не менее японцы стараются не допускать лжи. Она может быть оправдана только в крайних случаях. В связи с этим любопытно отметить, что студенты зачастую не понимают подоплёки рассказа о том, как известный писатель Нацумэ Сосэки предложил ученикам исправить запись в словаре в ответ на их замечание: «Сэнсэй, там такого перевода нет» [17, с. 195]. Учитель пошёл на обман во избежание падения собственного авторитета, что наглядно иллюстрирует, насколько важно для японца сохранить лицо и репутацию: если по какой-либо причине собеседник не может прийти ему на помощь (в данном случае, потому что сам ещё ребёнок), следует предпринять меры для своего спасения самостоятельно.

В действительности такого подхода нам удалось убедиться лично во время преподавания в японском университете. Будучи уверенным в чтении фамилии преподавателя, состоявшей из элементарных иероглифов, автор статьи неправильно обратился к нему и почувствовал неладное, только когда увидел, как покраснел начальник. Вскоре представилась возможность тет-а-тет общаться с японцем, из-за имени которого случился конфуз. Мы решили исправить недоразумение и извиниться. Однако, к нашему изумлению, он улыбнулся и сказал: «Правда? Не припоминаю».

Таким образом, в японском языке отражается культурная картина мира японца, и мы считаем важным акцентировать внимание обучающегося на этом. Разбор наиболее употребимых

устойчивых фраз в разных контекстах позволяет студенту маркировать их той или иной ситуацией и откладывать в памяти; и, наоборот, анализирование контекста помогает самостоятельно подобрать соответствующее ему выражение. Одновременно вырабатывается осознанный подход к языку, предпринимается попытка расшифровать культурный код, что превращает изучение японского языка в логически обоснованный и интересный процесс. А стремление обучающегося посмотреть на мир глазами японца помогает сделать процесс коммуникации более гладким.

Список литературы

1. *Бреславец Т.И.* Мацуо Басё. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2021. 278 с.
2. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
3. *Давыдова Л.П.* Поэтические особенности и художественное значение художественного перевода В. Брюсовым хайку о лягушке Мацуо Басё («О, дремотный пруд!») // Вестник Ставропольского государственного университета. Филологические науки. 2011. № 76. С. 45–53. EDN: OYUUVV
4. *Кирквуд К.* Ренессанс в Японии. Культурный обзор семнадцатого столетия. Москва: Наука, 1988. 303 с.
5. *Найман Е.А., Гураль С.К., Смокотин В.М., Бовтенко М.А.* Взаимоотношения языков и культур и роль культуры в языковом образовании // Язык и культура. 2013. № 1(21). С. 90–106. EDN: PXSIVT
6. *Прасол А.Ф.* Япония. Лики времени. Москва: Наталис, 2009. 414 с.
7. *Реформатский А.А.* Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. С. 52–76.
8. Странный обычай – почему все ставят обувь носками, когда выходят из дома? URL: <https://madkinfo.ru/strannyi-obycai-pocemu-vse-stavyat-obuv-noskami-kogda-vuxodyat-iz-doma/> (дата обращения: 09.01.2024).
9. Традиционная Япония. Быт, религия, культура. URL: <https://kommunikadotru.wordpress.com/2018/11/21/крестьяне-японии-жизнь-и-быт/> (дата обращения: 23.12.2023).
10. *Тришина В.Н., Шильнов А.Г.* Лингвистический аспект межкультурной коммуникации и его отражение в переводе // Язык и культура: сборник статей XXVI международной научной конференции. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. С. 156–159.
11. Японцы с точки зрения МКК (межкультурной коммуникации) // Цукибанаси. Клуб японского языка. 20.04.2021. URL: <https://vk.com/@tsukibanashi-yaponcy-s-tochki-zreniya-mkk?ysclid=loqj26jmvmt653593731> (дата обращения: 19.01.2024).
12. Agarikamachitoha (Что представляет собой порог *агарикамату*). URL: https://sumo.jp/article/oyakudachi/oyaku/chumon/c_plan/agarikamachi/ (дата обращения: 24.03.2024).
13. Kaeruno sho:cho:tekina imi (Что символизирует лягушка). URL: <https://www.artiro.com/symbol/frog> (дата обращения: 27.01.2024).
14. Kawazu awase (Поэтическое состязание на тему «Лягушка»). URL: <https://www2.yamanashi-ken.ac.jp/~itoyo/basho/haikusyu/huruike.htm> (дата обращения: 01.12.2023).

15. Kutsuto kenko: hosupitarithi raifu (Обувь. Здоровье. Гостеприимство. Стиль жизни). URL: sfitterooki.cocolog-nifty.com/blog/2022/09/post-550a16.html (дата обращения: 06.01.2024).
16. Kutsuno tsumasakiwo uchino nakani mukete okuto obakega haitte kuru (Если поставить обувь носками, обращёнными внутрь дома, придёт привидение). URL: <https://togetter.com/li/1828417> (дата обращения: 15.12.2023).
17. *Miura Akira, McGloin Hamaoka Naomi*. An Integrated Approach to Intermediate Japanese [Revised Edition]. Tokyo: The Japan Times, 2008. 352 p.
18. *Miura Akira, McGloin Hamaoka Naomi*. An Integrated Approach to Intermediate Japanese [Revised Edition] Work book. Tokyo: The Japan Times, 2008. 149 p.
19. Nande nihonjinha aisatsu shinaino? (Почему японцы не здороваются?) URL: https://detail.chiebukuro.yahoo.co.jp/qa/question_detail/q1050166745 (дата обращения: 20.03.2024).
20. Nihongono benkyo: Nihongono `yoroshiku onegai shimasu` no tadashii tsukaikata (Изучение японского языка. Правильное употребление фразы «Прошу любить и жаловать»). URL: <https://www.surapera.com/yoroshiku-onegaishimasu/> (дата обращения: 17.11.2023).
21. Nihonno omotenashi bunkatoha? Imiya gogenwo tettei kaisetsu (Что такое японская культура гостеприимства? Комментируем значение и происхождение термина). URL: <https://thegate12.com/jp/article/422> (дата обращения: 01.11.2023).
22. *Takai Kiyoshi*. Shashinshu: Minka (Сборник фотографий Такаи Киёси: традиционный японский дом). Tokyo: Kawade shobo: shinsha, 1998. 141 p.
23. Toireni surippaha hitsuyo:? Tsukatte iru kateiha nanwari? (Нужны ли тапочки для туалета? Многие ли используют их у себя дома?). URL: halmek.co.jp/qa/1551 (дата обращения: 27.01.2024).

References

1. *Breslavets T.I.* Matsuo Basho. Vladivostok, Far Eastern Federal University, 2021. 278 p. (In Russ.).
2. *Vezhbitskaya A.* Understanding Cultures Through the Medium of Key Words. Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2001. 288 p. (In Russ.).
3. *Davydova L.P.* Poetic Peculiarities and Artistic Significance of V. Briusov's Literary Translation of Matsuo Basho's *haiku* About a Frog ("Oh, Drowsy Pond!"). *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. Philological Sciences*, 2011, no. 76, pp. 45–53. (In Russ.).
4. *Kirkwood K.* Renaissance in Japan – A Cultural Survey of the Seventeenth Century. Moscow, Nauka Publ., Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1988. 303 p. (In Russ.).
5. *Nyman Ye.A., Gural S.K., Smokotin V.M., Bovtenko M.A.* Interrelations of Languages and Cultures and the Role of Culture in Language Teaching and Learning. *Language and culture*, 2013, no. 1(21), pp. 90–106. (In Russ.).
6. *Prasol A.* Japan. The Changing Face of the Times. Mentality and Tradition in Contemporary Life. Moscow, Natalis Publ., 2009. 414 p. (In Russ.).
7. *Reformatsky A.A.* Agglutination and Fusion as Two Types of a Grammatical Structure of a Word. *Linguistics and Poetics*. Moscow, Nauka Publ., 1987. P. 52–76. (In Russ.).
8. Strange Custom – Why All Put Their Shoes Facing Door While Getting out of Home? URL: <https://madkinfo.ru/strannyi-obycay-pocemu-vse-stavyat-obuv-noskami-kogda-vykhodyat-iz-doma/> (accessed: 09.01.2024). (In Russ.).

9. Traditional Japan. Mode of Life, Religion, Culture. URL: <https://kommunikadotru.wordpress.com/2018/11/21/krest'yane-yaponii-zhizn'-i-byt/> (accessed: 23.12.2023). (In Russ.).
10. *Trishina V.N., Shil'nov A.G.* Linguistic Aspect of Cross-Cultural Communication and its Reflection on Translation. *Language and culture. Collection of articles of the XXVI international scientific conference*. Tomsk, National Research Tomsk State University, 2016. P. 156–159. (In Russ.).
11. Japanese People and Cross-Cultural Communication. *Tsukibanasi. Club of Japanese*. 20.04.2021. URL: <https://vk.com/@tsukibanashi-yaponcy-s-tochki-zreniya-mkk?ysclid=loqj26-jm-vm653593731> (accessed: 19.01.2024). (In Russ.).
12. What is the Meaning of *Agarikamachi*? URL: https://suumo.jp/article/oyakudachi/oyaku/chumon/c_plan/agarikamachi/ (accessed: 24.03.2024).
13. Symbol of Frog. URL: <https://www.artiro.com/symbol/frog> (accessed: 27.01.2024). (In Jap.).
14. Frogs in Writing Contest. URL: <https://www2.yamanashi-ken.ac.jp/~itoyo/basho/hai-kusyu/huruike.htm> (accessed: 01.12.2023). (In Jap.).
15. Shoes and Wealth: Hospitality Life. URL: sfitterooki.cocolog-nifty.com/blog/2022/09/post-550a16.html (accessed: 06.01.2024). (In Jap.).
16. If You Place Your Shoes with Their Toes Closer to the Door You Invite a Ghost in Your Home. URL: <https://togetter.com/li/1828417> (accessed: 15.12.2023). (In Jap.).
17. *Miura Akira, McGloin Hamaoka Naomi*. An Integrated Approach to Intermediate Japanese [Revised Edition]. Tokyo, The Japan Times, 2008. 352 p. (In Jap. & Eng.).
18. *Miura Akira, McGloin Hamaoka Naomi*. An Integrated Approach to Intermediate Japanese [Revised Edition] Work book. Tokyo: The Japan Times, 2008. 149 p. (In Jap. & Eng.).
19. Why Japanese Do not Greet Each Other? URL: https://detail.chiebukuro.yahoo.co.jp/qa/question_detail/q1050166745 (accessed: 20.03.2024). (In Jap. & Eng.).
20. Learn Japanese: The Meanings of a Phrase `*Yoroshiku onegai shimasu`*. URL: <https://www.surapera.com/yoroshiku-onegaishimasu/> (accessed: 17.11.2023). (In Jap.).
21. What is the Concept of Japanese *omotenashi bunka*? Analyzing its Meaning and Roots. URL: <https://thegate12.com/jp/article/422> (accessed: 01.11.2023). (In Jap.).
22. *Takai Kiyoshi. Minka* The Quintessential Japanese House. Tokyo, Kawade shobo: shinsha, 1998. 141 p. (In Jap. & Eng.).
23. Are Slippers Necessary in Toilet? Are There Many Families Using Them? URL: <https://halmek.co.jp/qa/1551> (accessed: 27.01.2024). (In Jap.).

Статья поступила в редакцию / Received 30.01.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 11.03.2024

Принята к публикации / Accepted 20.04.2024

Научная статья

УДК 811.521

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/76-88>

Использование каламбура как средства достижения юмористического эффекта в комедийных произведениях японской массовой культуры

Анна Петровна Одинцова¹

Научный руководитель: **Наталья Николаевна Кузьменко²**

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ Магистрант, odintcova.ap@students.dvfu.ru

² Кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры японоведения,
kuzmenko.nn@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению типологии и использования каламбура на японском языке в произведениях современной массовой культуры Японии. Актуальность исследования обусловлена возрастающей потребностью в понимании частоты использования, видов и содержания японских каламбуров, вызванной повышением спроса на произведения современной массовой культуры Японии. В качестве материала для анализа использованы каламбуры из *манга* «Гинтама» и *анимэ* «Ох уж этот экстрасенс Сайки Кусуо!».

Ключевые слова: каламбур, массовая культура, японский язык, анимэ, манга

Для цитирования: Одинцова А.П. Использование каламбура как средства достижения юмористического эффекта в комедийных произведениях японской массовой культуры / науч. рук. Н.Н. Кузьменко // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 76–88.

Original article

Usage of Japanese Puns as a Resource for Humorous Effect in Comedian Artworks of Japanese Mass Culture

Anna P. Odintsova¹

Scientific Adviser: **Nataliya N. Kuzmenko²**

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹ Master's student, odintcova.ap@students.dvfu.ru

² Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of Japanese Studies Department,
kuzmenko.nn@dvfu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the typology and usage of Japanese puns in artworks belonging to the modern Japanese popular culture. The relevance of the study is accounted for the growing need to understand the frequency of usage, types and content of Japanese

puns, caused by an increase in demand for artworks belonging to modern Japanese popular culture. Puns from the *manga* “Gintama” and the *anime* “Oh, that psychic Saiki Kusuo!” were used as material for analysis.

Key words: pun, mass culture, the Japanese language, anime, manga

For citation: Odintsova A.P. Usage of Japanese Puns as a Resource for Humorous Effect in Comedian Artworks of Japanese Mass Culture / sci. adv. N.N. Kuzmenko. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 76–88. (In Russ.).

В наши дни произведения японской массовой культуры, в частности *анимэ* и *манга*, пользуются популярностью по всему миру. Однако многие факторы затрудняют их перевод на иностранные языки, что отражается на понимании. Среди таких факторов можно выделить юмор и особенно основанные на лингвистических особенностях шутки – каламбуры. В этой связи представляется актуальным изучение использования каламбура в *анимэ* и *манга* комедийного жанра.

Целью настоящего исследования является выявление тенденций и особенностей использования каламбура на японском языке в произведениях массовой культуры Японии. Достижению поставленной цели способствует выполнение следующих **задач**: разграничить виды каламбуров в японском языке; изучить избранные произведения массовой культуры на японском языке с целью определения видов каламбуров, а также частотности использования каламбуров как средства достижения комедийного эффекта; рассмотреть примеры каламбуров из исследуемых произведений массовой культуры Японии для выявления особенностей использования; сравнить использование каламбуров в исследуемых произведениях.

Обратимся к терминам для обозначения каламбура на японском языке. Их можно подразделить на две группы – общие и частные. К первой категории относится один термин – *котабаасоби*, что дословно переводится как «игра слов», однако этот термин включает не только каламбуры, но также скороговорки, *сиритори* (то же, что «игра в слова»), палиндромы (фразы, которые в обе стороны читаются одинаково) и т. д. [13].

Ко второй группе терминов для слова «каламбур» относятся четыре слова: *сярэ*, *оядзигягу*, *гороавасэ* и *дадзярэ*. Они более узкие, и каждое наименование имеет свои нюансы. Первый термин из группы – *сярэ* – обозначает литературный каламбур, используемый в стихах. Существование данного типа обуславливается тем, что первоначально японские каламбуры не обязательно были смешными, это, скорее, были интересные места в поэтических произведениях, слова со скрытым смыслом. Второй термин – *оядзигягу* – дословно переводится как «стариковские шутки», и в соответствии с названием *оядзигягу* чаще всего производят мужчины среднего возраста, причем зачастую на рабочем месте по отношению к подчиненным [8]. Данный тип каламбура считается эгоцентричным, смешным только говорящему. Третий тип каламбура – *гороавасэ* – подразумевает не юмористическое использование игры слов, а чаще всего мнемоническое [2]. Например, с помощью *гороавасэ* японцы могут запоминать сочетания цифр. И последний из группы терминов – *дадзярэ* – относится к каламбурам, которые используются вне стихотворного жанра, чтобы разрядить обстановку или облегчить общение. Другим словами, это наиболее близкий к нашему пониманию слова «каламбур» японский термин, в связи с чем дальнейшая классификация каламбуров включает именно *дадзярэ*.

Классификация японских каламбуров

Представленные ниже классификации были созданы для технических целей, однако нам представляется уместным их рассмотрение, так как они основаны на структуре каламбура, его модели образования, что интересно в том числе и с точки зрения научного подхода.

Осаму Такидзава подразделяет все *дадзэрэ* на две большие группы: каламбуры-сложения и каламбуры-наложения. В первую группу включены такие каламбуры, у которых начальное выражение относится к одной или нескольким независимым морфемам или фразам в предложении. Трансформированное выражение отсылает к строке фонем в произвольном разделе предложения, имеющей фонологическое сходство с начальным(и) выражением(ями). Например, 布団が吹っ飛んだ – *футон га футтонда* – «футон улетел», относится к каламбурам-сложениям, так как трансформированная часть *футтонда* отсылает к слову «футон», только добавляется дополнительный «т». В то же время, каламбуры наложения – это каламбуры с одной частью, которая имеет две или более семантические интерпретации. Например, во фразе すみませんバズル – *сумимасэнбадзуру* – «Прошу прощения (тысячей бумажных журавликов)» общей частью будет «сэн», так как *сумимасэн* – это «извините», а *сэнбадзуру* – «тысяча бумажных журавликов» [15, с. 3].

Кроме того, по классификации Сигэто Кавахара и Кадзуро Синохара каламбуры-сложения делятся также на два подтипа – совершенные и несовершенные. К совершенным относятся такие каламбуры, как 霧の中で桐を切り倒してもキリがない – *кири но нака дэ кири о кири-таоситэ мо кири га най* – «Даже если срубить павловнию в тумане, ничего не закончится», где повторяется часть «кири» без фонологических изменений. Несовершенными будут, соответственно, *дадзэрэ*, подобные примеру из предыдущего абзаца, где в трансформированной части происходят изменения фонем [3, с. 112].

П. Дибала, Р. Жепка, К. Араки и К. Саяма вывели более подробную классификацию. Она включает 12 типов *дадзэрэ*, разделенных по способам образования, причем некоторые типы включают также подтипы.

1. *Омофоны*. Можно приравнять к совершенным каламбурам-сложениям, так как это также *дадзэрэ*, в которых отсутствуют различия между начальной фразой и трансформированной. 力エルが帰る – *каэру га каэру* – «лягушка вернется».

2. *Добавление моры/мор*. Делится на три подтипа в зависимости от того, в какую часть трансформированной фразы добавляется мора: в начальную, конечную или внутрь. スイカは安い – *суйка ва ясуй ка* – «Дешевый ли арбуз?» добавление начальной моры: я + начальная фраза *суйка*.

3. *Опущение моры/мор*. Также делится на два подтипа: опущение конечной моры и опущение внутренней моры. ステーキがすてき – *сутэ:ки га сутэки* – «стейки прекрасны» – опущение внутренней моры, а конкретно длинного «э».

4. *Замена моры/мор*. Также делится на две подгруппы: замена согласного или замена гласного. 珍しい、水らしい – *мэдзурасии, мидзу расии* – «Странно, похоже на воду», здесь «э» меняется на «и» в первом слоге, то есть присутствует замена гласного.

5. *Перестановка мор*. Замена двух мор местами. ダジャレを言うのは誰じゃ? – *дадзэрэ о уу но ва дарэ дзя?* – «Кто рассказывает каламбуры?». В данном случае меняются местами моры «да» и «дзя».

6. *Перестановка морфем.* 男を売る思い出—*отоко о уру омоидэ* – «Воспоминание о продаже мужчин». Замена местами *отоко* и *омоидэ*, так как это пародия на название мюзикла *思い出を売る男* – *омоидэ во уру отоко* – мужчина, продающий воспоминания.

7. *Изменение чтения иероглифа.* Чтения заменяются на те, которые обычно не используются. 食王—*сёккингу* – «удивление». Английское *shoking* записано иероглифами 食 – *сёку* и 王— *о:*, «король» (англ. *king*), причем интересно, что данный каламбур использовался как название ресторана.

8. *Смешивание.* Из двух фраз создается одна, но обе они узнаваемы. 老いては事を仕損ずる—*оитэ ва кото о сисондзуру* – «постареешь – людей насмешишь». Это смешение двух поговорок: 急いては事を仕損ずる – *сэитэ ва кото о сисондзуру* – «поспешешь – людей насмешишь», и 老いては子に従え – *оитэ ва ко ни ситагаэ* – «когда постареешь, слушай своих детей».

9. *Деление.* Из одной фразы создается две. ゆで卵を茹でたのは孫 — *юдэтамаго о юдэта но ва маго* – «это внук сварил яйца». Начальная фраза *юдэтамаго* – «варенные яйца», делится на *юдэта* – «сваренный» и *маго* – «внук».

10. *Загадки.* Это каламбуры в форме загадок. 日中、車を壊してばかりいる人って誰でしょう? 答え: 歯医者 – *Ниттю:*, *курума о коवासитэ бакари иру хито ва дарэ дэсэ?* *Котэ:* *хауса* – «Как называется человек, который целыми днями бьет машины? Ответ: зубной врач». Каламбур построен на том, что слово «сломанный автомобиль» – *廃車* – звучит также, как и слово «зубной врач».

11. *Смешение языков.* Используется сразу японская и иностранная фраза, чаще всего английская. 総理大臣が謝った: *アイムソウリ—Со:ридайзин га аяматта* : *аиму со:ри* – «Премьер-министр извинился: I'm sorry». Каламбур основан на одинаковом произношении *со:ри* слов «премьер» и «извините».

12. *Перенос пауз.* Пауза, которая была в начальной фразе, сдвигается. 金をくれ、頼む! 金をくれた、飲む! – *канэ о курэ, таному! Канэ о курэта, ному!* – «Умоляю, одолжи денег! Деньги получил, выпьем!». Пауза сдвигается с места после *курэ* на место после *курэта* [4, с. 34–35].

Кроме технических классификаций, мы считаем целесообразным рассмотреть виды *дадзярэ*, которые не были упомянуты ни в одной из рассмотренных систем. В числе таких видов – *もじり (модзири)* – замена слова на похожее по звучанию. Например, *ケンタッキー・フライドチキン* – *кэнтакки: фрайдоикин* и *洗濯機・フライドチキン* – *сэнтакки фурайдоикин*, первая из которых переводится как «жареная курица Кентукки», а вторая – «жареная курица стиральной машины». Слова *кэнтакки:* и *сэнтакки* не являются омофонами, но звучат достаточно похоже, чтобы распознать каламбур. Данный тип каламбура наиболее похож на распространенные в других языках, в том числе в английском.

Другой не упомянутый тип – предложения с двумя каламбурами в одном. Например, *セミ二匹、寝ているベッド、セミダブル* – *сэми нихики, нэтэиру бэддо, сэмидабуру* – «Кровать, на которой спят две цикады – полуторная». Помимо дублирования части *сэми* в данном каламбуре присутствует упоминание двух цикад и *semi-double* (дословно – «полудвойной») кровати, что не передается русским названием такого типа мебели, однако становится вторым юмористическим элементом.

Последним из неупомянутых типов *дадзэрэ* являются предложения с полностью повторяющимися фонетическими половинами. Например, 私マスカラ、渡しますから – *ватаси масу-кара, ватасимасу кара* – «Потому что я дам тебе тушь» [1]. На первый взгляд, у данного типа есть сходства с уже рассмотренными в классификации П. Дибала и др., однако в таких каламбурах может не меняться паузация в частях предложения, а также нет никаких дополнительных мор или морфем, в связи с чем представляется оправданным выделение в отдельный тип.

В рамках настоящего исследования рассмотренные классификации будут использоваться одновременно, так как они, по нашему мнению, дополняют друг друга. Кроме того, стоит отметить, что в процессе анализа аутентичных материалов *анимэ* и *манга* рассмотренная классификация была дополнена новыми типами – каламбуры на основе ошибки в написании иероглифического знака и часто используемого в русскоязычных каламбурах приема расшифровки аббревиатуры.

Анализ каламбуров из избранных произведений массовой культуры Японии

Для исследования были выбраны два наиболее популярных произведения современной массовой культуры Японии в жанре комедии. «Гинтама» и «Ох уж этот экстрасенс Сайки Кусуо!» заняли первые и вторые места в рейтингах наиболее рекомендуемых комедийных манга [6] и анимэ [7] 2023 года, несмотря на то, что выпуск обоих произведений был закончен более трех лет назад. Таким образом, изучение использования каламбуров на их примере может быть достаточно показательным.

Для анализа были использованы первые 100 глав манга «Гинтама» и первый сезон, включающий 24 эпизода, анимэ «Ох уж этот экстрасенс Сайки Кусуо!» в связи с нашей целью получить приблизительно равное количество материала по каждому из анализируемых в рамках данной работы произведений.

Рис. 1. Распределение каламбуров по исследуемым произведениям

Прежде всего, как можно заметить на рис. 1, общее количество каламбуров в 100 главах исследуемой манга и 24 сериях анимэ сильно различается: 27 в «Гинтама» и 38 в «Ох уж этот экстрасенс Сайки Кусуо!». Кроме того, за 100 глав манга не было замечено ни одного случая использования каламбура в названии главы, в то время как за 24 серии анимэ было обнаружено 108 названий частей эпизода, в которых использовались *гороавасэ*.

Также нельзя не отметить неравномерность распределения каламбуров по произведениям. Однако в *анимэ* неравномерность значительно более ярко выражена: в пятой серии используется более 20 каламбуров, однако в четвертой и шестой нет ни одного. В то же время в *манга* каламбуры также неравномерно распределены, однако там их количество в главе варьирует от 0 до 2, причем в первых главах они встречаются реже, чем в более поздних.

Кроме того, можно отметить, что в *манга* «Гинтама» каламбур редко используется как основной способ достижения юмористического эффекта в главе в отличие от *анимэ* «Ох уж этот экстрасенс Сайки Кусуо!». В исследуемой *манга* зафиксирована лишь одна глава, сюжет которой строится вокруг каламбура, причем основой достижения юмористического эффекта все равно остается не сам каламбур, а ситуация, которая из-за него возникла. Пример подобного использования представлен на рис. 2.

Рис. 2. Пример использования каламбура, вокруг которого построен сюжет главы *манга* «Гинтама» [11, с. 99]

По сюжету главы, построенной на каламбуре, у персонажей сломался вентилятор, и в связи с сильной жарой главный герой едет покупать новый, но никак не может найти, так как везде продаются только более современная техника – кондиционеры. В середине главы герой узнает о месте, где точно есть «вентилятор». Вентилятор на японском пишется как 扇風機 (иероглифы «веер», «ветер» и «устройство») и произносится как *сэнпу:ки*. Персонаж приходит искать *сэнпу:ки*, сразу после чего его почти задерживает полиция. Для них *сэнпу:ки* – это 銭封機, что пишется с помощью иероглифов «деньги», «печать» и «устройство», другими словами, «машина для печати денег», что и подтверждается объяснением, которое также присутствует на рис. 2: «устройство для создания фальшивых денег». Таким образом, построенный на омофонии каламбур становится центром сюжета, но юмористический эффект создается в основном благодаря другим деталям.

В то же время в *анимэ* «Ох уж этот экстрасенс Сайки Кусуо!» присутствуют две части эпизодов, юмористический эффект которых достигается во многом за счет каламбуров. Ка-

ламбуры, использованные в обеих частях серий, опираются на прием расшифровки аббревиатур. По сюжету одной из серий инструктор по вождению мотоцикла часто повторяет аббревиатуру ВКВ, причем каждый раз расшифровывает ее по-разному. То это 「募金しろ馬鹿」 (*бокисиро бака*), что можно перевести как «Денег соберите, дураки», то 「ブック読んで勝手に勉強」 (*букку ёндэ каттэни бэнкё:*), что переводится как «Читайте книжки и учитесь, как хотите». Кроме того, интересно, что и само имя инструктора, который произносит эти каламбуры, представляет собой игру слов: его зовут 真鍋梅久, что читается как *Манабэ Байку*, и если записать другими иероглифами, получатся слова 学べ (*манабэ*, «мочь научиться») и バイク (*байку*, «байк» или «мотоцикл»). Персонажи даже шутят, что с таким именем ему очень подходит карьера инструктора по вождению мотоцикла [14]. Таким образом, в данной части серии юмористический эффект достигается в основном за счет каламбуров, причем разных видов.

В то же время использование каламбуров для раскрытия персонажа с параллельным достижением комедийного эффекта является достаточно типичным для обоих произведений. В *манга* это разные персонажи, и чаще всего с помощью каламбура демонстрировалась их сосредоточенность на каком-либо аспекте или предмете, как в одном из примеров из прошлого параграфа, или ошибка в понимании. В *анимэ* чаще всего с помощью каламбуров, высказываемых персонажем, а также его ошибок, которые превращались в каламбуры, раскрывался один персонаж, который должен был показаться зрителю скудоумным. (рис. 3).

Рис. 3. Примеры каламбуров, появившихся из-за ошибки персонажа в понимании слова в *манга* «Гинтама» и *анимэ* «Ох уж этот экстрасенс Сайки Кусуо!» [10, с. 157; 14]

Оба каламбура относятся к основанным на омофонах. В примере из *манга* персонаж неправильно понял слово 振り込め (*фурикомэ*, «оплата банковского счета»), приняв его за 振り米, что читается точно так же, однако означает «посыпать рисом». Таким образом, вместо оплаты банковского счета персонаж разбрасывает рис по территории банка, чем создается комедийная ситуация, а заодно раскрывается героиня – добавляется немного больше детскости к ее образу, так как это ребенок. В примере же из *анимэ* персонаж неправильно понимает вопрос, касающийся 志望大学 (*сибо:дайгаку*) – «университета мечты». Он воспринимает это как

死亡大学 – «университет смерти», что читается так же. Так персонаж начинает восприниматься как недалекий или же более склонный к шуткам, чем к серьезному разговору, а также создается юмористический эффект.

Что касается японских терминов для каламбуров в исследуемых произведениях, чаще всего в обоих, если не учитывать названия частей эпизодов *анимэ*, встречались *дадзэрэ* (рис. 4). Однако в *манга* «Гинтама» на втором месте, хоть и с большим отрывом, находятся *оядзигягу*, а в *анимэ* «Ох уж этот экстрасенс Сайки Кусуо!» – *гороавасэ*. При этом интересно, что «типичная» реакция на *оядзигягу* – холодное отношение и безразличие – показаны именно на примере персонажей исследуемого *анимэ*, в то время как в рассматриваемом отрывке *манга* подобная сцена отсутствует.

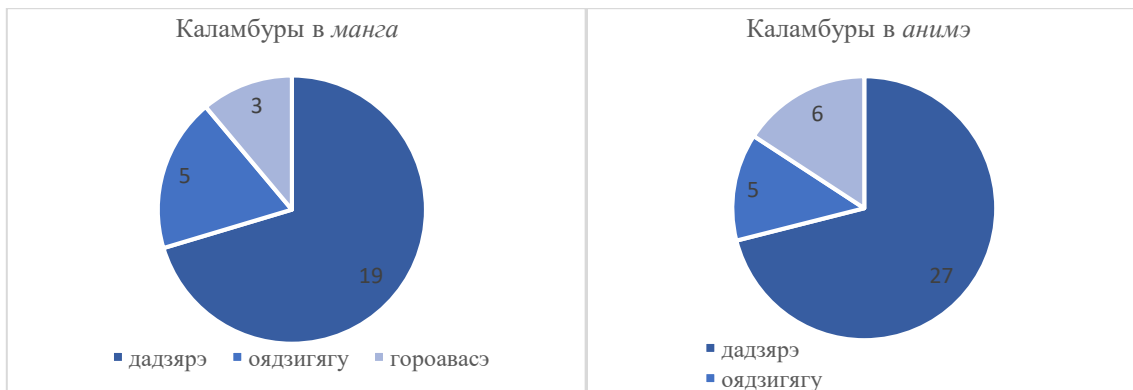

Рис. 4. Японские типы каламбуров в исследуемых произведениях

Если же говорить о *гороавасэ*, нам показалось интересным, что в обоих произведениях использована одна и та же фраза: «Приятно познакомиться!» (яп. *ёросику*), записанная иероглифами 夜露死苦, обозначающими соответственно «ночь», «откровенный», «смерть» и «страдания» (рис. 5).

Рис. 5. Использование одинакового *гороавасэ* в *манга* «Гинтама» и *анимэ* «Ох уж этот экстрасенс Сайки Кусуо!» [9, с. 103; 14]

С помощью словаря было установлено, что данная запись фразы является распространенным каламбуром и чаще всего используется в массовой культуре для раскрытия персонажа как хулигана или бандита [5], что верно в обоих исследуемых случаях. Персонаж из *манга* в ситуации, где использован данный каламбур, предстает в виде предводителя банды, в то время как персонаж *анимэ* является бывшим хулиганом, который безуспешно пытается это скрыть.

Таким образом, распространенные каламбуры также используются в массовой культуре, в частности для раскрытия персонажа.

Распределение каламбуров в рассматриваемых произведениях массовой культуры по видам представлено на диаграммах на рисунке 6. В результате исследования классификация была расширена нами на два пункта: ошибка в иероглифе и расшифровка аббревиатур, как уже упоминалось, причем первый из добавленных типов был обнаружен только в *манга*. Таким образом, общее количество видов каламбура в классификации составило 20, однако в каждом из произведений было замечено около половины: 11 в «Гинтама» и 9 в «Ох уж этот экстрасенс Сайки Кусуо!».

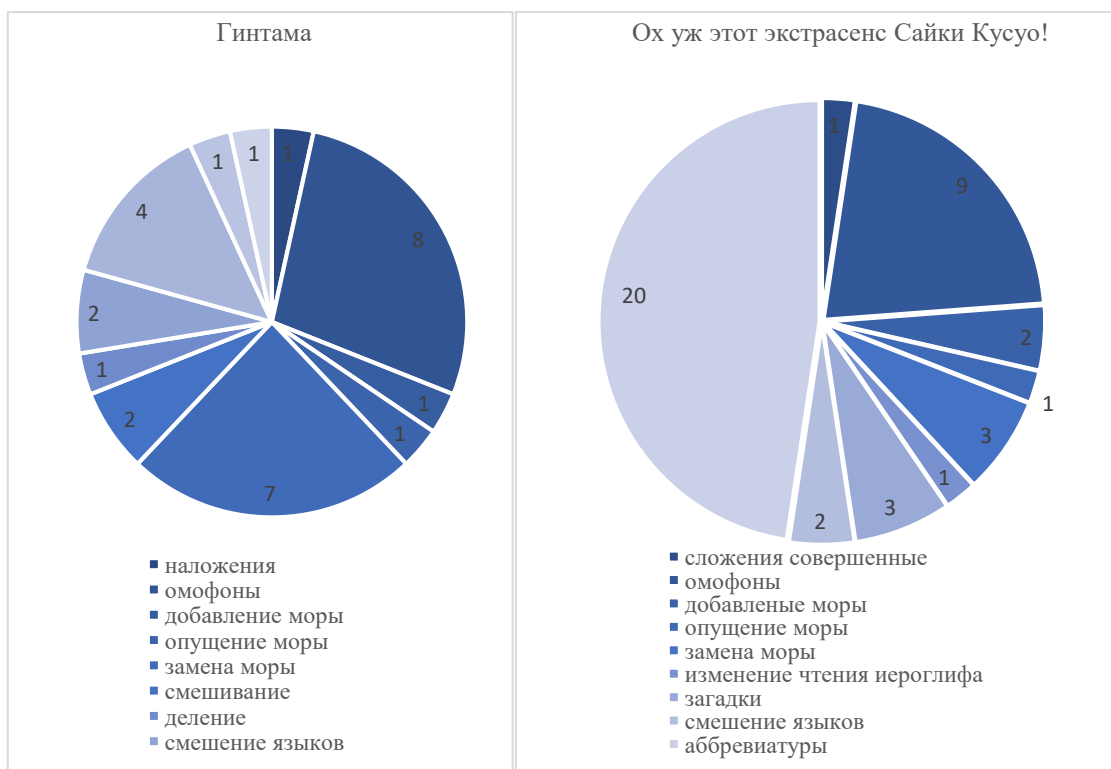

Рис. 6. Виды каламбуров в *манга* «Гинтама» и *анимэ* «Ох уж этот экстрасенс Сайки Кусуо!»

Интересно, что преобладание наиболее часто встречающегося вида каламбура в *анимэ* значительно сильнее, чем в *манга*, где скорее можно выделить два наиболее частотных, так как количество каламбуров упомянутых типов отличается всего на 1. Однако в *анимэ* меньше случаев использования каламбура какого-либо вида всего 1 раз – 3, в то время как в *манга* данный показатель в 2 раза выше и равен 6. Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что, несмотря на обширную классификацию каламбуров, все их виды в одном произведении используются крайне редко, гораздо чаще авторы выбирают каламбуры какого-то определенного типа или ограниченного их количества.

Сами наиболее частотные типы в исследуемых произведениях также различаются. В «Гинтама» это каламбуры, основанные на омофонии, а в «Ох уж этот экстрасенс Сайки Кусуо!» – на расшифровке аббревиатур. Интересно, что занимающий второе место по частотности в *манга* тип – каламбуры с заменой моры – встречается в *анимэ* всего 3 раза, с такой же

частотностью, как и каламбуры в виде загадок при том, что такие каламбуры полностью отсутствуют в *манга*. Например, в 12-й серии пожилой мужчина произносит несколько каламбуров такого типа. Один из них: на вопрос «Куда первым делом кусает змея?» последовал ответ 「脛行く」, что читается как *сунэику* и означает в данном контексте «за голень», однако точно так будет звучать японское произношение английского слова *snake* – «змея» [14]. При этом каламбуры в виде загадок, которые были использованы в данной серии, это типичные *оядзигягу*, реакция персонажей на которые весьма прохладна, поэтому юмористический эффект достигается в данном случае не самими каламбурами, а скорее отсутствием реакции героев на несколько типичных каламбуров подряд.

Однако в *манга* используются каламбуры и типа, который отсутствует в *анимэ*. Это достаточно часто встречающиеся *модзири* (4 случая использования). Примером использования данного вида каламбура может быть сцена, представленная на рис. 7. Персонаж использует слово *рэнгокукан* (煉獄関, авторский термин, дословно – «Барьер чистилища», по сюжету обозначает подпольные бои насмерть), а затем другой, плохо расслышав фразу, переспрашивает *кангофу-сан?* (看護婦さん, «медсестра»). Фраза *手を出す*, имеющая значения «вмешиваться» и «прикасаться» в зависимости от контекста, вместе с которой используются похожие звучащие слова, на которых основан каламбур, позволяет смыслу всей фразы измениться, а не просто стать абсурдом, что усиливает комедийный момент.

Рис. 7. Пример использования каламбура типа модзири в *манга* «Гинтама» [12, с. 91]

На основании данных показателей можно утверждать, что авторы свободно используют разные типы каламбуров, однако какие-то им ближе или больше подходят ситуации, в связи с чем использование может отличаться.

Несмотря на упомянутые несовпадения, количество использования каламбура со смешением языков одинаково для обоих произведений – по два случая, из чего можно сделать вывод, что английский язык достаточно свободно используется в каламбурах в произведениях массовой культуры. Другими словами, молодые японцы достаточно хорошо знают английский

или заимствования из него, чтобы достижение комедийного эффекта с его помощью было доступным приемом для авторов.

Что касается тем, используемых в каламбурах для получения юмористического эффекта, стоит отметить, что часто встречается так называемый «туалетный юмор», другими словами, шутка строится не столько на остроумном использовании игры слов, сколько на сходстве со словами из «туалетной темы». Например, в 12-й серии исследуемого *анимэ* персонаж слышит в аэропорту сообщение о задержке рейса, которое на японском звучит как 「運航 見合わせた」 (*унко*: *миавасэта*), и смеется, потому что слово похоже на 「うんこ」 (*унко*) – слово, обозначающее фекалии, причем чаще всего в детской речи [14]. Как известно, во многих странах Азии, включая Японию, данная тема не табуируется, чем отчасти можно объяснить подобный юмор.

Таким образом, в рамках данного исследования был проанализирован японский каламбур, в частности его использование в *анимэ* и *манга*. В ходе исследования выполнены поставленные задачи: были изучены различные классификации каламбуров на японском языке и выявлено 20 типов, два из которых были добавлены в ходе анализа материалов *анимэ* и *манга*. Кроме того, в результате анализа произведений японской массовой культуры было выявлено, что количество и равномерность распределения игры слов в данных произведениях заметно различаются. Однако можно сказать, что в обоих случаях чаще всего для достижения юмористического эффекта использовались *дадзэрэ*, причем каламбуры с использованием омофонов также достаточно часто встречались в обоих анализируемых работах. *Гороавасэ*, как и ожидалось, исходя из рассмотренного определения используются не для достижения юмористического эффекта, а ради дополнительного смысла или оттенка. Что касается тем, часто каламбуры могут быть основаны на том, что персонаж не понимает или неправильно понимает обращенные к нему слова или сосредоточен на собственных идеях. Иногда в рамках каламбура используется «туалетный юмор». В таких случаях комедийный эффект может быть вызван поведением персонажа и ситуацией в большей степени, чем самой игрой слов. Помимо прочего, такое использование каламбура помогает раскрытию персонажа.

Итак, каламбур является одним из способов достижения комедийного эффекта в произведениях японской массовой культуры. Каламбуры разных типов позволяют авторам достигать различных результатов воздействия на читателя или зрителя, в связи с чем используются достаточно часто. Многообразие видов каламбуров при малой исследованности темы затрудняет их выявление и, следовательно, перевод произведений для иностранной аудитории. При этом потребность в понимании и переводе каламбуров на японском языке возрастает по мере распространения массовой культуры данной страны по всему миру. В этой связи актуальными представляются дальнейшие исследования, касающиеся японского юмора, в особенности каламбура на японском языке.

Список литературы

1. Dajare: 13 Types of Japanese Puns. URL: <https://www.tofugu.com/japanese/japanese-puns/> (дата обращения: 14.10.2023).
2. Goroawase: Japanese Numbers Wordplay. URL: <https://www.tofugu.com/japanese/goroawase-japanese-numbers-wordplay/> (дата обращения: 12.10.2023).

3. Kawahara Shigeto, Shinohara Kazuko. The role of psychoacoustic similarity in Japanese puns: A corpus study // *Journal of Linguistics*. 2007. Vol. 45. P. 111–138.
4. NLP Oriented Japanese Pun Classification // *Proceedings of IALP*. Hanoi, 2012. P. 33–36.
5. 「夜露死苦」とは意味や概要. («Ёросику» – смысл и описание.) URL: <https://meaningdictionary.com/%E3%80%8C%E5%A4%9C%E9%9C%B2%E6%AD%BB%E8%8B%A6%E3%80%8D%E3%81%A8%E3%81%AF%E6%84%8F%E5%91%B3%E3%82%84%E6%A6%82%E8%A6%81/> (дата обращения: 19.10.2023).
6. 【2023年】ギャグ漫画のおすすめ人気ランキング50. (Топ 50 рекомендуемых комедийных манга, рейтинг за 2023 год). URL: <https://my-best.com/1977> (дата обращения: 20.10.2023).
7. 【人気投票 1~219位】ギャグアニメ (コメディアニメ) ランキング! みんながおすすめする笑えるアニメは? (Опрос для выявления популярности: 1–129 места. Рейтинг комедийных анимэ! Какое смешное анимэ посоветуете?). URL: <https://ranking.net/rankings/best-comedy-mangas> (дата обращения: 19.10.2023).
8. だじゃれは世界を救う! (Каламбуры спасут мир!) URL: <https://prtmes.jp/main/html/rd/p/000000001.000075245.html> (дата обращения: 28.10.2023).
9. 空知英秋. 銀魂第五巻「ベルトコンベアには気を付けろ」(*Сорати Хидэаки. Гинтама, том 5. «Остерегайтесь конвейерной ленты»*) / 英秋空知. 東京、2004. 197 с.
10. 空知英秋. 銀魂第七巻「どうでもいいことに限ってなかなか忘れない」(*Сора-ти Хидэаки. Гинтама, том 7. «Никак не могу забыть только о том, что меня совершенно не волнует»*) / 英秋空知. 東京、2005. 190 с.
11. 空知英秋. 銀魂第十巻「一寸の虫にも五分の魂」(*Сорати Хидэаки. Гинтама, том 10. «У самого маленького насекомого есть своя храбрость»*) / 英秋空知. 東京、2005. 187 с.
12. 空知英秋. 銀魂第六巻「刀じゃ斬れないものがある」(*Сорати Хидэаки. Гинтама, том 6. «Есть вещи, которые не разрубить мечом»*) / 英秋空知. 東京、2005. 190 с.
13. 言葉遊び (*Игра слов.*) URL: <https://kotobank.jp/word/%E8%A8%80%E8%91%89%E9%81%8A%E3%81%B3-65558> (дата обращения: 29.10.2023).
14. 齊木楠雄のΨ難 (アニメ) (*Ох уж этот экстрасенс Сайки Кусуо! (анимэ)*). URL: <https://www.paravi.jp/title/22316?so=ena> (дата обращения: 19.10.2023).
15. 滝澤修. 記述された「併置型駄洒落」の音素上の性質 (*Такидзава Осаму. Фонематические свойства каламбуров-сложений*) // *自然言語処理*. 1995. № 2.2. С. 3–22.

References

1. Dajare: 13 Types of Japanese Puns. URL: <https://www.tofugu.com/japanese/japanese-puns/> (accessed: 14.10.2023).
2. Goroawase: Japanese Numbers Wordplay. URL: <https://www.tofugu.com/japanese/goroawase-japanese-numbers-wordplay/> (accessed: 12.10.2023).
3. Kawahara Shigeto, Shinohara Kazuko. The Role of Psychoacoustic Similarity in Japanese Puns: A corpus study. *Journal of Linguistics*. 2007. Vol. 45. P. 111–138.
4. NLP Oriented Japanese Pun Classification. *Proceedings of IALP*. Hanoi, 2012. P. 33–36.

5. Meaning and Summary of the Word "yoroshiku". URL: <https://meaning-dictionary.com/%E3%80%8C%E5%A4%9C%E9%9C%B2%E6%AD%BB%E8%8B%A6%E3%80%8D%E3%81%A8%E3%81%AF%E6%84%8F%E5%91%B3%E3%82%84%E6%A6%82%E8%A6%81/> (accessed: 19.10.2023). (In Jap.).
6. Recommended Comedy Manga and Anime of 2023: Top 50. URL: <https://my-best.com/1977> (accessed: 20.10.2023). (In Jap.).
7. Popularity Poll: 1–129. Comedy Anime Rating! Which Funny Anime is Recommended? URL: <https://ranking.net/rankings/best-comedy-mangas> (accessed: 19.10.2023). (In Jap.).
8. Pun Will Save the World! URL: <https://prtimes.jp/main/html/rd/p/000000001.00007-5245.html> (accessed: 28.10.2023). (In Jap.).
9. *Sorachi Hideaki*. Volume 5 "Watch Out for Conveyor Belts!" Tokyo, 2004. 197 p. (In Jap.).
10. *Sorachi Hideaki*. Volume 7 "The Things You Care the Least About Are the Ones You Never Forget". Tokyo, 2005. 190 p. (In Jap.).
11. *Sorachi Hideaki*. Volume 10 "Even an Inch-Long Insect Has a Soul". Tokyo, 2005. 187 p. (In Jap.).
12. *Sorachi Hideaki*. Volume 6 "Some Things You Can't Cut with a Sword". Tokyo, 2005. 190 p. (In Jap.).
13. Word Play URL: <https://kotobank.jp/word/%E8%A8%80%E8%91%89%E9%81%8A-%E3%81%B3-65558> (accessed: 29.10.2023). (In Jap.).
14. The Disastrous Life of Saiki K. (anime) URL: <https://www.paravi.jp/title/22316?so=ena> (accessed: 19.10.2023). (In Jap.).
15. *Takizawa Osamu*. Phonematic Aspects of the Collocated Puns. *Journal of Natural Language Processing*, 1995, no. 2.2, pp. 3–22. (In Jap.).

Статья поступила в редакцию / Received 04.12.2023

Одобрена после рецензирования / Revised 19.01.2024

Принята к публикации / Accepted 04.03.2024

Научная статья

УДК 811.531

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/89-93>

Культурный код в корейских идиомах с компонентом-соматизмом «Нос»

Валентина Александровна Тихоненко

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения, Tikhonenko.va@dvfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-3626-3780>

Аннотация. В статье рассматривается культурный код в корейских идиомах с компонентом-соматизмом «нос» как одно из наиболее значимых для лингвокультурологии понятий, посредством которого устанавливаются взаимосвязи между системами представлений, запечатленными в корейском языке и сферами материального и ментального мира корейцев. Метафоричность телесного кода «нос» исследуется как элемент мышления и познания окружающего мира корейского народа. Научная новизна обусловлена тем, что через телесный код актуализируется оценочное описание человека, транслирующего ценностные ориентиры исторически обусловленной корейской культуры. Методология исследования опирается на различные методы: лингвокультурологический, метод контекстно-семантического анализа, метод прагматического анализа в их синтезе, взаимовлиянии и дополнительности. Анализ отобранных методом сплошной выборки соматических корейских идиом с компонентом «нос» позволяет выявить основные семантические поля, определяющие функциональные особенности носа, приписываемые ему в корейской лингвокультуре.

Ключевые слова: корейские идиомы, соматизм, культурный код, функциональные признаки

Для цитирования: Тихоненко В.А. Культурный код в корейских идиомах с компонентом-соматизмом «Нос» // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 2. № 2. С. 89–93.

Original article

The Cultural Code in Korean Idioms with the Somatic Component “Nose”

Valentina A. Tikhonenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Korean Studies Department,

Tikhonenko.va@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3626-3780>

Abstract. The article discusses the cultural code in Korean idioms with the somatic component “nose”, which is one of the central concepts in linguaculturology. Cultural codes actualize interconnections between the system of symbols and images imprinted in the Korean language and spheres

of the world of Koreans. The metaphorical nature of the body code “nose” is studied as an element of the Korean people’s thinking and cognition of their world. The scientific novelty is due to the fact that through the body code, the evaluative description of a person who translates the value orientations of historically conditioned Korean culture, is updated. The research methodology was based on various methods, in particular, on linguo-cultural method, the method of contextual semantic analysis, the method of pragmatic analysis in their synthesis, mutual influence and complementarity. The analysis of somatic Korean idioms selected by the continuous sampling method allows us to identify the main semantic fields that determine the functional features of the nose attributed to it in Korean linguoculture.

Key words: Korean idioms, somatism, cultural code, functional features

For citation: Tikhonenko V.A. The Cultural Code in Korean Idioms with the Somatic Component “Nose”. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 89–93. (In Russ.).

Национальная специфика восприятия мира находит свое отражение в языке через уникальную для каждой нации знаковую схему восприятия и вербализации действительности. Одним из самых ярких и выразительных средств языка, позволяющих донести до реципиента самые тонкие оттенки мысли, является идиоматика (учение об идиомах).

Идиома (от греч. *ἰδίωμα* – «особенность, своеобразие») всегда представляла и представляет интерес для многих лингвистов и языковедов. В словаре лингвистических терминов идиома трактуется как: «1. Словосочетание, обнаруживающее в своем синтаксическом и семантическом строении специфические и неповторимые свойства данного языка», или «2. То же, что фразеологическая единица, обладающая ярко выраженными стилистическими особенностями, благодаря которым ее употребление вносит в речь элемент игры, шутки, нарочитости» [1, с. 160].

В настоящем исследовании большой интерес вызывают корейские идиомы с компонентом-соматизмом «нос», который рассматривается как культурный код, репрезентирующий знания и представления корейцев, связанные с функциональными особенностями носа, приписываемые ему в корейской лингвокультуре.

Общеизвестно, что соматическая лексика или соматизмы (신체어) – это имена существительные с исходным значением частей тела человека. Сам термин «соматизм» впервые был введен Феликсом Вакком (1964), который, анализируя фразеологический фонд эстонского языка, назвал компоненты фразеологических единиц, именующих части человеческого тела, соматическими [2]. Исследователь А.М. Эмирова совершенно справедливо утверждает, что «человеческое тело является наиболее доступным и изученным объектом наблюдения человека», в связи с чем «ориентацию в пространстве, свою оценку окружающего мира человеку «удобнее» соотносить прежде всего с частями своего тела» [4, с. 54]. Таким образом, соматизм может рассматриваться как своеобразный культурный код, посредством которого происходит осмысление окружающего мира. Именно культурный код, по мнению доктора филологических наук В.В. Красных, задает и определяет оценку материального мира: «Код культуры понимается как «сетка», которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [3, с. 232].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении культурного кода в семантике корейских идиом с компонентом-соматизмом «нос».

Для достижения цели исследования были определены основные *задачи*:

- методом сплошной выборки отобрать корейские идиомы с соматизмом «нос»;
- выявить семантические поля, определяющие функциональные особенности «носа»;
- определить, какие ценностные параметры и ориентиры культуры Кореи транслируются через телесный код «нос» в корейской идиоматике.

Методология исследования опирается на комплекс методов в их синтезе и дополнении: лингвокультурологический метод позволяет извлекать взаимосвязи и взаимодействия корейской культуры и корейского языка, метод контекстно-семантического анализа и метод прагматического анализа помогают выявить семантическое поле каждой представленной корейской идиомы с компонентом-соматизмом «нос» и классифицировать их на группы в их практическом использовании носителями корейского языка.

Общеизвестно, что нос занимает центральное место на лице и служит органом дыхания и обоняния, с его помощью человек окунается в мир запахов и испытывает самые разнообразные ощущения. То есть нос является неким центром информации и становится своего рода стартовой точкой отчёта о первичном восприятии окружающей действительности. Соответственно, соматизм «нос» является компонентом довольно большого количества корейских идиом, в значении которых хорошо просматривается архетип «нос = человек», и служит культурным элементом миромоделирования, транслирующим ценностные ориентиры корейского народа.

Изучение семантики компонента-соматизма «нос» в составе корейских идиом позволяет определить их функциональные особенности, а также выявить специфику метафорического переосмысления самой выступающей части лица:

1. Нос как признак эмоций.

Соматизм «нос» в составе корейских идиом в данной группе используется как индикатор эмоционального состояния человека. Спектр эмоций, выражаемый этим соматизмом, довольно широк, передает самые разные чувства от досады и стыда, грусти и отчаяния вплоть до радости. В качестве примеров приведем следующие:

코가 빠지다 (букв.: «Нос упал») – «Повесить нос» (*то есть приходиться в уныние, сильно огорчаться, расстраиваться*).

코 막고 답답한 일 (букв.: «Нос заложило и душная обстановка») – «Нос заложило так, что задохнуться можно» (*о состоянии горя, отчаяния*).

코를 훌쩍거리다 (букв.: «Всхлипывать носом») – «Хлюпать носом» (*то есть издавать глухие чавкающие звуки, стягивая носом воздух при плаче*).

콧구멍이 둘 마련하기 다행이다 (букв.: «Счастье, что в носу две ноздри») – «Легко дышится» (*так говорят про легкость и свободу бытия*).

콧노래를 부르다 (букв.: «Напевать себе под нос») – «Быть в хорошем настроении».

2. Нос как признак характера.

В данной группе корейских идиом «нос» репрезентируется как сфера, проявляющая черты характера человека. Например, упрямство, высокомерие или пренебрежение. Примечательно, что ряд таких корейских идиом обладает негативной коннотацией:

코가 세다 (букв.: «Твердый нос») – «Ослиное упрямство» (*так говорят про излишне упрямого человека, который не прислушивается к чужим советам*).

콧대가 높다 (букв.: «Высокий нос») – «Задирать нос» (*то есть быть заносчивым, высокомерным*).

코발구이를 귀가 (букв.: «Выпускать воздух из носа») – «Фыркать носом» (*то есть выразить неудовольствие или пренебрежение*).

코웃음 치다 (букв.: «Скривить лицо в усмешке») – «Сардонический смех» (означает язвительный, злорадный смех).

3. Нос как локус важности и значимости.

Соматизм «нос» часто вербализует тему авторитетности, важности и значимости, наличие опыта либо отсутствие такового:

코가 납작해지다 (букв.: «Нос сплющился») – «Подмочить репутацию» (*так говорят, когда человек теряет свой авторитет в глазах других, испытывая сильное чувство смущения от уязвленной гордости*).

코가 꺾이다 (букв.: «Проколоть нос») – «Взять за жабры» (*означает найти у человека слабое место, воздействуя на которое, можно так же, как и рыбе, ограничить его возможности*).

코밑도 마르잖 놈 (букв.: «Еще под носом не просохло») – «Молоко на губах еще не обсохло» (*так говорят об очень молодом и неопытном человеке*).

코김이 세다 (букв.: «Сильный пар из ноздрей») – «Иметь сильное влияние».

코에 걸다 (букв.: «Повиснуть на носу») – «Распустить хвост» (*о человеке, который зазнается и ставит свои интересы и заслуги выше других*).

코대를 꺾다 (букв.: «Сломать переносицу») – «Сбить спесь / Поставить на место» (*то есть осадить, заставить вести себя подобающим образом*).

코대를 세우다 (букв.: «Поднять переносицу») – «Набивать себе цену» (*стараться показать, представить себя более значительным, более важным в глазах других людей*).

4. Нос как категория локативности.

В данной группе представлены корейские идиомы, в которых компонент-соматизм «нос» актуализирует сему пространственной близости:

코를 맞대다 (букв.: «Касаться носа») – «Нос к носу» (*об очень близко стоящих людях*).

코 닿을 데다 (букв.: «Носом достать») – «Рукой подать» (*то есть на очень близком расстоянии*).

코 아래 입 (букв.: «Губа под носом») – «Душа в душу» (*о близких отношениях между людьми*).

5. Нос как атрибут занятости и неуместного вмешательства.

Тема занятости и вмешательства здесь содержит отрицательную окраску, актуализируя не только сему загруженности, но и нарушения личных границ.

내 코가 석자 (букв.: «У меня нос длиной в три ча¹») – «У самого дел по горло» (*употребляется в значении «некогда помогать, своих дел много»*).

네 코나 닦아라 (씻어라) (букв.: «Пойди и вытри (вымой) свой нос») – «Займись собой» (*своими делами*).

눈코 뜰 새 없다 (букв.: «Нет свободного времени, чтобы открыть глаза и нос») – «Настолько занят, что ни моргнуть, ни вздохнуть / Дух перевести некогда» (*так говорят, когда очень сильно заняты и не могут терять ни минуты своего времени*).

Таким образом, представленные корейские идиомы с компонентом-соматизмом «нос» в своем большинстве, как мы видим, основаны на образно-метафорических смыслах и актуализируют особенности мировоззрения и познания окружающего мира корейцев. Выявление

¹ ча – мера длины ≈ 30 см

семантических полей соматизма «нос» в составе корейских идиом дает представление о человеке с самых разных сторон, интерпретируя его психическое и эмоциональное состояние, его поведение, пространственные отношения между людьми. И, поскольку семантика телесного кода основана на национально-культурном мировосприятии, отражает, основные культурные ценности, свойственные корейскому народу.

Список литературы

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2004. 569 с.
2. *Вакк Ф.А.* О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Таллин, 1964. 29 с.
3. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. 284 с.
4. *Эмирова А.М.* Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Ташкент, 1988. 92 с.
5. *Sang-Hun Choe, Christopher Torchia.* How Korean Talk. A collection of expressions. Six print. Sept. 23, 2005. 308 p.
6. *김선정.* 살아있는 한국어: 관용어. – 랭기지플러스, 2007. 256 쪽.
(*Ким Сонджонг.* Живой корейский язык: идиомы. Изд-во: Language Plus, 2007. 256 с.).
7. *원은영.* 관용어와 속담으로 배우는 한국어. – 도서출판 참, 2017. 272 쪽. (*Вон Ынён.* Изучайте корейский язык с помощью идиом и пословиц. Книжное изд-во: Правда, 2017. 272 с.).

References

1. *Akhmanova O.S.* Dictionary of Linguistic Terms. Moscow, URSS Publ., 2004. 569 p. (In Russ.).
2. *Vakk F.A.* On Somatic Phraseology in the Modern Estonian Literary Language. Abstract of Thesis of PhD in Philology. Tallinn, 1964. 29 p. (In Russ.).
3. *Krasnykh V.V.* Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology. Moscow, 2002. 284 p. (In Russ.).
4. *Emirova A.M.* Russian Phraseology in the Communicative Aspect. Tashkent, 1988. 92 p. (In Russ.).
5. *Sang-Hun Choe, Christopher Torchia.* How Korean Talk. A Collection of Expressions. Six print. Sept. 23, 2005. 308 p.
6. *Kim Seongjong.* The Living Korean Language: Idioms. Language Plus Publ., 2007. 256 p. (In Kor.).
7. *Waughn Inyong.* Learn Korean Using Idioms and Proverbs. Pravda Publ., 2017. 272 p. (In Kor.).

Статья поступила в редакцию / Received 16.01.2024
Одобрена после рецензирования / Revised 25.01.2024
Принята к публикации / Accepted 26.01.2024

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/94-102>

Сравнение фрейма «Преподаватель» в русской и китайской языковых картинах мира (на материале ассоциативного эксперимента)

Елена Олеговна Курмачева

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Ассистент кафедры русского языка как иностранного, kurmacheva.eo@dvfu.ru

Аннотация. Проблемы языковой репрезентации картины мира (в том числе национальной) относятся к числу наиболее активно обсуждаемых в современной лингвистике. Одним из способов описания языковой картины мира является создание фрейма. Статья посвящена сравнению фрейма «Преподаватель», представленному в двух языковых картинах мира – русской и китайской. Цель исследования – сопоставление двух репрезентаций фрейма и выявление сходств и различий в их структурах. Результаты исследования позволяют утверждать, что, несмотря на наличие схожих черт, узлы во фреймах чаще всего не совпадают по объему, содержанию и языковой репрезентации.

Ключевые слова: языковая картина мира, русская языковая картина мира, фрейм, сравнение фреймов, преподаватель

Для цитирования: Курмачева Е.О. Сравнение фрейма «Преподаватель» в русской и китайской языковых картинах мира (на материале ассоциативного эксперимента) // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 2. № 2. С. 94–102.

Original article

Comparison of the Frame “Teacher” in the Russian and Chinese Linguistic Pictures of the World (Based on the Material of the Associative Experiment)

Elena O. Kurmacheva

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Assistant of the Department of Russian as a Foreign Language, kurmacheva.eo@dvfu.ru

Abstract. The problems of linguistic representation of the world picture (including the national one) are among the most actively discussed in modern linguistics. One of the ways to describe the linguistic picture of the world is a frame. The article is devoted to the comparison of the frame “Teacher” represented in two linguistic world pictures (English and Chinese). The aim of the study is to compare two representations of the frame and to identify similarities and differences in their

structures. The results of the study suggest that despite having some similarities, the nodes in the frames most often do not coincide in terms of volume, content and linguistic representation.

Key words: linguistic picture of the world, Russian linguistic picture of the world, frame, frame comparison, teacher

For citation: Kurmacheva E.O. Comparison of the Frame “Teacher” in the Russian and Chinese Linguistic Pictures of the World (Based on the Material of the Associative Experiment). *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 94–102. (In Russ.).

Проблемы языковой репрезентации картины мира (образа мира) относятся к числу наиболее активно обсуждаемых в современной лингвистике. *Целью настоящего исследования* является расширение существующих в современной лингвистике представлений о русской языковой картине мира посредством более детального описания одного из её компонентов – фрейма «Преподаватель». Кроме того, одной из основных *задач* является не просто описание фрейма, но и сопоставление двух его репрезентаций в разных языковых картинах мира для более детального рассмотрения национальной специфики. Представляется, что данное исследование перспективно с практической точки зрения. Его результаты могут быть использованы в рамках вузовского обучения будущих преподавателей русского как иностранного в связи с курсом национально-ориентированного обучения китайских студентов русскому языку для предотвращения прогнозируемых проблем, вызванных межкультурной коммуникацией, а именно – несовпадением представлений о преподавателях в сравниваемых культурах.

Материалом исследования послужили результаты ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 208 респондентов в возрасте от 18 до 60 лет. Половина из опрошенных (104 человека) – носители русского языка, другая – носители китайского. Все участники эксперимента, согласно полученным данным, имеют среднее (полное) образование и получают или уже получили высшее образование. Гендерный состав участников в рамках ассоциативного эксперимента равномерен: в опросе принимали участие как мужчины, так и женщины. Информация о поле, возрасте, родном языке, наличии образования была собрана на первом этапе эксперимента. Каждый из участников дал согласие на её обработку в научно-исследовательских целях. В рамках второго этапа эксперимента участникам предъявлялась электронная форма, в которую необходимо было вписать первые три ассоциации, вызванные словом-стимулом «преподаватель». Русскоязычные участники получали форму на русском языке и вносили ответы на нём же. Китайскоговорящие участники получали форму на китайском языке и заполняли её, используя китайский. Учитывались ответы только тех респондентов, для которых указанный выше язык является родным. Такая выборка обусловлена стремлением исключить или, во всяком случае, минимизировать, искажения, вызванные влиянием вторичной языковой личности. По аналогичным причинам для участия в опросе выбирались респонденты, не изучавшие иностранный язык (русский или китайский) и не получающие образование в интересующей нас стране (России или Китае). Соответственно, китайские респонденты, согласно предоставленной ими информации, не владеют русским языком и не обучались в России, а русские – не владеют китайским языком и не обучались ранее в Китае. Ответы китайских участников в статье приводятся на родном языке, но с примерным переводом. На основе анализа языкового материала были выделены и описаны смысловые узлы, составляющие фрейм «Преподаватель».

Прежде всего остановимся на ключевых для нашей работы понятиях. Под *картиной мира* мы, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, понимаем «упорядоченную картину знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [7, с. 36]. В свою очередь, *языковая картина мира* представляет собой совокупность зафиксированных в единицах языка представлений о действительности на определенном этапе развития народа [7, с. 38]. Важно отметить, что языковая картина мира отражает как наивные, субъективные представления о действительности, так и научно обоснованные, реалистические представления [6, с. 45].

Таким образом, можно утверждать, что когнитивная картина мира и языковая картина мира связаны между собой «как первичное и вторичное, как ментальное явление и его вербальное овнешнение, как содержание понятия и средство доступа исследователя к этому понятию» [7, с. 39]. Несмотря на то, что без носителя языковая картина мира не может существовать, она имеет непосредственное влияние на его восприятие окружающей действительности. Интерпретация результатов исследований языковой картины мира приближает к изучению когнитивного уровня, находящегося в сознании носителей русского языка, так как позволяет реконструировать когнитивные структуры по их внешним языковым формам.

Отдельно отметим связь языковой картины мира и *национальной языковой картины мира*. В нашем исследовании мы придерживаемся позиции О.А. Корнилова. Исследователь полагает, что «просто языковая картина мира – это абстракция, реально нигде не существующая», а «реально существуют и могут анализироваться лишь языковые картины мира конкретных национальных языков». Таким образом, отдельно взятая языковая картина мира неотделима от когнитивной картины мира и национальной картины мира [4, с. 121].

В статье мы делаем попытку расширить существующие представления о русской языковой картине мира посредством описания небольшой ее части. Для описания выявленных явлений воспользуемся понятием *фрейма*, под которым, вслед за М. Минским, мы понимаем структуру иерархически организованных и взаимодействующих друг с другом элементов, некую сеть, состоящую из узлов и связей между ними [5, с. 7].

Подчеркнем, что фрейм – далеко не единственный способ описания языковой картины мира, однако представление полученного материала в виде фреймовой структуры, на наш взгляд, достаточно продуктивно, поскольку фрейм обладает такими свойствами, как иерархичность (т. е. указывает на подчиняемость одних единиц другим), динамичность (т. е. позволяет допустить изменчивость входящих в его состав компонентов), и дает возможность представить исследуемый материал наглядно, в виде четко организованной структуры, в которой все элементы, оставаясь автономными в каком-то смысле, образуют единое поле – языковую картину мира.

В своих работах М. Минский указывает на то, что фреймы связаны друг с другом. Группы семантически близких фреймов объединяются в иерархически упорядоченную систему, она представлена суперфреймами, фреймами и субфреймами. Суперфреймы – наиболее крупные, иерархически упорядоченные элементы, выстраивающие целые системы фреймов. Фреймы – менее крупные структуры, включающиеся в суперфреймы и состоящие, в свою очередь, из нескольких субфреймов. Под субфреймами понимаются части более крупного фрейма, некие «подструктуры фрейма» [1, с. 24], состоящие из смысловых узлов, которые наполнены реализующими их языковыми элементами [5, с. 7]. Как показал анализ литературы, в современных исследованиях есть расхождения в терминологии: ученые (Е.В. Старостина,

А.А. Кибрик, И.А. Громова и др.), описывая лексикализованную вербализацию того или иного фрейма, адаптируют под себя терминологию, часто используют «фрейм» как наиболее крупную единицу, разделяя ее на «узлы», «слоты», «терминалы» [2, с. 139]. Такое расхождение связано с объемом изучаемых понятий – чем сложнее структура, тем больше терминологических единиц потребуется для её описания.

Обозначим терминологию, которой мы придерживаемся в рамках нашей работы. Под «фреймом» мы понимаем самую крупную единицу (совокупность представлений о преподавателях). Фрейм «Преподаватель», в свою очередь, состоит из нескольких «узлов» – крупных смысловых блоков. Мы, вслед за А.А. Кибриком, разделяем смысловые узлы на более мелкие единицы: «слоты» – определенные понятия, заданные в явном виде, и «терминалы» – не заданные в явном виде узлы [3, с. 65]. Однако мы не претендуем на всеохватность исследования; не исключено, что в узлах остаются терминалы, выявление которых требует расширения материала исследования. Важно отметить, что в сложно организованной фреймовой структуре слоты сами могут становиться узлами или даже фреймами, образуя свои подструктуры, то есть система обладает динамикой, гибкостью и способна к расширению и укрупнению.

Результаты исследования позволяют утверждать, что репрезентации фрейма «Преподаватель» в русской и китайской языковых картинах мира имеют схожие черты – в обоих фреймах выделяются семантически близкие узлы. Однако сопоставительный анализ языковых единиц показывает, что при своей семантической близости узлы во фреймах в русской и китайской языковых картинах мира чаще всего не совпадают ни по объему, ни по содержанию, ни по языковой репрезентации. Кроме того, неправильно было бы утверждать, что ответы русскоговорящих и китайскоговорящих респондентов полностью дублируют друг друга, отличаясь лишь языковым кодом. Анализ языкового материала позволяет выявить не только совпадающие, но и уникальные узлы в двух репрезентациях фрейма. Так, китайский языковой фрейм «Преподаватель» не содержит узла «Взаимоотношения преподавателя и учащихся», в то время как во фрейме «Преподаватель» в русской языковой картине мира отсутствует узел «Оценка профессии преподавателя», связанный с ЛСГ «Карьера».

В статье мы рассматриваем следующие смысловые узлы: «Номинации, связанные с преподавателями», «Место работы преподавателя», «Внешность преподавателя». Это далеко не все совпадающие узлы в фрейме «Преподаватель», однако уже их анализ позволяет с уверенностью говорить о несовпадении узлов в двух репрезентациях фрейма.

Начнем с одного из самых прогнозируемых смысловых узлов – *«Место работы преподавателя»*. Поскольку преподаватель – это профессия, то его образ неотрывно связан с местом, в котором он осуществляет профессиональную деятельность.

Анализ узла «Место работы преподавателя», функционирующего во фрейме «Преподаватель», представленном в русской языковой картине мира, показывает, что слоты данного узла заполнены номинативными существительными с общей семой «учебное заведение»: «университет» (9), «институт» (7), «колледж» (4). Наиболее частотным при этом является первая из названных лексем «университет», которая встретилась девять раз. В этот же смысловой узел включаются (хотя и менее частотны) единицы, имеющие значение «часть учебного заведения» – «кафедра» (4) и «класс» (2). Между словами «университет» и «кафедра», «класс» можно наблюдать привативную лексическую оппозицию, то есть эти слова соотносятся как гиперонимы и гипонимы соответственно. Интересно, что ни один из респондентов не использовал лексическую единицу «школа», а «класс» встретился меньше пяти раз. Это позволяет

предположить, что преподаватель, хоть и ассоциируется с учебным заведением, но не соотносится с конкретной его разновидностью – со школой. На наш взгляд, это связано с тем, что в русской языковой картине мира существует некая оппозиция между понятиями «учитель» и «преподаватель». Подкрепляет нашу уверенность и то, что в другом смысловом узле, а именно «Номинации, связанные с учениками», ни разу не встречается лексема «школьник» или хотя бы «ребенок», «дети». Однако данная гипотеза требует более детальной проверки на большем массиве языкового материала.

В китайской языковой картине мира видим похожую ситуацию. В узле «Место работы преподавателя» наиболее частотной единицей является номинация «学校» (8), которую можно перевести как «учебное заведение», второй по частотности выступает единица «班级» (3), обозначающая «класс». Между этими ответами так же, как и в русской реализации фрейма «Преподаватель», обнаруживается привативная лексическая оппозиция. Интересно, что китайские респонденты используют только одно слово, в то время как русские называли три – «университет», «институт», «колледж». Это связано с тем, что лексема «学校» («учебное заведение») не точно очерчивает различия между «университетом», «институтом» и «колледжем», так как в китайском языке это общее название школ и университетов. Похожая ситуация наблюдается в функционировании «班级» («класс»), поскольку эта лексема обозначает группу совместно обучающихся и в школе, и в колледже, и в университете. Рассмотренные языковые факты позволяют предположить, что в китайской языковой картине мира оппозиция «учитель» и «преподаватель» почти не выражена, а фрейм «Преподаватель» и фрейм «Учитель» не противопоставлены друг другу и, возможно, даже объединяются в один.

Следующий выявленный узел – «*Номинации, связанные с преподавателями*». Неудивительно, что одной из популярных ассоциаций является номинация, позволяющая назвать человека, занимающегося преподавательской деятельностью, как-то иначе, кроме как «преподавателем».

Узел «Номинации, связанные с преподавателями» во фрейме «Преподаватель» в русской языковой картине мира является самым объемным из рассмотренных узлов. Он состоит из 41 лексемы. Преобладают в данном узле существительные, но встречаются и описательные словосочетания с характеризующим значением: «учитель» (15), «наставник» (7), «классный» (2), «профессор» (2), «друг» (2), «педагог» (2), «мама» (2), «мастер», «советчик», «человек», «женщина», «проводник», «опора», «пример», «авторитет», «личность», «носитель кода культуры». Две наиболее частотные лексемы – это слова «учитель» (15) и «наставник» (7), объединяющиеся значением «тот, кто выполняет указанное в основе действие». Частотность этих единиц позволяет говорить о том, что для носителей русского языка наиболее важна функция, выполняемая преподавателем («учить», «наставлять»). Наличие в этом узле единицы «учитель» не противоречит нашим словам о том, что «учитель» и «преподаватель» в русской языковой картине мира находятся в оппозиции, напротив, наличие этой лексемы позволяет нам говорить о возможности сопоставления, так как противопоставлять не связанные друг с другом явления невозможно. Менее популярными единицами в слотах являются «классный» (2), «профессор» (2), «педагог» (2). Подчеркиваем, что «классный» является субстантивным прилагательным, вызванным усечением словосочетания «классный руководитель». Эти номинации связаны уже не с функцией преподавателей, но всё ещё относятся к ЛСГ «Человек, осуществляющий преподавательскую деятельность». Интересным является то, что респонденты кроме вышеперечисленных слов используют гендерный маркер. Мы наблюдаем среди ответов

лексему «женщина», что позволяет нам говорить о том, что представления о преподавателях, существующие в картине мира носителей русского языка, тесно связаны с признаком пола. Использование респондентами данной лексики позволяет получить вполне объективную информацию о том, что большинство преподавателей в России – женщины. Несмотря на то, что нейтральные номинации преобладают в данном узле, можно отметить небольшое количество оценочных номинаций «друг» (2), «пример», «авторитет», «носитель кода культуры».

Прямо противоположная ситуация наблюдается в китайской языковой картине мира: ядро узла «Номинации преподавателя» во фрейме «Преподаватель» создают единицы с ярко выраженным метафорическим значением. Это наиболее частотная единица «园丁» (9), которую можно дословно перевести как «садовник», и чуть менее частотная «蜡烛» (7) со значением «свеча». Примечательно, что во фрейме «Преподаватель» в русской языковой картине мира не представлено никаких аналогов. Частотность этих лексем в китайской языковой картине мира можно объяснить их прецедентностью. В китайском языке есть выражение «学生是幸福的花朵·老师是辛勤的园丁», которое переводится как «студенты – счастливые цветы, а преподаватели – трудолюбивые садовники», то есть преподаватель, передающий знания студентам, сравнивается с садовником, который поливает цветы, чтобы они смогли вырасти. В Китае также популярна другая метафора – «老师是蜡烛·燃烧自己·照亮别人», которая переводится как «преподаватель – это свеча, сжигающая себя, чтобы осветить других». Другими единицами в слотах этого узла являются «班主任» (3), «爸爸» (2), «女人» (2), «朋友», «教师», «父母». Их можно перевести как «классный руководитель» (3), «папа» (2), «женщина» (2), «друг», «наставник», «родитель». Китайские респонденты, как и русские, использовали номинацию, обозначающую половую принадлежность преподавателя – «女人» («женщина»), однако она совпадает по частотности с лексемой «爸爸» («папа»). Мы думаем, что, с одной стороны, это объясняется тем, что среди преподавателей есть как мужчины, так и женщины. С другой стороны, поскольку это «папа», а не «мужчина», можно предположить, что преподаватель соотносится с фигурой отца, который заботится о студентах, как о своих детях. Поддерживает эту гипотезу и лексема «父母» («родитель»). Однако же нельзя исключать субъективный фактор: возможно, отцы этих респондентов действительно работают преподавателями (хотя это кажется нам менее вероятным, так как ответ не единичный). Если фрейм «Преподаватель» в русской языковой картине мира репрезентируют номинации с нейтральным значением, то для номинаций, полученных от китайских респондентов, характерна преобладающая оценочная и метафоричная составляющая.

Ответы респондентов показывают, что важной частью образа преподавателей является визуальная составляющая, поэтому следующий узел – «Внешность преподавателя».

Данный узел в русской языковой картине мира преимущественно представлен существительными, входящими в ЛСГ «Одежда»: «брючный костюм» (15), «брюки» (6) «юбка-карандаш» (3). Нетрудно обратить внимание на то, что самые частотные лексические единицы имеют сему «официальная одежда» в своем значении. Одним из атрибутов преподавателя являются «очки», данная лексема встречается 13 раз и лишь немного уступает по частотности «брючному костюму» (15). Отсутствие прилагательных в частеречном составе узла позволяет предположить, что для образа преподавателя важна не столько характеристика одежды (размер, цвет, фактура), сколько факт её официальности.

Во фрейме «Преподаватель», функционирующем в китайской языковой картине мира, едва ли можно выделить узел «Внешность преподавателя», так как он представлен всего одной лексической единицей «眼镜» («очки») с небольшой частотностью. Это позволяет говорить о

том, что в китайской языковой (а вслед за ней и в когнитивной) картине мира отсутствует некая «закрепленная» за преподавателем обязанность выглядеть официально.

На наш взгляд, отсутствие узла «Внешность преподавателя» во фрейме «Преподаватель» в китайской картине мира позволяет не только говорить об отсутствии каких-то жестких стереотипных требований к внешнему виду преподавателя, но и увидеть более глубокое различие двух реализаций фрейма «Преподаватель» в рассматриваемых культурах. В русском языковом сознании образ преподавателя имеет более предметное воплощение. Мы можем предположить, что в русском национальном сознании образ преподавателя закрепляется в виде собирательного образа человека, обладающего стереотипными чертами характера и внешности, местом работы и набором способностей и обязанностей. В китайском же языковом сознании этот образ скорее тяготеет не к собирательному человеческому образу, а к представлениям о профессии как таковой.

Подтверждает высказанное выше предположение и наличие узла **«Оценка профессии преподавателя»**. Данный узел функционирует только во фрейме, репрезентирующем китайскую языковую картину мира, и не представлен в русской языковой картине мира, что еще раз подчеркивает, что носители китайского языка склонны не только оценивать преподавателя как конкретного представителя профессии, но и давать оценку профессии как таковой, в то время как русские респонденты сосредоточены на преподавателе как на конкретном образе.

Как ни странно, в узле «Оценка профессии преподавателя» в китайской реализации фрейма «Преподаватель» функционируют две противопоставленные группы языковых единиц, демонстрирующие два совершенно разных взгляда на работу преподавателя. С одной стороны, частотны прилагательные с отрицательной коннотацией «累的» (5) и «辛勤的» (6), которые можно перевести как «изматывающая» и «требующая усердия». Мы можем сделать вывод, что профессия преподавателя оценивается как тяжелая, требующая больших усилий. С другой стороны, больше респондентов, которые придерживались иного мнения, о чём свидетельствуют прилагательные с позитивной коннотацией «轻松的» («легкая») (4), «好工作» («хорошая работа») (7), а также существительные с имплицитной положительной оценкой, например «梦想» («мечта») (2). Кроме того, встречается и прагматическая положительная оценка, потому что работа преподавателя ассоциируется с «编制» (5) («государственная работа») и «退休金» (5) («пенсия»). Считаем необходимым привести небольшую культуроведческую справку, чтобы подчеркнуть положительную коннотацию последних двух единиц. В Китае пенсия положена не всем пожилым людям, а лишь представителям определенных, чаще всего государственных, профессий, поэтому профессия, позволяющая получать пенсию, считается очень престижной в Китае. Именно таковой является профессия преподавателя. Анализ материала позволяет нам говорить о том, что профессия преподавателей положительно оценивается в китайской картине мира и даже ассоциируется с достатком.

«Оценка профессии преподавателя» не единственный уникальный узел. Так, во фрейме «Преподаватель» в русской языковой картине мира выявляется узел **«Взаимоотношения преподавателя и учащихся»**, включающий более мелкие узлы «Отношение учащихся к преподавателю», «Отношение преподавателя к учащимся» и собственно «Взаимоотношения преподавателя и учащихся».

Узел «Отношение учащихся к преподавателю» выделяем на основе того, что респонденты часто используют отглагольные существительные со значением «отношение к лицу или предмету». Наиболее часто русские участники опроса используют лексику «уважение» (4), на

этом основании можем сделать вывод, что в русской языковой картине мира закреплена необходимость почтительного отношения к преподавателю. Можно предположить, что такое отношение связано с тем, что в российской системе образования преподаватель стоит выше студентов, поскольку является своеобразным «передатчиком» знаний, а студент – их «получателем». Кроме того, вторым по частотности ответом является «авторитет» (3), что свидетельствует о том, что преподаватель обладает некой силой и престижем. Примечательно, что респонденты используют существительные, а не глаголы («уважать») или прилагательные («авторитетный»), из чего можно сделать вывод, что уважение к преподавателю и его авторитет – постоянные величины, не подлежащие изменению. Узел «Отношение преподавателя к учащимся» репрезентирует обратную сторону этого процесса. Респонденты склонны использовать отглагольные существительные «забота» (4) и «ответственность» (8), исходя из чего можно сделать вывод, что в русской языковой картине мира существуют закреплённые за преподавателем «обязанности» – информанты предполагают, что преподаватель должен нести ответственность за студентов, а также относиться к ним бережно.

Два представленных выше узла связаны с третьим – «Взаимоотношения преподавателя и учащихся». Ответы респондентов в рамках этого узла разделились на две группы и демонстрируют, что, по мнению русских информантов, статус преподавателя либо выше статуса студентов (о чем говорят существительные со значением процесса, состояния, такие как «субординация»), либо их статусы равны (лексемы «сотрудничество» «взаимодействие»). Во фрейме «Преподаватель» в китайской языковой картине мира отсутствуют показатели взаимоотношений, хотя и существуют узлы «Отношения», семантически совпадающие с узлами, рассмотренными выше. Мы предполагаем, что это говорит о большей дистанции между преподавателем и учащимися в китайской культуре, словно у них есть обязанности друг перед другом, но нет прямых взаимодействий (отношений).

Изучение языкового воплощения явлений помогает приблизиться к их образу в когнитивной картине мира как отдельного человека, так и целой национальной группы. Сравнение фрейма «Преподаватель» в русской и китайской языковых картинах мира позволяет не только увидеть различия в их языковом выражении (а значит, и в когнитивных структурах), но и найти общие черты. Отметим, что даже при семантическом сходстве узлов, представленных в рассматриваемых фреймах, их содержание может значительно различаться. Кроме того, именно сопоставление двух репрезентаций фрейма «Преподаватель» позволяет яснее увидеть своеобразие и уникальность каждой из представленных языковых картин мира.

Список литературы

1. Джигарханов А.Р. Фреймово-тезаурусная характеристика системы железнодорожной терминологии // Молодежное приложение к журналу «Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета». 2004. Вып. 3. С. 22–41.
2. Гусельникова О.В. Терминологический аппарат структуры фрейма // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 9. С. 137–149. EDN: MWJXWV
3. Кибрик А.А. О некоторых видах знаний в модели естественного диалога // Вопросы языкознания. 1991. Вып. 1. С. 61–68.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 347 с.

5. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.

6. Никитина Л.Б. Языковая картина мира и основные черты языковой концептуализации действительности // Картина мира: язык, литература, культура: сборник научных статей. 2006. Вып. 2. С. 42–46

7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ «Восток-запад», 2007. 314 с.

References

1. Dzhigarkhanov A.R. Frame-Thesaurus Characterisation of the Railway Terminology System. *Pyatigorsk State University Bulletin. Youth Edition*, 2004, no. 3, pp. 22–41. (In Russ.).

2. Guseynikova O.V. Frame Structure Terminology. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2010, no. 9, pp. 137–149. (In Russ.).

3. Kibrik A.A. On Some Types of Knowledge in the Natural Dialogue Model. *Topics in the Study of Language*, 1991, no. 10, pp. 61–68. (In Russ.).

4. Kornilov O.A. Language Pictures of the World as Derivatives of National Mentalities. Moscow, CheRo Publ., 2003. 347 p. (In Russ.).

5. Minskii M. A Framework for Representing Knowledge. Moscow, Energiya Publ., 1979. 152 p. (In Russ.).

6. Nikitina L.B. Linguistic Picture of the World and the Main Features of Linguistic Conceptualisation of Reality. *Kartina mira: yazyk, literatura, kul'tura: a collection of scientific articles*, 2006, no. 2, pp. 42–46. (In Russ.).

7. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive Linguistics. Moscow, AST East-West Publ., 2007. 314 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 02.01.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 10.01.2024

Принята к публикации / Accepted 08.02.2024

Перевод и комментарии

УДК 93

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/103-113>

Новые страницы из жизни вице-адмирала Г.Ф. Эрдмана

(перевод с немецкого языка)

Людмила Евгеньевна Корнилова

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии, kornilova.le@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6913-0899>

Аннотация. Данная работа представляет собой комментированный перевод воспоминаний Э.Ю. Эрдман о первом командире первой подводной лодки в России и одном из первых военных губернаторов Приморской области Восточной Сибири – Г.Ф. Эрдмане, приложившем немало сил и энергии для развития Владивостока и повышения его обороноспособности, в результате чего Владивосток стал главным портом Восточной Сибири. Рассказ о Г.Ф. Эрдмане, его окружении и семье реконструирует образ человека несокрушимой воли и неукротимой энергии, смелого и решительного, отдавшего много лет служению Отечеству и военно-морскому флоту России. Воспоминания о его жене дополняют исторический план деталями частной жизни, рисуя панорамную картину прошлого.

Ключевые слова: воспоминания, комментарии, перевод, история, Владивосток, вице-адмирал Густав Федорович Эрдман, Эммелина Юльевна Эрдман

Для цитирования: Корнилова Л.Е. Новые страницы из жизни вице-адмирала Г.Ф. Эрдмана: перевод с немецкого языка // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 103–113.

Translation with Translator's Comments

New Pages from the Life of Vice-Admiral G.F. Erdmann

(Translated from German into Russian)

Liudmila E. Kornilova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,

Professor of the Department of Roman and German Philology,

kornilova.le@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6913-0899>

Abstract. This work is a commented translation of E.Y. Erdman's memoirs about the first commander of the first submarine in Russia and one of the first military governors of the Primorsky Region of Eastern Siberia, G.F. Erdman, who put a lot of effort and energy into developing the city

of Vladivostok and increasing its defense capability, as a result of which Vladivostok became the main port of Eastern Siberia. The story about G.F. Erdman, his entourage and family reconstructs the image of a man of indomitable will and energy, brave and determined, who gave many years to serve the Fatherland and the Navy. Memories of his wife complement the historical plan with details of private life, painting a panoramic picture of the past.

Key words: memoirs, comments, translation, history, Vladivostok, vice-admiral Gustav Wilhelm von Erdmann, Emmeline von Erdmann

For citation: Kornilova L.E. New Pages from the Life of Vice-Admiral G.F. Erdmann (Translated from German into Russian). *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 103–113. (In Russ.).

Предлагаемая работа посвящена вице-адмиралу Густаву Федоровичу Эрдману, главному командиру портов Восточного океана и военному губернатору Приморской области Восточной Сибири в 1875–1880 годах. Перевод воспоминаний внучки вице-адмирала Эрдмана позволит читателям заглянуть в прошлое и открыть неизвестные страницы жизни этого удивительного человека. Жанр воспоминаний обладает особым субъективным характером, и 35 страниц рукописного текста подкупают своей искренностью и любовью к людям, о которых пишет Адельхейд фон Эрдман, внучка вице-адмирала. Ей удалось передать дух и атмосферу тех лет и событий, а также настроение и характеры близких и родных ей людей. Воспоминания обладают бесспорной художественной ценностью; в них возникают лирические летние пейзажи, описания уютных вечеров в кругу семьи и друзей, звуки музыки в летних сумерках, отмеченные психологизмом портреты членов семьи и семейные истории, и образ талантливого и энергичного первого губернатора Приморской области и Восточной Сибири.

Правнук вице-адмирала, профессор Эларт фон Коллани (Elart von Collani), передал воспоминания Музею истории Дальнего Востока имени Арсеньева. Профессор Эларт фон Коллани (01.04.1944, Лодзь, Польша – 25.02.2017, Вюрцбург, Германия) был всемирно известным немецким математиком, преподавателем инженерного дела, автором научных статей и книг, преподавателем математики и статистики в Вюрцбургском университете, приглашенным профессором во многих университетах, философом. Родители Эларта – Тассило (Tassilo) и Адельхейд фон Коллани (Adelheid von Collani), урожденная фон Эрдман. Полковник Тассило происходил из старинной прусской офицерской семьи, Адельхейд фон Эрдман, доктор исторических наук, была прибалтийской немкой, дочерью Артура фон Эрдмана, сына Г.Ф. Эрдмана. До войны семья жила в Польше, в городе Бедльно, а затем в городе Вартегау. Эларту в это время было 9 месяцев. После окончания учебы в университете Эларт фон Коллани жил и работал в Вюрцбурге (Германия) [8]. Единственной информацией о визите профессора Эларта фон Коллани во Владивосток является статья О. Крутовой «Правнук-статист» в газете «Ежедневные новости» от 8 сентября 2000 года. Профессор Коллани посетил Владивосток по приглашению принять участие в 25-й Дальневосточной математической школе-конференции имени академика Е.В. Золотова. Из переписки с профессором теологии Клаудией фон Коллани, женой Эларта фон Колани, стало известно, что у Г.Ф. Эрдмана и его второй жены Эммелины Юльевны был единственный сын Артур, у которого было трое детей: Адельхейд, Александр и Кира. Именно Адельхейд, а позже её сын Эларт занимались историей семьи.

В данном вступлении мы обратились к автобиографической информации о вице-адмирале Эрдмане из Русского биографического словаря, изданного в 1912 году Императорским Русским Историческим Обществом, переведенной Адельхейд фон Эрдман на немецкий язык [7, с. 271–272]. Эта информация дополнена фактами из других источников.

Родился Густав Федорович Эрдман 29 декабря 1818 года в дворянской семье в г. Дерпт¹ Лифляндской губернии². После окончания Морского кадетского корпуса 23 декабря 1836 года Эрдман был произведен в мичманы и в течение следующих 15 лет продолжил службу в Балтийском и Северном морях на кораблях «Святой Георгий Победоносец», «Император Петр I», на корвете «Наварин», кораблях «Россия», «Лефорт». 19 апреля 1842 года Густав Федорович был произведен в лейтенанты, 6 декабря 1852 г. – в капитан-лейтенанты. В этом звании в 1854 году он принял командование пароходом «Ижора», на котором два года ходил между Петербургом и Кронштадтом.

До 1861 года Эрдман командовал почтовым кораблем «Владимир», поддерживавшим связь между Кронштадтом и Штеттином³. В этом же году Эрдман был произведен в капитаны 2-го ранга. В следующем году он был уволен для службы на коммерческих судах. Получив в управление одну из главных нижегородских контор почтово-пароходного общества «Самолет», он прослужил в этой должности около 4 лет. Первого января 1864 года Эрдман был произведен в капитаны 1-го ранга.

Зачисленный 21 апреля 1866 года вновь на действительную службу в четвертый флотский экипаж, он принял тогда же командование подводной лодкой Александровского (первой подводной лодкой в России) и первым решился на ней спуститься, причем пробыл под водой 18 часов. Экипаж состоял из 22 человек: 6 офицеров, включая командира, и 15 унтер-офицеров (матросы набирались из добровольцев). 14 сентября 1866 года подводная лодка была осмотрена в Кронштадте императором Александром II, и в его присутствии лодка погрузилась и прошла некоторое расстояние под водой [2, с. 23]. После почти трехлетнего командования этой подводной лодкой Густав Федорович Эрдман в 1868 году был назначен командиром винтовой канонерской лодки «Дождь». В следующем году Эрдман стал капитаном 1-го флотского Его Императорского Высочества генерал-адмирала экипажа. Первого января 1872 года он был произведен в контр-адмиралы, и в этой должности командовал отрядом броненосных судов в Балтийском море до середины 1875 года.

1875 год внес большие перемены в жизнь Владивостока, и связаны они во многом со вступлением контр-адмирала Густава Федоровича Эрдмана в должность главного командира портов Восточного океана и военного губернатора Приморской области Восточной Сибири. Произошло это событие 7 июля 1875 года. Прибыв на новое место службы, Эрдман первым делом осмотрел все подведомственные ему порты. Во время этой ревизии он оценил огромное значение Владивостокского порта и стал хлопотать о том, чтобы во Владивосток был перенесен главный порт. Его хлопоты увенчались успехом: Владивосток стал главным портом Восточной Сибири и на долю Эрдмана выпала нелёгкая задача укрепить и вооружить новый порт. Контр-адмирал Эрдман блестяще справился со своей нелёгкой задачей, особенно в отношении

¹ Сегодня это эстонский город Тарту. – Здесь и далее, если специально не оговорено, примечания автора публикации (Л.К.).

² Одна из губерний Российской империи. После февральской революции 1917 г. часть уездов отошла Эстонии, а позднее оставшиеся уезды этой губернии вошли в состав Латвийской Республики.

³ Город Штеттин принадлежал Пруссии, после 1945 года город перешел под контроль Польши и переименован в город Щецин.

укрепления Владивостока, и в конце 1878 года мог уже смело ожидать каких угодно неприятелей. За эти заслуги он был награжден орденами св. Станислава и св. Анны 1-й степени.

Контр-адмирал Эрдман вошел в историю Приморья не только как военный руководитель. Густав Федорович уделял много внимания проведению гидрографических работ у побережья русского Дальнего Востока [2, с. 24]. Именно при нем стала действовать первая Владивостокская Дума. По приказу военного губернатора Густава Федоровича Эрдмана 21 ноября 1875 года прошли первые выборы 30 гласных (депутатов) в городскую Думу, а 30 ноября состоялось ее первое заседание. Открытие городской Думы послужило импульсом к социально-экономическому развитию Владивостока и приобщению жителей города к гражданской жизни. На собрании 165 жителей, имеющих право голоса, избрали гласных в городскую Думу и городского голову. Доверие единогласно было оказано Михаилу Кузьмичу Федорову. 30 ноября (по новому стилю – 12 декабря) 1875 года состоялось первое заседание Владивостокской городской Думы [1]. В годы губернаторства Эрдмана разработан первый герб Приморской области Восточной Сибири [6, с. 75]. Густав Федорович постоянно вникал в гражданские проблемы растущего города, оказывал первому голове Михаилу Кузьмичу Федорову всяческое содействие. По его инициативе было образовано первое на Дальнем Востоке благотворительное общество, которое возглавила его супруга Эммелина Юльевна [2, с. 24]. Супруга военного губернатора была почетной попечительницей школ и пансиона [3].

Работая над укреплением Владивостока, Эрдман посещал другие порты Восточной Сибири под своим флагом на корвете «Америка», клипере «Абрек», лодке «Горностаи» и шхуне «Тунгус».

9 июня 1880 года Эрдман был назначен командиром Ревельского порта и вернулся из Восточной Сибири, но новую должность занимал недолго. Расстроенное здоровье вынудило его в январе 1883 года просить об отставке. Его просьба была удовлетворена, и 31 января 1883 года он был произведен в вице-адмиралы с последующим увольнением со службы. Однако это производство не застало его в живых. Он скончался в Ревеле 28 января 1883 года, на 65 году жизни.

Свободное от службы время Густав Федорович Эрдман посвящал научно-техническим сочинениям. В «Морском Сборнике» размещены его статьи: «Временной тросовой руль американского шкипера «Сантона» (1853 г.) и «Новые сведения о гидравлическом двигателе Рутвена» (1858 г.). Его именем были названы остров в бухте Провидения и полуостров в Амурском заливе (сегодня это полуостров Де-Фриз) [5, с. 262].

Густав Федорович Эрдман отдал много лет и сил служению Отечеству и военно-морскому флоту, развитию и укреплению Владивостока и Приморского края. В воспоминаниях Адельхейд фон Эрдман возникает образ этого неординарного человека.

Адельхейд фон Эрдман

Мои дедушка и бабушка. Густав и Эммелина фон Эрдман

Вице-адмирал Густав Вильгельм фон Эрдман

(29.12.1818 – 28.01.1883)

Лето в Прибалтике короткое, но чудесное. Июнь, июль и август были всегда теплыми. Небо каждый день ослепительно голубое. Лишь изредка бушевала гроза, сверкала молния, гремел гром, теплый дождь лил стеной, освежая леса и поля, и вскоре яркий солнечный свет вновь озарял землю.

В прошлом столетии в крупных прибалтийских имениях летние дни были особенно красивы и безмятежны. Это было время, когда казалось, что почти все на земле основательно налажено, люди еще не знали того внутреннего страха, что слишком часто охватывает нас сегодня.

Летом 1872 года в большой усадьбе барона Карла фон Хойнигена-Гюне¹ в Палласе (Эстония), как обычно в это время года, было много гостей. Хозяева дома были всегда рады принимать у себя многочисленных родственников. Днем гости совершали прогулку верхом, играли в крокет и теннис, читали и беседовали, собирали в лесу чудесные белые грибы (боровики) или ездили купаться. Вечером собирались в зале, пели и танцевали. Иногда талантливая кузина устраивала небольшой концерт, и тогда через широко распахнутые окна большого зала искрометные звуки сонаты или мазурки Бетховена и Шопена вторгались в тихую, светлую, благоухающую ночь. Как это часто бывало летом, одним из почетных гостей Гюне был адмирал фон Эрдман, чья дочь Адельхейд от первого брака была замужем за близким родственником Гюне, бароном Отто Буксгевденом² (мать Отто Б. – урожденная Гюне).

Адмирал был высоким и статным. В его светлых волосах еще не было и намека на седину. В 54 года он был самым молодым адмиралом российского флота, и ему пророчили блестящую карьеру. Густав Вильгельм фон Эрдман овдовел 7 лет назад. Его жена, урожденная баронесса Вильгельмина фон Унгерн-Штернберг, умерла в 1865 году. Трое его детей уже выросли: Анна была замужем за перспективным морским офицером гугенотского происхождения – капитаном первого ранга Де Ливроном³. Адельхейд была женой вышеупомянутого барона Отто Буксгевдена, Александр был поручиком казачьего полка⁴.

Во время оживленных застольных бесед адмирал, чье место всегда было рядом с хозяйкой, часто обращался к фройляйн фон Белендорф, сидевшей немного дальше. Когда она отвечала ему в своей оживленной и остроумной манере, его стального цвета глаза порой весело сверкали из-под густых бровей. Эмелина (Эмми) фон Белендорф уже два года работала в доме Гюне гувернанткой. По меркам того времени она была уже немолода, лет тридцати, и не особенно красива, но привлекательна: стройна как березка, с безупречным молочно-белым цветом лица и огненно-рыжими волосами, доставшимися ей в наследство от отца, доктора Юлиуса фон Белендорфа. К лету 1872 года его не было в живых уже четыре года. Будучи главным врачом военного госпиталя в Ревеле, он заразился тифом и умер через несколько дней. После его смерти остались вдова Розали фон Белендорф и шестеро детей, четверо старших были уже взрослыми. Эмми любила бывать у Гюне. Она могла бы уже дважды выйти замуж, но отказала женихам. Как и у двух других сестер, у нее были высокие требования, и она не хотела выходить замуж только ради обеспечения материального благосостояния, престижа и социального статуса. Гордость, чувство собственного достоинства, порой даже высокомерие, а также огромная жажда жизни, энергичность и жизнерадостность – вот неотъемлемые черты этой молодой женщины, которую 54-летний адмирал встретил тем летом и полюбил.

¹ Карл фон Хойнинген-Гюне – германский политический деятель. Хойнинген-Гюне – прибалтийский баронский род.

² Барон Отто Оттович Буксгевден (Otto Balthasar Freiherr von Buxhoeveden) (1839–1907гг.) – российский правовед, тайный советник.

³ Брак был бездетным. Де Ливрон стал адмиралом. Он умер вместе с женой от голода в Петербурге в 1919–1920 гг. – Прим. автора воспоминаний.

⁴ Примерно в 1910 г. генерал Александр Эрдман, его русская жена и трое детей убиты коммунистами. – Прим. автора воспоминаний.

Когда отпуск подошел к концу, он, к полному изумлению Эмми, сделал ей предложение. Она всегда умела отвечать быстро и уместно, но здесь не могла найти слов и лишь молча смотрела на адмирала. (Эту ситуацию она описала мне сама). Адмирал слегка улыбнулся, поцеловал ей руку и успокаивающим тоном сказал, что с ответом можно подождать. Он вернется в Паллас через две недели, и к тому времени она будет уверена в своем решении. С этими словами он покинул ее и в тот же день вернулся в Кронштадт.

Эмми же пошла в свою комнату и написала длинное письмо матери в Ревель¹. В нем она поведала, что очень взволнована, польщена и растеряна. Она спрашивала мать, как ей поступить. Та ответила мудро и обстоятельно, написав, что не пылкая любовь является необходимым условием хорошего брака, а, пожалуй, взаимное уважение и симпатия, взаимопонимание и, главное, большое желание приспособиться к мужу. И, если дочь всерьез это чувствует, она советует ей принять предложение.

И действительно, брак оказался очень счастливым. «Невозможно не любить такого благородного, нравственного и доброго человека, как “мой Густав”», – заявила однажды бабушка. После десяти лет брака у него случился тяжелый сердечный приступ, и незадолго до смерти, взяв руки Эмми в свои, он произнес: «Годы, проведенные с тобой, были самыми счастливыми в моей жизни».

Свадьба состоялась 5 января 1873 года в городе Ревеле. Анна и Александр Эрдман быстро свыклись с тем, что отец женится во второй раз, и с самого начала поддерживали хорошие отношения с молодой мачехой, в то время как его дочь Адельхейд была убита горем. Она была привязана к отцу и относилась к нему с пылкой любовью и обожанием. Его женитьба казалась ей страшным несчастьем, постигшим ее. Бабушка рассказывала мне, как они обедали за празднично накрытым свадебным столом в окружении многочисленных гостей и взгляд ее упал на Адельхейд: та сидела прямо, а по ее щекам безостановочно текли слезы.

В пользу бабушки говорит то, что ей удалось довольно быстро расположить к себе Адельхейд. Более того, молодые женщины не только пришли к полному взаимопониманию, но вскоре стали лучшими подругами. Они писали друг другу каждую неделю, до самой смерти Адельхейд. В бабушкином письменном столе лежали большие пачки писем Адельхейд – она не могла решиться выбросить их.

Молодая «адмиральша» быстро освоилась с новой ролью и положением. «Когда я вышла замуж – сказала она мне однажды, – я сразу стала Вашим Превосходительством!» Она во многом соответствовала новому положению: знание языков (немецкого, русского, эстонского, французского, английского), самообладание, удовольствие от выполнения своей роли и уверенность в себе. В первую очередь, у Эмми был, по словам моей мамы, ее невестки, «талант идеального собеседника»: она могла оживленно говорить с любым человеком, богатым или бедным, молодым или пожилым, она помогала каждому преодолеть скованность и почувствовать себя свободно. Всем, с кем она общалась, казалось, будто она проявляет к ним особый интерес и понимает их. Я и сама смогла это почувствовать. В последние годы своей жизни бабушка жила с нами. Ей было уже за восемьдесят, и к тому времени она ослепла, но никогда не признавала этого.

В то время наши хорошие знакомые, датско-немецкая семья фон Хольтен-Бехтольсхайм, переезжали из Риги в Копенгаген. Но они не хотели брать двух старших сыновей –

¹ Сегодня это столица Эстонии Таллин.

шестнадцатилетнего Стена и семнадцатилетнего Джей Би с собой до окончания учебного года. Госпожа фон Хольтен попросила мою мать взять мальчиков к нам на несколько месяцев, и она согласилась. В скором времени Стен чувствовал себя у нас как дома. Джей Би, напротив, был напуган, замкнут и молчалив. Он не хотел ни с кем разговаривать. Единственной, кому удалось помочь Джей Би раскрыться, была моя бабушка. Старой слепой женщине удалось самым неподражаемым способом заставить мальчика, обычно замкнутого, с удовольствием рассказывать ей о школе, учителях, смеяться, и он казался совершенно раскрепощенным.

После почти двух лет пребывания в Кронштадте, важнейшем русском порту военно-морского флота, Густав фон Эрдман был назначен главным командиром портов Восточного океана и военным губернатором Приморской области Восточной Сибири. Это была важная, почетная и трудная задача, ее решение он взял на себя.

Прибыв на новое место службы, Эрдман первым делом осмотрел все подведомственные ему порты, познакомился с их типами, местоположением и возможностями. В результате проведенной ревизии он предложил правительству перенести главный военно-морской порт и резиденцию губернатора во Владивосток (название которого переводится как «владей Востоком»). Все его планы были одобрены и выделены необходимые средства для их воплощения. Дедушка за несколько лет не только расширил, застроил и укрепил порт Владивостока, сделав город самой важной военно-морской базой на Дальнем Востоке, но и заложил фундамент для дальнейшего развития всей Приморской области Восточной Сибири. Его также заботило расширение других портов и развитие внутренних районов, значение которых быстро возрастало благодаря открытию крупных золотых приисков.

Однажды бабушка, будучи супругой губернатора, торжественно открывала новый золотой прииск и под всеобщее ликование показала большой золотой самородок, бывший, конечно, подготовленным заранее. Из этого золота бабушке на заказ сделали две замечательные сахарницы. Позже, после Октябрьской революции, потеряв свое состояние и пенсию, она была вынуждена постепенно распродавать драгоценности и шелка, чтобы выжить, однако уберегла две золотые сахарницы, оставшиеся в наследство моим родителям. В 1945 году, когда нам пришлось бежать из Вартегау (Польша) от наступающей Красной Армии, бабушкины золотые сахарницы были навсегда утеряны вместе с остальным нашим имуществом.

Во Владивостоке дедушка жил в построенном для него красивом, большом и светлом доме. До нашего побега в 1945 году гостиную дома в польском городе Бедльно украшала картина с изображением этого губернаторского дворца с матросским караулом перед ним.

*Эмелина фон Эрдман, урожденная фон Белендорф
(08.07.1842–17.03.1931)*

Для моей бабушки жизнь во Владивостоке была интересной и насыщенной, для моего дедушки – плодотворной и благополучной, и для них обоих – очень счастливой. На территории, превосходящей по площади Федеративную Республику Германию более чем в два раза, ему приходилось принимать важные решения, она же была Первой дамой. 31 октября 1873 года у них родился первый ребенок, мой отец, его окрестили Артуром. Он был красивым, здоровым, и, как вскоре обнаружилось, активным и сообразительным ребенком, кареглазым и темноволосым. Он был похож на свою тетю Альму Белендорф, она же похожа на свою маму Розали. Двумя годами позже родился светловолосый, голубоглазый мальчик Густав, родители потеряли его из-за дифтерии в младенческом возрасте.

Во Владивостоке моя бабушка не только вела домашнее хозяйство, у нее, как у жены военного губернатора, было много других обязанностей. Но для нее их никогда не было слишком много. Она умела не только подыскивать слуг и управлять ими, но и открывать выставки и освящать корабли. С особой любовью она вспоминает визит во Владивосток большого немецкого военного корабля. Им командовал адмирал принц Генрих, брат германского кайзера¹. Бабушка и дедушка устроили в его честь большой прием. На приеме принц, наградивший дедушку почетным немецким орденом, сидел, конечно, рядом с моей бабушкой и осыпал ее комплиментами, о чем она рассказывала с довольной улыбкой.

После того, как Эмми Белендорф удачно вышла замуж, она пригласила обеих своих незамужних сестер к себе. В то время во Владивосток приехала только тетя Лиза. Тетя Альма не могла оставить их маму и только после ее смерти переехала к моей бабушке. Тетю Альму я не знала, однако тетю Лизу знала очень хорошо. Она была очень стройная, приятной внешности и такая же рыжеволосая, как моя бабушка, только голубоглазая. Я ее очень любила, хотя она выглядела несколько строгой. Временами она могла быть довольно язвительной, что приводило моего отца в восторг. Однажды она сказала ему (к тому времени он уже был председателем суда): «Когда ты родился, мы назвали тебя Артуром, как моего умного братишку. Ну, ты не совсем глупый, но все же изрядный дурень». Это высказывание мой отец, обладавший прекрасным чувством юмора, рассказывал нам много раз и веселился при этом. Ему даже в голову не приходило обижаться.

В другой раз, придя к ним в гости, отец начал прощаться немного раньше обычного. «Почему ты так рано уходишь?» – спросила тётя Лиза, любившая его, как сына. Отец ответил, что хочет пойти в парикмахерскую. «Зачем это? – спросила тётя Лиза. – Никто не смотрит на тебя, бесполезного человека!» Отец никогда не переставал восхищаться этим изречением; оно стало в нашей семье крылатым выражением.

Но вернёмся во Владивосток. В 1880 году работа адмирала на Дальнем Востоке была внезапно прекращена. К сожалению, я большей частью забыла подробности, о каких в свое время упоминал отец. Речь шла о том, что мой дед считал распоряжения брата царя неправильными и отказался их выполнять. По этой причине министр морских сил перевел его в Европу² и назначил командиром Ревельского порта. Этот конфликт и его исход глубоко потрясли моего деда, и в 1882 году он попросил об отставке по состоянию здоровья. Прежде чем было принято окончательное решение, Густав фон Эрдман скончался от сердечного приступа в январе 1883 года.

Памятью о моем дедушке и о проведенном им во Владивостоке времени был самовар – прощальный подарок офицеров. Это были большой самовар из серебра высшей пробы и тяжелый, прекрасно выполненный, продолговатый поднос. Он всегда стоял в столовой, когда у нас были гости и нужно было много горячей воды. Моя мама наливала воду из серебряного самовара, а заварку – из чайника для заваривания чая, который, конечно же, был в комплекте с самоваром. Этот самовар до того, как мы его потеряли в 1945 году, спасла наша кухарка Лиза из Орла. Лиза была литовкой и сначала работала у нас няней. Позже она стала кухаркой у моих родителей. В 1919 году она на свой страх и риск бежала из Орла и, в конце концов, добралась

¹ Принц Генрих Альберт Вильгельм, принц Прусский, действительно посетил Владивосток во время морского кругосветного путешествия, но в качестве стажера, а не командующего.

² В то время Европой в России называли Европейскую часть России.

до Шампетра¹ со старым мешком в качестве единственного багажа. Вместо того, чтобы взять собственные вещи, она завернула самовар в свой мешок с одеждой и привезла его к нам через 1000 км, через границу и через все пункты контроля.

Смерть своего любимого Густава Эмми фон Эрдман, или «адмиральша», как ее называли в Риге, переживала тяжело. После некоторых колебаний она решила не давать сыну Артуру (1873–1934) провинциальное балтийское образование в Ревеле, а отправить его учиться на юридический факультет в Петербург. Помимо Императорского кадетского и морского корпусов там было и Императорское училище правоведения – 3-е привилегированное императорское учебное заведение России, учиться в котором могли только сыновья знати и государственных чиновников. Педагоги имели высокую квалификацию, а выпускники юридических факультетов, прошедшие обучение как в школе права, так и в университете, также считались высококвалифицированными специалистами.

Бабушка получала большую пенсию, Артур приезжал домой только на каникулы, и по истечении двух лет после смерти бабушки она начала исполнять свои детские и юношеские мечты: она много путешествовала в сопровождении одной или обеих сестер, посещая Германию, Францию, Италию, и даже Египет. Когда мы навещали их, тетя Лиза всегда приносила один из больших альбомов. Все они были заполнены фотографиями, рисунками, открытками, стихами, небольшими описаниями каждой поездки. Мне всегда хотелось рассматривать альбом «Египет», потому что я находила ошеломляющим то, что бабушка так далеко путешествовала. После того, как мой отец окончил юридический факультет и уехал на Дальний Восток в качестве аудитора (прокурора) военно-морского флота, моя бабушка оставила свою квартиру в Ревеле и переехала в Ригу. Здесь она жила на Гертрудштрассе в большой уютной квартире с тетей Лизой и прислугой: кухаркой и горничной.

После революции, лишившей ее всех доходов, она переехала в четырехкомнатную квартиру на Ганзаштрассе, где мы навещали ее бесчисленное количество раз: мой отец – регулярно каждое воскресенье утром, моя мать по четвергам днем. Затем к двум пожилым дамам приходил дядя Артур (ее брат); после кофе они играли в вист. Однажды, когда я тоже навещала бабушку и мне было позволено сидеть рядом с ней и наблюдать за ее игрой, я была удивлена, так как она не использовала свои хорошие трефы: «Почему ты не сказала «Треф»?» – спросила я ее после игры. «Ах, – ответила бабушка – я не использую в игре такой вульгарный цвет!» Я уже упоминала, что по нынешним понятиям она была несколько надменной. Однажды днем, когда мои родители попрощались с ней немного раньше обычного, потому что были приглашены на обед к Менцендорфам², бабушка, искренне ужаснувшись и весьма изумившись, спросила: «Что вы говорите? Вы общаетесь с торговцами?» Но было бы неправильно и глупо пытаться судить бабушку по сегодняшним меркам.

Детьми я и мой брат приходили к бабушке, целовали ей и тете Лизе руку, а они нас обнимали, после чего мы должны были садиться на диван и рассказывать о том, что нового мы узнали в школе. После этого она доставала для нас плитку шоколада из зеркального шкафа. Мы находили это прекрасным, потому что тогда дети не были так избалованы, как сейчас, и целую плитку шоколада давали обычно только в день рождения. В 80-летнем возрасте бабушка упала на льду и сломала шейку бедра. После этого она больше не выходила на улицу,

¹ Мыза Шампетр – усадьба в Петербурге.

² Менцендорфы были старинной, высококультурной рижской патрицианской семьей.

но благодаря неиссякаемой энергии она поправилась и снова смогла нормально ходить. Она практиковалась в ходьбе, опираясь на трость, и неустанно обходила большой обеденный стол.

Когда тетя Лиза умерла, бабушка переехала к нам. Ей достался папин кабинет. Она ослепла, поэтому мои родители наняли фрейлейн Козловскую в качестве сиделки. Козловская была очень маленького роста, поэтому носила туфли на очень высоком каблуке и укладывала свои черные волосы в смешную высокую прическу. Перед бабушкой она делала реверанс и обращалась к ней «Ваше Превосходительство». Она помогала бабушке умыться, одеться и затем приводила бабушкину комнату в порядок. В это время бабушка завтракала, затем шла в зал, так у нас называли большую гостиную. Здесь моя мама садилась рядом с ней и читала проповедь дня, после чего бабушка произносила короткую молитву. Затем она оживлённо обращалась к маме со словами: «А теперь расскажи мне о своих планах на сегодняшний день!»

Моя мама, раньше никогда не составлявшая планов на день, быстро привыкла к этому, даже когда бабушки уже давно не было в живых, она продолжала планировать свой день каждое утро. По нескольку часов в день Козловская читала бабушке вслух – в основном описания путешествий и биографии, редко романы. Оставаясь одна, бабушка тихо читала наизусть стихи или хоралы. Память у неё оставалась отличной до самой смерти. 17 марта 1931 года она не захотела вставать утром и вскоре отослала Козловскую. Она сказала, что очень устала. Когда я заглянула к ней около полудня, она лежала неподвижно, уткнувшись в подушки, как будто спала, но уже не дышала.

Список литературы

1. Вехи Думы Владивостока: как возник и как менялся представительный орган города. История и современность гордумы – в именах и документах. 30.11.2017. URL: <https://primamedia.ru/news/476190/> (дата обращения: 09.02.2024).
2. *Галутва И.Г.* Пионеры подводного плавания России // Материалы 59-й Всероссийской научной конф. Том V. Проблемы тактики военно-морского флота, военной истории, геополитики и военно-морской географии: сб. науч. ст. Владивосток: ТОВМУ им. С.О. Макарова, 2016. С. 20–45.
3. *Дыбовский Б.* О Сибири и Камчатке. Часть I. Путешествие из Варшавы на Камчатку / пер. с польского А. Бортновский; вступ. ст. А. Смутьчинска. Вятка (Киров): О-Краткое, 2021. 504 с.
4. *Зонн И.С.* Японское море. Энциклопедия. М.: Международные отношения, 2009. 424 с.
5. Казаки в освоении Дальнего Востока: [фотоальбом] автор проекта и редактор-составитель В.В. Крюков. Изд. 2-е, испр. и доп. Хабаровск: Редакционно-издательское агентство «Юпитер», 2018. 428 с.
6. *Меринов Ю.Н.* От генерал-губернатора... до губернатора. 1847–2008: биограф. очерки. Владивосток: Русский Остров, 2008. 240 с.
7. Эрдман Г.Ф. // Русский Биографический словарь, издаваемый Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Том 24. С.-Петербургъ: Типографія Главного Управленія Уделовъ, 1912. С. 271–272. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/0aa/24.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).
8. Biographie von Elart von Collani. URL: <https://www.stochastikon.com/seite/535216/elart-von-collani.html> (дата обращения: 02.02.2024).

References

1. Milestones of Vladivostok Duma: How the Representative Body Appeared and How It Changed. History and Present Times of the City Duma – Names and Documents. 30.11.2017. URL: <https://primamedia.ru/news/476190/> (accessed: 09.02.2024). (In Russ.).
2. Galutva I.G. Pioneers of Russian Submarine Navigation. *Proceedings of the 59-th Russian Scientific Conference. Vol. V. Aspects of Navy Tactics, Military History, Geopolitics and Navy Geography. Scientific Articles Collection*. Vladivostok, Publishing House of the Makarov Pacific Higher Naval School, 2016. P. 20–45. (In Russ.).
3. Dybovskii B. About Siberia and Kamchatka. Part I. Journey from Warsaw to Kamchatka / transl. from Polish, introduction by A. Smul'chinska. Vyatka (Kirov), O-Kratkoe LLC, 2021. 504 p. (In Russ.).
4. Sonn I.S. The Sea of Japan. Encyclopedia. Moscow, International Relations Publishing House, 2009. 424 p. (In Russ.).
5. Cossacks by the Exploration of the Russian Far East: [photo album] project owner and contributing editor V.V. Kryukov. 2nd ed., add. Khabarovsk: Publishing House “Jupoter”, 2018. 428 p. (In Russ.).
6. Merinov Yu. N. From General Governor...to Governor. 1847–2008: biogr. essays. Vladivostok, Russkii Ostrov, 2008. 240 p. (In Russ.).
7. Erdmann G.F. // *Russian Biographical Dictionary*. Published by the Imperial Russian Historical Society. Vol. 24. Saint-Petersburg, Publishing House “Tipografiya glavnogo upravleniya udelov”, 1912. 271–272. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/0aa/24.pdf> (accessed: 20.12.2023). (In Russ.).
8. Biography of Elart von Collani. URL: <https://www.stochastikon.com/seite/535216/elart-von-collani.html> (accessed: 02.02.2024). (In Germ.).

Статья поступила в редакцию / Received 04.04.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 06.04.2024

Принята к публикации / Accepted 09.04.2024

Научная статья

УДК 811.111

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/114-124>

Проблемы восприятия речи с признаками иноязычного акцента в современной англоязычной коммуникации

Анастасия Эдуардовна Брезгина¹

Научный руководитель: Виктория Львовна Завьялова²

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ Бакалавр, brezgina.ae@dvfu.ru

² Доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики
и межкультурной коммуникации, zavyalova.vl@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам восприятия речи с признаками иноязычного акцента в современной англоязычной коммуникации. Рассматриваются теоретические аспекты типологии иноязычного акцента и потенциальные трудности восприятия. Приводится описание хода подготовки и проведения эксперимента на слуховое восприятие восточноазиатского и европейского типов акцента в английской речи русскоязычными и иностранными студентами. Результаты свидетельствуют о том, что типология акцентных явлений в английской речи билингвов по укрупнённым региональным стандартам объективно воспринимается участниками перцептивного эксперимента, в то время как установление национальной принадлежности внутри данных стандартов может быть затруднено. Близость собственного акцента в речи на неродном языке воспринимающему способствует успешности коммуникации.

Ключевые слова: английский язык, типология иноязычного акцента, восточноазиатский тип, европейский тип, фонетическая интерференция

Для цитирования: Брезгина А.Э. Проблемы восприятия речи с признаками иноязычного акцента в современной англоязычной коммуникации / науч. рук. В.Л. Завьялова // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 114–124.

Original article

Problems of Foreign-Accented Speech Perception in Modern English Communication

Anastasia E. Brezgina¹

Scientific advisor: Viktoriya L. Zavyalova²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹ Student, brezgina.ae@dvfu.ru

² Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, zavyalova.vl@dvfu.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of perception of foreign-accented speech in modern English-language communication. The theoretical aspects of foreign language accent typology and potential difficulties of perception are considered. The article describes the course of preparation and conduct of an experiment on the auditory perception of East Asian and European accent types in English by Russian-speaking and foreign students. The results show that the typology of foreign accent phenomena in English speech of bilinguals according to the global regional standards is objectively perceived by the participants of the perception experiment, while identifying the speaker's nationality within these standards is likely to be problematic. The proximity of one's own accent in non-native speech to the perceived one contributes to the success of communication.

Key words: English, typology of foreign accents, East Asian accent, European accent, phonetic interference

For citation: Brezgina A.E. Problems of Foreign-Accented Speech Perception in Modern English Communication / sci. adv. V.L. Zavyalova. *Far Eastern Philological Journal*. 2024, vol. 2, no. 2, pp. 114–124. (In Russ.).

Процесс глобализации и повсеместного распространения английского языка не мог не привести к укреплению его положения в качестве средства международного и межнационального общения. Вследствие этого довольно распространенным стало явление билингвизма. Однако региональные варианты английского языка характеризуются значительной степенью фонетической вариативности, актуализирующейся в речи билингвов вследствие влияния лингвоконтактологических факторов. Подобная вариативность воспринимается коммуникантами как иноязычный акцент и ассоциируется с особенностями, возникающими в неродной для говорящего речи под интерферирующим влиянием родного языка [1–3, 8]. Потенциальные затруднения при восприятии речи вследствие присутствия иноязычного акцента могут являться причиной возникновения недопонимания в коммуникации на языке-посреднике.

Проблема изучения иноязычного акцента в аспекте восприятия является актуальной в современных условиях. В социолингвистике данная проблематика непосредственно связана с исследованием социальной стратификации: присутствие иноязычного акцента в речи говорящего является одним из основных факторов при оценке его социального статуса. Особую значимость исследуемый феномен приобретает в теории и практике межкультурной коммуникации. Разница в фонемном составе и специфика просодико-интонационных систем родных языков-коммуникантов влияет на качество звуковой стороны общего для них языка-посредника. В случае, если участники ситуации общения не осведомлены об особенностях иноязычного акцента собеседников, возможны коммуникативные неудачи. С практической точки зрения изучение данного вопроса необходимо при подготовке специалистов в области перевода, так как именно от верного слухового распознавания звуковой формы лексических единиц, грамматических конструкций и интонационных моделей зависит качество переводного текста. Также данная проблема актуальна в сфере методики преподавания иностранных языков, поскольку основной целью обучения иностранному языку является формирование коммуникативной компетенции. Однако современные образовательные программы по английскому языку по-прежнему дают обучающимся знания для взаимодействия исключительно с носителями британского и американского вариантов, в то время как в реальных условиях вероятность

контакта с билингом, для которого английский язык не является родным, значительно выше, чем с носителем английского языка.

Целью данного исследования является выявление особенностей восприятия английской речи с признаками иноязычного акцента российскими и иностранными студентами (гражданами Индии, Египта и Южной Кореи). В исследовании поставлены следующие **задачи**:

1. Подобрать в банке диалектов английского языка аудиозаписи чтения текстов на английском языке носителями корейского, китайского, японского, французского, немецкого и русского языков, а также британского варианта английского языка.

2. Разработать анкету и провести перцептивный эксперимент в группе российских и иностранных студентов.

3. На основании полученных данных определить способность студентов дифференцировать на слух восточноазиатский и европейский типы акцента, а также охарактеризовать особенности восприятия акцентов разных типов.

Особенности восприятия речи на неродном языке и проблема типологизации признаков иноязычного акцента

Владение иностранным языком подразумевает наличие навыков аудирования, то есть смыслового восприятия устного сообщения. При обучении важно выработать такие аудитивные навыки, которые позволят воспринимать звучащую речь целостно, без разделения на форму и содержание. Однако в практике аудирования многие обучающиеся сталкиваются с перцептивными трудностями, вызываемыми рядом факторов: фонетическими особенностями речи говорящего, например каноническими и неканоническими явлениями ассимиляции (в зависимости от стиля произнесения и индивидуальной манеры говорения), различием в наборе дифференциальных признаков фонем в иностранном и родном для слушающего языках (т. е. действием перцептивной интерференции), а также в случае, если звучащая речь принадлежит неносителю языка, несоответствием отдельных звуков и комплекса используемых в речи просодико-интонационных средств ожидаемым перцептивным эталонам данного языка (т. е. присутствием иноязычного акцента в произношении). Последний упомянутый фактор связан с явлением фонетической интерференции, возникающей в сознании билинга в результате взаимодействия фонетических систем родного и неродного языков и, как правило, приводящей к возникновению произносительного акцента в речи на неродном языке [5]. Чем ближе речь неносителя языка к нормативному варианту (например, в случае английского языка – британскому или американскому), тем меньше трудностей возникает при восприятии.

Вышесказанное приводит нас к вопросу о типологизации иноязычного акцента, то есть о выявлении характерных черт, свойственных неродной речи носителей тех или иных иностранных языков и возникающих под влиянием типологии фонетических систем этих языков. Анализ научных работ в области восприятия иноязычного акцента свидетельствует о том, что проблема типологии акцента исследуется преимущественно в социалингвистике с целью установить степень влияния иноязычного акцента на формирование социального портрета говорящего слушающим [10]. Акцент признаётся одним из ярких социальных маркеров, поэтому даже в собственно лингвистических работах подчёркивается фактор понимания социального эффекта иноязычного акцента, связанного с оппозицией “свой-чужой” [7]. В контактной вариантологии английского языка проблема восприятия иноязычного акцента традиционно рассматривается через призму разборчивости (*intelligibility*) и понятности (*comprehensibility*).

Для целей исследования типологии акцентных явлений представляется целесообразным принять в качестве опорной классификацию региональных стандартов английского языка Я. Яно, согласно которой можно выделить шесть крупных групп: европейский английский, азиатский английский, английский стран латинской Америки, арабский английский, африканский английский и англо-американский английский [11, р. 249]. В каждой группе допускается более дробное деление, в частности, в азиатском английском различают южноазиатские, юго-восточноазиатские, восточноазиатские разновидности, внутри которых наблюдается большее структурное сходство. Настоящая работа ограничивается исследованием восприятия русскоязычными и иноязычными билингвами (полилингвами) двух типов региональных стандартов английского языка – восточноазиатского и европейского.

Типологизация явлений региональной акцентной вариативности в восточноазиатском стандарте английского языка проводится в исследовании В.Л. Завьяловой [6]. Метод матричного анализа позволил установить, что фонетические системы китайского (слоγο-морфемного), японского (фонемно-слогового) и корейского (фонемного с признаками силлабизма) языков обнаруживают определённое сходство структуры и внутрислоговой фонемной дистрибуции, отличных от слогового стереотипа английского (фонемного) языка. Кроме того, несмотря на различия в природе ударения во всех четырёх языках и принимая во внимание особую просодию слога китайского языка (наличие этимологического тона), можно говорить о слабой степени выраженности признаков ударения в группе языков Восточной Азии по сравнению с английским – языком ярко выраженного акцентного типа с чётким просодическим контрастом ударных и безударных слогов. Всё вышесказанное объясняет близость явлений иноязычного акцента, возникающих в английской речи носителей языков Восточной Азии, и даёт основание для определения фонетических черт, типичных для восточноазиатского акцента.

Для восточноазиатского стандарта английского языка характерны следующие признаки акцентной вариативности: отсутствие чёткого фонологического контраста согласных по признаку звонкости/глухости, недифференциация звуков /r-l/, замена отсутствующих фонем близкими акустически фонемами родного языка (универсальный признак), появление эпентетической гласной вставки в консонантных кластерах и после согласного в коде английского слога (кроме сонорных), опущение согласных, слоговая перестройка слова по модели СГ+СГ..., отсутствие чётких просодических контрастов ударных и безударных слогов, изменение акцентно-ритмического рисунка слова и фразы за счёт ресиллабации и избыточной паузации, сглаживание мелодического контура и другие.

При рассмотрении особенностей европейского типа акцента, выявление которых осуществлялось на материале контакта английского с русским, немецким и французским языками, установлено, что в большинстве случаев в фонетических системах контактирующих языков представлены условные «аналоги» английских фонем, наблюдается определённая близость слогового стереотипа, присутствуют признаки ударения (хотя и отличной природы). Тем не менее в речи носителей европейского стандарта английского языка также присутствуют разнообразные акцентные явления. Акцент носителей русского языка в речи на английском языке проявляется довольно выразительно, поскольку русский язык отличается от английского языка по ряду параметров фонетической системы, а именно: в русском языке отсутствуют узкие и широкие разновидности гласных, дифтонги, дифтонгоиды; долгота и краткость гласных не несут смысловозначительную функцию (при этом увеличение длительности гласного в слоге является ведущим просодическим признаком ударения); представлена оппозиция

мягкости-твёрдости согласных; нормативно оглушение звонких согласных в конце слова; аспирация отсутствует; нет ряда согласных звуков (например, /w/, /ŋ/, /θ/, /ð/); ударение подвижно; второстепенное ударение имеет слабовыраженный характер [12]. Если говорить о французском и немецком языках, то важно, прежде всего, отметить расхождение в фонографических соответствиях: хотя алфавиты данных языков и английского языка основаны на латинице, произношение некоторых букв отличается, что свидетельствует о потенциале дополнительного интерференционного переноса (фонографической интерференции). Кроме того, в фонетической системе французского языка отсутствуют дифтонги; долгота гласного не влияет на степень его открытости; согласные произносятся очень энергично, на конце не оглушаются; согласные /k/, /g/, /l/ звучат мягко в любом положении в слоге (слове); межзубные согласные отсутствуют; согласный /r/, хотя и может считаться условным коррелятом английского /r/, очень специфичен, в частности, в терминах артикуляторной фонетики классифицируется как увулярный дрожащий сонант; ударение фиксированное, окситональное, дополнительного ударения в словах нет, редукции гласных в безударных слогах не происходит; присутствуют многообразные явления сцепления и связывания внутри ритмических групп [4]. Сравнительный анализ фонетических систем английского и немецкого языков позволяет выявить специфические для последнего характеристики, включая относительную напряжённость гласных монофтонгов, отсутствие дифтонгоидов, наличие характерного твёрдого приступа, энергичность артикуляции согласных, регулярное оглушение звонких согласных в конце слова, отсутствие палатализованных коррелятов у большинства согласных фонем, отсутствие явления сцепления и связывания звуков в речи [4].

Материал и методика исследования

Для достижения цели и решения задач данного исследования в практической части работы были использованы следующие методы: метод анкетного опроса, слуховой анализ, аудиторский анализ, метод анализа и интерпретации полученных данных. В качестве аудиторов в эксперименте приняли участие 32 студента лингвистических направлений подготовки Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), из них 29 носителей русского языка и 3 иностранных студента – носители хинди, арабского и корейского языков. В эксперименте группа иностранных студентов не представлена в должном количестве, однако их участие, во-первых, обусловлено смешанным составом студенческих групп ДВФУ и, во-вторых, подтверждает тот факт, что русскоязычные студенты имеют возможность коммуникации с носителями других языков на английском языке. Возраст аудиторов составляет 18–24 года; все респонденты владеют английским на уровне мезолекта; 28 человек кроме английского владеют в той или иной степени ещё одним (и более) иностранным языком (см. рисунок 1).

На первом этапе работы был подготовлен материал для проведения перцептивного эксперимента, нацеленного на распознавание принадлежности говорящего к одному из исследуемых произносительных стандартов. Из открытого банка записей фонетических акцентов английского языка *IDEA – International Dialects of English Archive* (dialectsarchive.com) [9] – методом слухового анализа были отобраны наиболее демонстративные речевые образцы восточноазиатского (речь носителей китайского, корейского и японского языков) и европейского (речь носителей немецкого, французского и русского языков) стандартов английского языка. В качестве эталонного использовался британский вариант английского языка. Речевые образцы *IDEA* представляют собой два вида речевой деятельности – спонтанную речь (краткое

представление) диктора и чтение идентичного текста на английском языке вслух. Общее время звучания экспериментального банка речевых образцов – 3 минуты 16 секунд.

Количество студентов, владеющих иностранными языками

На следующем этапе была разработана анкета для проведения аудиторского эксперимента и онлайн опроса, цель которого – собрать данные о возможной идентификации российскими и иностранными студентами типа и специфических признаков иноязычного акцента в английской речи дикторов.

В анкету входили два блока вопросов. Блок 1 включал в себя ряд общих вопросов, необходимых для сбора информации об аудиторах (национальности, возрасте, продолжительности изучения английского языка, знании и/или изучении других иностранных языков). Блок 2 содержал ссылки на аудиозаписи и следующий список вопросов:

1. *What type of accent did you hear?* (предлагалось выбрать один ответ из двух предложенных, а именно *European* или *East Asian*).
2. *What nationality is the speaker?*
3. *Can you describe the accent features that helped you identify the type of accent and/or nationality?*

Оба блока вопросов были использованы для создания анкетного опроса с помощью сервиса *Google Forms*. Экспериментальный материал (аудиозаписи из корпуса *IDEA*) был предварительно загружен на сервис *Google Drive* для дальнейшего использования в опросе по ссылке. Всем участникам аудиторского эксперимента была отправлена ссылка на опрос, предложено заполнить данные о себе, прослушать аудиозаписи и ответить на вопросы анкеты. Дополнительная информация аудиторам не сообщалась. Время прохождения опроса составило в среднем 10–15 минут для каждого аудитора. После обработки анкетных данных были составлены сводные таблицы и диаграммы, анализ которых представлен ниже.

Обсуждение результатов

В результате прослушивания первой из семи предложенных в анкету аудиозаписей, принадлежащей носителю **британского** варианта английского языка, 91% респондентов отнесли

данный речевой образец к европейскому стандарту, из них 45% правильно установили национальную принадлежность говорящего. Это объясняется регулярной работой обучающихся с аудио-образцами британского варианта английского языка и осваиванием соответствующих фонетических моделей как эталонных. Согласно правильным ответам респондентов в качестве опорных для определения национальности говорящего послужили следующие характеристики: *интонация, свойственная британскому варианту английского языка; «звук /ɑ:/, не /æ/»; отчетливо произнесённые дифтонги; отсутствие призвука [r] в конце слов.* Очевидно, что респонденты в своих описаниях особенных речевых черт в произношении диктора отталкивались от фонетики американского варианта английского языка, который также используется в практике обучения фонетике в качестве национального стандарта в российских вузах.

При прослушивании второго речевого образца в реализации носителя **китайского** языка 87% аудиторов установили принадлежность акцента к восточноазиатскому типу, при этом правильно определить национальность удалось 48% всех анкетированных. Достаточно высокий показатель можно объяснить двумя факторами: (1) частым взаимодействием студентов Дальневосточного федерального университета с носителями представленного акцента в учебной и внеучебной деятельности и (2) изучением китайского языка как иностранного около 1/3 респондентов (см. рисунок). Из общих черт аудиторами выделены следующие признаки: *интонация, свойственная восточноазиатским языкам, отсутствие «сцепления» слов в предложении («каждое слово произносится отдельно»), нечёткое произнесение дифтонгов, сложности с произнесением звуков /t/, /ð/, /θ/, произнесение звука /t/ как /tʃ/.*

Третий речевой образец в реализации носителя **русского** языка был отнесён к европейскому типу акцента 96,6% респондентов; 88% удалось правильно определить национальность диктора. Примечательно, что 6% опрошенных дополнительно отметили, что данный фонетический акцент характерен для славянской группы народов. Поскольку для большинства участников эксперимента русский является родным языком, трудностей с идентификацией данного типа акцента, как и ожидалось, не возникало. Обобщённая характеристика акцента содержит сравнительные оценки респондентов с отсылкой на фонетические черты родного языка: *интонация, свойственная русскому языку, ударение, аналогичное русскому языку, «ленивая» артикуляция гласных и согласных, отсутствие аспирации, замена звуков /θ/ и /ð/ на свойственные русскому языку согласные /c/ и /z/, «звук /t/ звучит как русский звук /p/», «звук /w/ звучит как /в/».*

Четвёртый образец английской речи, принадлежащий носителю **корейского** языка, 78,1% респондентов идентифицировали как восточноазиатский, однако правильно определить национальную принадлежность диктора смогли всего 31% анкетированных. При этом не все респонденты, давшие правильные ответы, смогли назвать характерные отличия данного акцента; некоторые отмечали, что «следовали интуиции». Тем не менее для корейского английского респондентами были выделены следующие отличительные черты: *сложности с произнесением звуков /ð/, /θ/, замена согласного /z/ звуком /ʒ/, звук /tʃ/ произносится как мягкий согласный /tʃ/ (прим.: в корейском языке палатализация присутствует как явление ассимиляции), звук /t/ произносится как звук /l/, каждое слово произносится отдельно.*

Особая ситуация сложилась с идентификацией пятого речевого образца – английской речи носителя **немецкого** языка: к европейскому типу акцента его отнесли всего 44% аудиторов, соответственно, 56% респондентов восприняли его как восточноазиатский, несмотря на

то, что многие участники эксперимента изучают немецкий как второй иностранный (см. рисунок). Примечателен тот факт, что только 4% анкетированных правильно определили национальность говорящего, а 19% – пришли к выводу, что голос принадлежит носителю русского языка. Это, вероятно, объясняется схожестью фонетических систем русского и немецкого языков. Респондентами не было выявлено характерных особенностей акцента для данного речевого образца, что можно объяснить отсутствием реального опыта взаимодействия с носителями немецкого языка на английском языке.

Шестая аудиозапись – английская речь носителя **японского** языка – была отнесена большинством респондентов (87%) к восточноазиатскому типу акцента, хотя всего 19% правильно установили национальную принадлежность диктора; 33% аудиторов отметили, что такой тип акцента характерен для носителей китайского языка. При работе с данным речевым образцом респонденты затруднялись определить специфику акцента и отмечали, что опирались в основном на интуицию (примеры комментариев: «*своеобразное произнесение звука /z/*», «*большинство согласных произносятся мягко*»). Отметим, что смягчение согласных в английской речи носителей японского языка является результатом отрицательного переноса основной оппозиции согласных родного языка – по признаку палатализованности/ непалатализованности (так называемая *корреляция палатализации*).

Хотя 90% аудиторов идентифицировали седьмой речевой образец, представляющий собой английскую речь носителя **французского** языка, как принадлежащий европейскому типу, всего 34% смогли правильно определить национальность говорящего, а 50% установили, что данный акцент характерен для носителей немецкого языка. Как и в случае с образцом речи носителя немецкого языка, определение национальности диктора – носителя французского языка – вызвало сложности, что также можно объяснить отсутствием у аудиторов опыта коммуникации на английском языке с носителями французского языка. Те респонденты, кому удалось верно определить принадлежность фонетического акцента, отмечали, что ему присущи такие характерные черты, как «*произнесение французского /r/ вместо английского звука /r/*», а также «*смягчение согласного /l/*».

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что в сознании участников эксперимента существует достаточно чёткая дифференциация типов акцентных явлений в английской речи носителей европейского и восточноазиатского произносительных стандартов. Модификации на сегментном и супraseгментном фонетических уровнях дают слушающему сопутствующую информацию о типологии родного языка говорящего, однако не могут являться надёжным источником данных о его конкретной национальной принадлежности. Дополнительные комментарии русскоязычных студентов, которые составляли основную часть группы участников перцептивного эксперимента, свидетельствуют о том, что для билингвов – носителей русского языка восточноазиатский тип акцента в английской речи вызывает бóльшие трудности в восприятии и понимании, чем европейский тип. Сделать аналогичный вывод по отношению к иностранным студентам на настоящий момент не представляется возможным, поскольку группа недостаточно представительна. Учитывая, что акцентные явления в англоязычной речи отмечались и иностранными участниками эксперимента, в перспективе планируется проведение аналогичного исследования с привлечением более широкой аудитории билингвов – носителей различных иностранных языков.

Заключение

Полученные результаты позволяют заключить, что типология акцентных явлений в английской речи билингвов по укрупнённым стандартам – европейскому и восточноазиатскому – объективно воспринимается участниками перцептивного эксперимента, в то время как установление национальной принадлежности внутри данных стандартов может быть проблематичным. Схожесть собственного акцента слушающего в речи на неродном языке и воспринимаемого иноязычного акцента, то есть принадлежность к одному укрупнённому произносительному стандарту английского языка, способствует большей лёгкости узнавания типа акцентных явлений и понятности входящего речевого сообщения. При этом типологическое подобие акцента в общей вторичной языковой системе обуславливается либо генетическим родством, либо типологической близостью родных для билингвов языков. Опорными при идентификации акцента в речи говорящего на неродном языке для слушающего являются как сегментные, так и супraseгментные фонетические средства, хотя во многих случаях восприятие происходит интуитивно с опорой на лингвистическую догадку.

Владение вторым (и более) иностранным языком и опыт взаимодействия с носителями соответствующего фонетического акцента в общей вторичной языковой системе (в нашем случае – в английском языке) положительно влияют на узнавание иноязычного акцента и увеличивают степень понятности речи для коммуникантов. И, наоборот, отсутствие осведомлённости об особенностях акцентных явлений и практики общения с носителем того или иного иноязычного акцента в английской речи может вызывать трудности у участников коммуникации. В такой ситуации слушающему требуется больше времени для перцептивной адаптации к незнакомому типу акцента, что во избежание коммуникативной неудачи делает необходимым обращение к стратегии переспроса для уточнения услышанного. К сожалению, в некоторых случаях, например в ситуации устного официального общения и перевода, это не представляется возможным.

Таким образом, проведённое исследование показывает, что на современном этапе иноязычный акцент, будучи атрибутом англоязычной межкультурной коммуникации, специфичен в разных регионах мира. Формирование укрупнённых региональных стандартов английского языка происходит вследствие общности ареала, на базе национальных вариантов английского языка, функционирующих на территориях стран региона. Типология иноязычного акцента в региональном стандарте наряду с некоторыми общими характеристиками может обнаруживать различия, обусловленные типологическими особенностями фонетических систем отдельных национальных языков. В случае отсутствия у коммуникантов (в частности, переводчиков, журналистов, специалистов в сфере международных отношений и др.) перцептивного опыта взаимодействия с носителями региональных стандартов английского языка необходимо предварительное ознакомление и формирование адаптивных стратегий восприятия иноязычного акцента для успешной коммуникации.

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Виноградов В.А. К проблеме иноязычного акцента в фонетике // Лингвистические аспекты обучения языку. Москва: МГУ, 1976. Вып. 2. С. 28–56.

3. *Вишневецкая Г.М.* Иноязычный акцент как феномен устной речи коммуникантов-билингвов // *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты.* 2018. № 3(34). С. 185–201. EDN: SIUFQH

4. *Голубев А.П., Смирнова И.Б.* Практическая фонетика: сравнительная фонетика английского, немецкого и французского языков: учебное пособие для вузов / под общей редакцией А.П. Голубева. 2-е изд., испр. Москва: Юрайт, 2022. 207 с.

5. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.

6. *Завьялова В.Л.* Звуковой строй английского языка Восточной Азии: концепция регионального фонетического варьирования: дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.20. Владивосток, 2018. 584 с.

7. *Потапова Р.К., Потанов В. В.* Язык, речь, личность. Москва: Языки славянских культур, 2006. 496 с.

8. *Crystal D.* A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th ed. Wiley–Blackwell, 2008. 560 p.

9. *International Dialects of English Archive.* URL: <https://www.dialectsarchive.com> (дата обращения: 10.03.2023).

10. *Moyer A.* Foreign accent: The phenomenon of non-native speech. Cambridge: CUP, 2013. 240 p.

11. *Yano Y.* English as an International Lingua franca: from societal to individual // *World Englishes.* 2009. Vol. 28, iss. 2. P. 246–255. <https://doi.org/10.1111/j.1467-971X.2009.01587.x>

12. *Zavyalova V., Proshina Z., Ionina A., Eddy A., Ivankova T.* Linguistic Features of Russian English // *Proshina Z., Eddy A. (Eds.) Russian English: History, Functions, and Features (Studies in English Language).* Cambridge, Cambridge University Press, 2016. P. 81–120. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139683623.005>

References

1. *Azimov Eh.G., Shchukin A.N.* A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching). Moscow, Publishing House IKAR, 2009. 448 p. (In Russ.).

2. *Vinogradov V.A.* On the problem of foreign language accent in phonetics. *Linguistic aspects of language teaching.* Moscow, Moscow State University, 1976. Iss. 2. P. 28–56. (In Russ.).

3. *Vishnevskaya G. M.* Foreign Accent as a Phenomenon of Oral Speech in Bilingual Communication. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects,* 2018, no. 3(34), pp. 185–201. (In Russ.).

4. *Golubev A.P., Smirnova I. B.* Practical phonetics: comparative phonetics of English, German and French languages: a textbook for universities / under the general editorship of A.P. Golubev. 2nd ed. Moscow, Yurait Publishing House, 2022. 207 p. (In Russ.).

5. *Zherebilo T.V.* Dictionary of linguistic terms. Nazran, Piligrim Publ., 2010. 486 p. (In Russ.).

6. *Zav'yalova V.L.* The sound structure of the English language of East Asia: the concept of regional phonetic variation: Doctor's degree thesis: 02.10.20. Vladivostok, 2018. 584 p. (In Russ.).

7. *Potapova R.K., Potapov V.V.* Language, speech, personality. Moscow, Languages of Slavic cultures, 2006. 496 p. (In Russ.).

8. *Crystal D.* A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th ed. Wiley–Blackwell, 2008. 560 p.
9. *International Dialects of English Archive*. URL: <https://www.dialectsarchive.com> (accessed: 10.03.2023).
10. *Moyer A.* Foreign accent: The phenomenon of non-native speech. Cambridge, CUP, 2013. 240 p.
11. *Yano Y.* English as an International Lingua franca: from societal to individual. *World Englishes*, 2009, vol. 28, iss. 2, pp. 246–255. <https://doi.org/10.1111/j.1467-971X.2009.01587.x>
12. *Zavyalova V., Proshina Z., Ionina A., Eddy A., Ivankova T.* Linguistic Features of Russian English. In: Proshina Z., Eddy A. (Eds.) *Russian English: History, Functions, and Features (Studies in English Language)*. Cambridge, Cambridge University Press, 2016. P. 81–120. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139683623.005>

Статья поступила в редакцию / Received 09.02.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 11.04.2024

Принята к публикации / Accepted 20.04.2024

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/125-132>

Репрезентация информационного содержания концепта «тайга» в повести С.М. Салинского «Птицы возвращаются в сны»

Анастасия Игоревна Красковская¹, Ксения Сергеевна Аксенова²

Научный руководитель: **Наталья Сергеевна Милянчук³**

^{1,2,3} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ Бакалавр, kraskovskaya.ai@dvfu.ru

² Бакалавр, aksenova.ks@dvfu.ru

³ Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
milyanchuk.ns@dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматривается языковая репрезентация информационного содержания концепта «тайга» в повести С.М. Салинского «Птицы возвращаются в сны». Выявляется семантическая структура концепта, включающая такие компоненты, как «животный мир тайги», «человек в тайге», «растительный мир тайги», «водные объекты», «горные объекты», «духи и мифологические обитатели тайги». Анализируются типичные языковые средства реализации выявленных компонентов. Отмечается региональная специфика представления концепта «тайга» в дальневосточном тексте.

Ключевые слова: концепт «тайга», информационная составляющая концепта, дальневосточная литература, художественная картина мира, С.М. Салинский

Для цитирования: Красковская А.И., Аксенова К.С. Репрезентация информационного содержания концепта «тайга» в повести С.М. Салинского «Птицы возвращаются в сны» / науч. рук. Н.С. Милянчук // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 125–132.

Original article

Information Content Representation of the Concept TAIGA in the Novel by S.M. Salinsky “Birds Return to Dreams”

Anastasia I. Kraskovskaya¹, Ksenia S. Aksenova²

Scientific supervisor: **Natalia S. Milyanchuk³**

^{1,2,3} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹ Bachelor, kraskovskaya.ai@dvfu.ru

² Bachelor, aksenova.ks@dvfu.ru

³ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department
of the Russian Language and Literature, milyanchuk.ns@dvfu.ru

Abstract. The article examines the linguistic representation of the information content of the concept TAIGA in the novel by S.M. Salinsky “Birds return to dreams”. The semantic structure is revealed, which includes such components as “the animal world of the taiga”, “man in the taiga”, “the flora of the taiga”, “water bodies”, “mountain objects”, “spirits and mythological inhabitants of the taiga”. The typical linguistic means of identified components’ representation are analyzed. The regional specificity of the concept TAIGA representation in the Far Eastern text is noted.

Key words: concept TAIGA, information component of the concept, Far Eastern literature, artistic picture of the world, S.M. Salinsky

For citation: Kraskovskaya A.I., Aksenova K.S. Information Content Representation of the Concept TAIGA in the Novel by S.M. Salinsky “Birds Return to Dreams”/ sci. adv. N.S. Milyanchuk. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 125–132. (In Russ.).

Станислав Мария Салинский – польский писатель, журналист. Он родился в селе Новокиевское (ныне Краскино), прожил в Приморье до 19 лет, а в 1921 году вместе со своей семьёй был вынужден вернуться на историческую родину – в Польшу. Там он стал известным писателем-маринистом, но в его литературном наследии особое место занимают книги, посвящённые краю, где он родился и вырос. Одна из этих книг – «повесть-сон», «повесть-явь» (такое жанровое определение дал ей сам автор) «Птицы возвращаются в сны».

В книге Салинского о Приморье художественное воплощение получили мотивы и концепты, связанные с Дальним Востоком. Предметом нашего исследования является информационный уровень содержания концепта «тайга», представленного в повести С.М. Салинского «Птицы возвращаются в сны».

Согласно утверждению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, информационное содержание концепта включает минимум когнитивных признаков, определяющих основные, наиболее важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления [4, с. 34]. В лингвоконцептологии информационное содержание концепта принято выявлять за счёт дефиниционного анализа – анализа словарных дефиниций имени концепта, в нашем случае это лексема *тайга*.

В словаре В.И. Даля *тайга* трактуется как «обширные, сплошные леса, непроходимая, исконная глушь, где нет никакого жилья на огромном просторе, кое-где зимовка лесоповальщиков, или кущника, поселяемого нарочно для приюта проезжих» [2, с. 711]. Как видим, в толковании В.И. Даля значимыми являются следующие семантические компоненты: 1) лес; 2) большая территория; 3) дикая, без признаков цивилизации; 4) недоступная для человека.

Словарь Д.Н. Ушакова трактует *тайгу* как «дикий и мало проходимый, преимущественно хвойный лес, тянущийся широкой полосой на севере Европы и Азии до Охотского моря» [8, с. 636]. Д.Н. Ушаков дополняет содержание данного понятия такими семантическими компонентами, как 5) тип леса – преимущественно хвойный; 6) ареал распространения – северная часть европейской и азиатской территории России.

В словаре С.И. Ожегова лексема *тайга* толкуется так: «На севере Европы, Азии и Северной Америки: дикий лес» [3, с. 228]. Таким образом, С.И. Ожегов, с одной стороны, не выделяет отдельно семантический признак «недоступность, непроходимость», а с другой стороны, уточняет признак «ареал распространения» – в его трактовке тайга встречается не только на севере Европы и Азии, но и в Северной Америке.

В Малом академическом словаре приводится следующее толкование: «Полоса диких труднопроходимых хвойных лесов на севере Европы, Азии и Америки» [7, с. 331]. В данном случае новые компоненты не выделяются, а также не учитывается признак «обширность территории».

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова дается следующая дефиниция лексемы *тайга*: «полоса диких труднопроходимых хвойных лесов, занимающая громадное пространство на севере Европы, Азии и Северной Америки» [1, с. 1302]. Это толкование включает все выделенные в ранее изданных словарях семантические компоненты, при этом интенсифицируется признак «обширность территории».

В целом дефиниционный анализ показал, что план содержания лексемы *тайга* имеет следующую структуру:

- 1) «лес» – это ядерный компонент;
- 2) другие значимые компоненты:
 - «дикий»,
 - «труднопроходимый»,
 - «хвойный»,
 - «занимающий обширные территории»,
 - «на севере Европы, Азии и Северной Америки».

Опираясь на дефиниционный анализ имени концепта, можно предположить, что данные семантические компоненты составляют стереотипное информационное содержание концепта «тайга».

Анализ нашего материала показал, что из представленных в словарях семантических компонентов в повести Салинского актуализируются следующие:

1) 3 фрагмента, в которых реализуется стереотипный признак «лес как множество деревьев»:

Тебе хорошо и немного страшно, поскольку в сотне метров от озера начинается кедровая тайга: стройные кедры, устремленные в небо, стоят стеной, и оттуда всегда тянет мраком и дремучей тишиной [6, с. 41];

Власть его далеко не простиралась: всего на несколько десятков километров в глубь континента – до богатых углем и рудой Шкотово и Тетюхе, а также до богатых лесов этого региона [6, с. 177];

Скот разбежался по лесным дебрям, его страшили многочисленные переходы вброд через частые горные речки и потоки [6, с. 241];

2) 2 фрагмента, в которых реализуется стереотипный признак «дикий»:

Память, к примеру, удержала образ Арсеньева таким, каким, по ее представлениям, положено быть первооткрывателю – большим, мощным и громким. Будто он само воплощение Уссурийской тайги, которую путешественник усмирил своими походами [6, с. 18];

Отец ответил как-то неопределенно и без особого желания продолжать тему: дескать, была такая прекрасная, теплая ночь, и мы решили вкусить прелестей настоящего первопроходческого ночлега в диком лесу [6, с. 287];

3) 4 фрагмента, в которых реализуется стереотипный признак «труднопроходимый»:

Напрямую до Владивостока было около двухсот километров, но эти километры предстояло проделать по непроходимой тайге, через дикие долины и по берегам таких же диких рек [6, с. 240];

Скот разбежался **по лесным дебрям**, его страшили многочисленные переходы вброд через частые горные речки и потоки [6, с. 241].

Согласно словарю С.И. Ожегова, *дебри* – «места, заросшие густым непроходимым лесом // Глухая малодоступная местность; глушь» [3, с. 536].

Когда серебряная птица приносит эту ночь в мой сон, как это уже не однажды бывало, то это значит, что я вижу красное зарево в небе на западе, **темную стену тайги**, ртутное стекло морского простора, фанзы, к которым мы приближаемся [6, с. 283–284] – в этом примере данная семантика выражается с помощью метафоры «плотный, непроницаемый массив»;

4) 2 фрагмента, в которых реализуется стереотипный признак «хвойный»:

Один из жителей той земли мазовецкой, еще будучи школьником, прочел книги Бенедикта Дыбовского про уссурийского тигра, а двадцать лет спустя уже сам охотился на уссурийского тигра в **кедровой тайге** на Янчихе [6, с. 151];

Звук смерил **пихту** глазом: чтобы забраться на верхушку такого дерева, понадобился бы, пожалуй, целый день, но нужно иметь при себе целый набор колышков, крючков и веревок, чтобы подтягиваться шаг за шагом все выше и выше [6, с. 270];

5) 2 фрагмента, в которых реализуется стереотипный признак «занимающий обширные территории»:

Косвенно об **обширных тамошних лесах** свидетельствуют неоднократные упоминания о постоянно встречающихся лесопилках и буксирах с баржами, загруженными лесом и пиломатериалами [6, с. 302];

Буксир из Владивостока шел только до Поспелова, а до Подножья нужно было идти пешком по прямой через **горы-леса** [6, с. 123].

В данном примере значение обширности территории выражается грамматически – с помощью формы множественного числа, которая в данном случае, согласно «Русской грамматике-80», «отражает не числовое противопоставление, а соотношения по массе, объему» [5, с. 471], например: *вода* (в реке, в колодце) – *воды* (водные пространства, потоки воды), *песок* – *пески*, *снег* – *снега*, а в нашем примере это противопоставление *лес* (участок земли, поросший деревьями) – *лесá* (большая территория, поросшая деревьями, а не множество таких участков) [5, с. 471].

В одном и том же фрагменте, репрезентирующем концепт «тайга», может одновременно реализоваться несколько семантических компонентов, представляющих стереотипное информационное содержание этого концепта.

Вместе с тем в повести Салинского находит воплощение более широкое представление о тайге в собственно информативном плане. В ходе анализа нами были выявлены следующие дополнительные содержательные компоненты:

6) 8 фрагментов, в которых реализуется когнитивный признак «животный мир тайги». У Салинского тайга – это не просто лес, а лес, наполненный жизнью, многочисленными обитателями. В первую очередь это животные:

«Вот будешь лазать на тот берег, выскочит когда-нибудь из тайги **барс** или **тигр** и разорвет тебя» [6, с. 41];

Поручик Василий Логайда подарил бесценную вещь: небольшой кисет из **оленьей** кожи, а в нем – тот самый таежный табак, который он называл арсеньевским [6, с. 184].

Разнообразие животного мира тайги, её «густонаселённость» выражается не только разнообразием лексики, но и использованием грамматической конструкции «ряд»:

*Леса в это время пустели: от наркотической духоты ландышей **маралы, изюбры, соболи, дикие козы и барсы** убежали к морю [6, с. 124].*

Тайгу населяют не только звери, но и птицы:

*Неподалеку шумели водопады. В гуще ветвей **копошились и щебетали птицы**... [6, с. 281].*

Особенно необычно, что в тайге Салинского обитают морские птицы:

*Все стало другим, только из тайги все так же тянуло тем же самым холодком, запахом трав и чем-то таинственным, а высоко в небе парили **бакланы и альбатросы** [6, с. 178–179].*

К животному миру тайги относятся и насекомые:

*Помню, как мама вскрикнула на пороге, а Арсеньев, совершенно невидимый в дыму, смеялся во весь голос и громко успокаивал ее. Этой черной свечой он в тайге отгоняет от себя **комаров** [6, с. 162].*

*На эти лепестки садились когда-то уссурийские **пчелы**; эти **дикие пчелы** из уссурийской тайги жужжат сильнее и звонче, чем польские в домашнем пчельнике [6, с. 202].*

*Самка **уссурийского жука** откладывает яйца в трухлявые деревья, и требуется целых четыре года, чтобы личинка, вылупившаяся из яиц, превратилась во взрослого **жука** [6, с. 167].*

Примеры с описанием насекомых свидетельствуют о том, как пристально рассматривает герой Салинского жизнь тайги, как он внимателен к деталям, подробностям, тонкостям;

7) 8 фрагментов, в которых реализуется когнитивный признак «человек в тайге»: хотя в стереотипном представлении тайга – место дикое, необитаемое, в текстах Салинского обязательным обитателем тайги является человек, но не простой, а особенный – таёжный человек, охотник:

*Как-то раз отец вместе со своим товарищем-**охотником** (быть может, это был Арсеньев?) взял меня с собой в недалекий путь [6, с. 73].*

Человека может быть не видно, но видны следы его пребывания:

*<...> я вижу красное зарево в небе на западе, темную стену тайги, ртутное стекло морского простора, **фанзы**, к которым мы приближаемся [6, с. 283–284];*

*Отец при мне подробно рассказывал маме о нашем походе и о том, что в последнюю ночь мы ночевали **биваком** в лесу [6, с. 287];*

*<...> была такая прекрасная, теплая ночь, и мы решили вкушать прелестей настоящего первопроходческого **ночлега** в диком лесу [6, с. 287];*

*Целые **банды хунхузов, орудовавших в тайге**, охотились на добытчиков золота [6, с. 280].*

Кроме того, тайга хранит следы пребывания древнего человека:

*На вершине одной из сопок с выкорчеванным вокруг лесом стоял высокий **трехгранный столб** с какими-то знаками на каждой из трех граней [6, с. 73].*

Ещё одну группу составляют примеры, отражающие покорение человеком тайги, конфликт между природой и цивилизацией:

*Через широкую **лесную просеку** они неслись к поселку [6, с. 243];*

*Казаки вели за собою пленных, застигнутых за намывом золота, **в тайге оставались трупы** – пиришество для лесных хищников [6, с. 280];*

8) 7 фрагментов, в которых реализуется когнитивный признак «растительный мир тайги» – этот компонент содержания оказался гораздо более богатым, чем в стереотипном представлении. Во-первых, тайга Салинского и в целом уссурийская тайга – это не только хвойные, но и лиственные деревья:

<...> массивные кедры, вросшие в скалы из кварцевого порфирита и порфира, могучие дубы, пихты, гигантские сосны [6, с. 124];

Подобно нациям и народам, в этом прекрасном краю также было перемешано все: здесь соседствовали тропическая мимоза и северная карликовая береза <...> [6, с. 124].

Во-вторых, тайга Салинского наполнена разнообразными цветами:

Леса в это время пустыли: от наркотической духоты ландышей маралы, изюбры, соболи, дикие козы и барсы убежали к морю [6, с. 124];

Этот очень редкий цветок, тоже реликтовый, так называемая лилия Комарова, встречался и в нашей околице [6, с. 171];

Около источника росли небольшие кустики с очень красивыми цветками, но, когда их срывали, они вяли прямо на глазах – розовые цветки, похожие на розочки, сразу же превращались в гнилой сор [6, с. 247].

В-третьих, к растительному миру тайги у Салинского принадлежит табак, во всяком случае он прочно ассоциируется с тайгой:

Со времени их совместных с Арсеньевым походов он курит только такой табак... Такой знакомый таежный запах! [6, с. 168];

К табаку примешан какой-то травяной сбор. Он добыт в тайге его спутником – Дерсу. Дым крепок, едок, полезен и ароматен [6, с. 20].

Но тайга Салинского – это не только лес с растениями и животными. Особое место в ней занимают:

9) 3 фрагмента, в которых реализуется когнитивный признак «водные объекты» – водоемы, которые обеспечивают жизнь тайги. В тексте упоминание водных объектов создаёт масштаб изображения и эффект обширного пространства:

Напрямую до Владивостока было около двухсот километров, но эти километры предстояло проделать по непроходимой тайге, через дикие долины и по берегам таких же диких рек [6, с. 240];

Скот разбегался по лесным дебрям, его пугали многочисленные переходы вброд через частые горные речки и потоки [6, с. 241];

Неподалеку шумели водопады [6, с. 281];

10) 3 фрагмента, в которых реализуется когнитивный признак «горные объекты» – неотъемлемый атрибут пространства тайги Салинского. Описание перемещения по ним подчеркивает труднопроходимость тайги:

В одном месте, чтобы сократить путь и избежать трудного подъема на острую вершину горы, мы обходили ее у подножия, которое омывалось спокойным морем [6, с. 92];

Чтобы избежать ее от тяжелого подъема по крутому склону, мы объезжаем мыс, подножье которого омывает широкая, спокойная волна [6, с. 182].

Изображение горных объектов может также создавать эффект панорамности:

<...> я видел простор, уходящие в небо сопки и сверкающий золотистый берег [6, с. 46];

11) 7 фрагментов, в которых реализуется когнитивный признак «духи, мифологические обитатели тайги» – этот компонент содержания концепта «тайга» оказался самым неожиданным.

Его наличие позволяет писателю показать тайгу как место, наполненное чем-то загадочным и таинственным, тем, что человеку неподвластно. С одной стороны, это вызывает чувство страха и тревоги, а с другой стороны, благоговение и восторг:

*Тебе хорошо и немного страшно, поскольку в сотне метров от озера начинается кедровая тайга: стройные кедры, устремленные в небо, стоят стеной, и оттуда всегда **тянет мраком и дремучей тишиной*** [6, с. 41];

*Он все глубже вел его в лес из **податливых, расступавшихся стеблей, в лес тишины и воды*** [6, с. 43];

*Все стало другим, только из тайги все так же тянуло тем же самым холодком, запахом трав и **чем-то таинственным**, а высоко в небе парили бакланы и альбатросы* [6, с. 178–179];

*Искать женьшень ночью в тайге, среди тигров и барсов, при свете огней над Пектусаном было, по моим детским ощущениям, **страшиновато**. Тот, кто этим занимался, был почти колдун или демон из сказок Марши Хабаги – ночной демон, который высасывал кровь из людей* [6, с. 204];

*С треском хвоста, подбрасываемого в огонь, и клубами дыма, поднимавшимися между деревьями, **словно привидение*** [6, с. 287];

*Он многократно повторял как **заклинание**: сперва Бог, потом ламаза, а потом – Владимир Клавдиевич. Такую формулу он для себя вывел. Ламаза – на втором месте, потому что Логайда был **родным сыном этой земли и тайги*** [6, с. 179].

Этот компонент реализуется и за счёт отсылок к мифологии коренных народов Приморья:

*Суйфун занимает значительное место **в легендах удэгейцев и местных корейцев*** [6, с. 212].

Таким образом, тайга в картине мира Салинского – это не только «полоса диких труднопроходимых хвойных лесов, занимающая громадное пространство на севере Европы, Азии и Северной Америки» [1, с. 1302]. Тайга Салинского – это пространство, наполненное множеством разных природных объектов (в том числе горных и водных), с большим разнообразием флоры и фауны. В тайге находится место и человеку, и мифологическим существам, которые придают ей загадочность и таинственность. Это место, без которого герой дальневосточной повести С.М. Салинского не мыслит своей жизни.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / под. ред. С.А. Кузнецова. М.: СПб: Норинт, 1998. 766 с.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 573 с.
3. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс, 2009. 1359 с.
4. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 226 с.
5. Русская грамматика / под. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 788 с.
6. *Салинский С.М.* Птицы возвращаются в сны: повесть. Владивосток, 2015. 320 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / Ин-т лингвистич. исследований РАН; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 703 с.

8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт [и др.], 2008. 1239 с.

References

1. The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language. Ed. by S.A. Kuznetsov. Moscow, St. Petersburg, Norint, 1998. 766 p. (In Russ.).
2. *Dal V.I.* Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: selected art. Moscow, OLMА Media Group, 2009. 573 p. (In Russ.).
3. *Ozhegov S.I.* Explanatory Dictionary of the Russian Language: about 100 000 words, terms and phraseological expressions. Ed. by L.I. Skvortsov. 26th ed., corr. and add. Moscow, Onyx Publ., 2009. 1359 p. (In Russ.).
4. *Popova Z.D., Sternin I.A.* Cognitive Linguistics. Moscow, AST: East–West, 2007. 226 p. (In Russ.).
5. Russian Grammar. Ed. by N.Y. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980. 788 p. (In Russ.).
6. *Stalinsky S.M.* Birds Return to Dreams: a story. Vladivostok, 2015. 320 p. (In Russ.).
7. Dictionary of the Russian Language: In 4 vol. RAS, Institute of Linguistic Research. Ed. by A.P. Evgenieva. 4th ed., ster. Moscow, Russian Language; Polygraph Resources, 1999. 703 p. (In Russ.).
8. *Ushakov D.N.* A Large Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language: 180 000 words and phrases. Moscow, Alta-Print [et al.], 2008. 1239 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 19.01.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 07.02.2024

Принята к публикации / Accepted 29.02.2024

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/133-139>

Перцептивная составляющая образного содержания концепта «туман» в текстах Арсения Несмелова

Ксения Сергеевна Аксенова¹, Анастасия Игоревна Красковская²

Научный руководитель: Наталья Сергеевна Милянчук³

^{1,2,3} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ Бакалавр, aksenova.ks@dvfu.ru

² Бакалавр, kraskovskaya.ai@dvfu.ru

³ Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
milyanchuk.ns@dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматривается языковая репрезентация концепта «туман» в текстах Арсения Несмелова как одного из представителей литературы дальневосточной эмиграции. Анализируется реализация стереотипных и индивидуально-авторских компонентов перцептивной составляющей данного концепта – визуальных (цвет, светонепроницаемость), тактильных (влажность, температура, мягкость, тяжесть) и аудиальных (звук тумана, тишина). Выявляются типичные языковые средства и особенности репрезентации концепта в текстах дальневосточного писателя.

Ключевые слова: концепт «туман», образное содержание концепта, перцептивная составляющая, дальневосточная литература, Арсений Несмелов

Для цитирования: Аксенова К.С., Красковская А.И. Перцептивная составляющая образного содержания концепта «туман» в текстах Арсения Несмелова / науч. рук. Н.С. Милянчук // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 133–139.

Original article

The Perceptual Component of the Figurative Concept “Fog” Content in Arseny Nesselov’s Texts

Ksenia S. Aksenova¹, Anastasia I. Kraskovskaya²

Scientific supervisor: Natalia S. Milyanchuk³

^{1,2,3} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹ Bachelor, aksenova.ks@dvfu.ru

² Bachelor, kraskovskaya.ai@dvfu.ru

³ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department
of the Russian Language and Literature, milyanchuk.ns@dvfu.ru

Abstract. The article examines the linguistic representation of the concept «fog» in the texts by Arseny Nesmelov as one of the representatives of the Far Eastern emigration literature. The article analyzes the implementation of stereotypical and individually authored components of the perceptual concept component – visual (color, opacity), tactile (humidity, temperature, softness, heaviness) and auditory (fog sound, silence). The typical linguistic means and features of the concept representation in the texts by the Far Eastern writer are revealed.

Key words: concept «fog», figurative content of the concept, perceptual component, Far Eastern literature, Arseny Nesmelov

For citation: Aksenova K.S., Kraskovskaya A.I. The Perceptual Component of the Figurative Concept “Fog” Content in Arseny Nesmelov’s Texts / sci. adv. N.S. Milyanchuk. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 133–139. (In Russ.).

Арсений Иванович Несмелов (Митропольский) – русский поэт, прозаик и журналист. Как литератор Несмелов состоялся на Дальнем Востоке – во Владивостоке и впоследствии в Харбине, поэтому в его творчестве важную роль играют дальневосточные мотивы и образы. В лингвистике их принято описывать как концепты.

Объектом нашего исследования является концепт «туман» в текстах Арсения Несмелова, а предметом – содержание этого концепта и языковые средства его воплощения.

Источником материала послужили 17 поэтических и 3 прозаических текста А. Несмелова, вошедших в состав двухтомного собрания сочинений [5, 6]. Общий объём текстов – 76 страниц, методом сплошной выборки из них извлечено 36 фрагментов, в которых имеется описание или упоминание тумана.

Вслед за А. Вежбицкой мы понимаем концепт «как объект идеального мира, который имеет имя, определяется набором семантических данных и отражает культурное представление о действительности» [1, с. 549].

В своем исследовании мы опираемся на концепцию, согласно которой содержание концепта имеет трехуровневую структуру, включающую:

- 1) образ;
- 2) информационное содержание;
- 3) интерпретационное поле [8, с. 106].

Образное содержание концепта охватывает всевозможные ассоциации, которые этот концепт вызывает в сознании носителей языка. Как пишут З.Д. Попова и И.А. Стернин, оно, в свою очередь, включает два компонента:

- 1) перцептивный (чувственный) компонент образа;
- 2) когнитивный (метафорический) компонент образа [8, с. 114].

В этой статье рассмотрим языковую репрезентацию перцептивной составляющей образного содержания концепта «туман» в текстах Арсения Несмелова, которая включает чувственно воспринимаемые признаки тумана.

В энциклопедическом словаре *туман* определяется как «масса мелких капель воды, зависающая непосредственно над земной поверхностью и являющаяся причиной плохой видимости» [9, с. 1365].

В словаре В.И. Даля слово *туман* толкуется как «густой пар, водяные пары в низших слоях воздуха, на поверхности земли; омраченный парами воздух» [2, с. 454].

В словаре Д.Н. Ушакова дается следующая дефиниция лексемы *туман*: «непрозрачное состояние воздуха в нижних слоях атмосферы вследствие скопления в нем водяных паров» [10, с. 694].

Словарь С.И. Ожегова трактует *туман* как «непрозрачный воздух, насыщенный водяными парами или ледяными кристалликами» [7, с. 803].

В Малом академическом словаре приводится следующее толкование: «скопление мелких водяных капелек или ледяных кристаллов в приземных слоях воздуха, делающее его непрозрачным» [3, с. 501].

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова слово *туман* толкуется как «скопление продуктов конденсации в виде капель или кристаллов, взвешенных в воздухе непосредственно над поверхностью земли, сопровождающееся значительным ухудшением видимости» [4, с. 681].

Анализ словарных дефиниций имени концепта – лексемы *туман* – показал, что её значение включает следующие семы:

- «состояние воздуха»,
- «насыщенный продуктами конденсации»,
- «располагающийся близко к поверхности земли»,
- «вызывающий ухудшение видимости».

Как видим, дефиниционный анализ выявляет стереотипное представление о тумане, которое включает два компонента, имеющих перцептивную семантику:

«насыщенный продуктами конденсации»;

«вызывающий ухудшение видимости».

Однако в художественных произведениях дальневосточного поэта и писателя перцептивное содержание концепта «туман» оказывается намного богаче.

В результате семантического анализа материала мы выделили следующие компоненты перцептивного образа тумана:

- визуальные;
- тактильные;
- аудиальные.

Анализ показал, что в визуальном образе *тумана* у А. Несмелова важную роль играет цвет. Прежде всего, отражая привычное представление о цвете тумана, Несмелов изображает его белым:

Туман окружил кладбище белым волнистым морем [5, с. 415];

И розоветь, как пар в лучах зари,

И оживать, и наливать телом,

Но дальние заныли звонари

За сопками, в тумане мутно-белом [5, с. 209].

Но чаще всего у него туман голубой:

Штыков позвякивание, котелков...

Дыхание людей, идущих рядом.

Туман, как голубое молоко,

С пятном луны, повисшей над отрядом... [5, с. 392];

– Свои! – Позвякивание котелков,

Тяжелое движение: колонна.

Тумана голубое молоко.

Патронная двуколка. Батальонный [5, с. 395].

Из примеров можно увидеть, что голубой туман ассоциируется у автора с сумерками, вечерним светом. Когда наступает глубокая ночь и становится темно, туман из голубого превращается в синий:

Померкла туманная линия

Далекого берега... Мгла,

Такая немая и синяя,

На озеро с неба сошла [5, с. 191].

Также у Несмелова встречается золотой туман:

По вечерам, когда гудок

Клубил свой медный крик, –

На перекрестке, как бульдог,

Тридцатисильный «Бюик».

Невеста Джо – гудок отвыл –

Шла в золотой туман,

Когда ей Томпсон предложил

Мотор и ресторан [5, с. 356–357].

Здесь мы видим туман золотого цвета, который бывает, когда солнце только начинает близиться к закату и приобретает золотистый, жёлто-рыжий оттенок.

Как видим, цветовые оттенки тумана всегда связаны с воздействием света на него.

Важным визуальным признаком тумана является его «светонепроницаемость». В словарях этот признак даётся в основном как отрицательный: «вызывающий ухудшение видимости» [3, с. 501], «то, что мешает ясно видеть и понимать окружающее» [4, с. 681]. У Несмелова, с одной стороны, это тоже может быть нежелательным явлением:

Это был Быстрицкий, муж Ядвиги. Я узнал его сразу, как только он, как и я раньше, остановился у калитки, чтобы передохнуть, отдышаться. Огромный и тяжеловесный, ещё выросший в мути тумана, он темнел в десяти шагах от меня, как медведь, вставший на дыбы [6, с. 394–395].

Но обычно признак «светонепроницаемости» реализуется у Несмелова либо в нейтральном контексте, либо в положительнооценочном:

– *Это от погоды, – успокоила курьераша. – Туман из Гнилого угла пополз. Всё заволкло!* [6, с. 412];

– *Это я! – ответил Быстрицкий. – Узнаёшь? Муж Ядвиги... Басовые ноты голоса мягко проишлёпали в тумане* [6, с. 395].

В этих примерах туман изображается не просто как белый, белёсый или серый, а как *молочный, молочно-густой* – насыщенный, плотный, непроницаемый. Такой эффект достигается за счёт использования метафорического образа молока:

Действительно, за окном кабинета Воронца всю улицу словно молоком залило. Дома на противоположной стороне её едва намечались [6, с. 412].

«Непроницаемость» тумана порождает особый оптический эффект – искажение видимых объектов, которые от этого кажутся нереальными, приобретают размытые очертания:

Над морскими же далями появилась голубоватая дымка, и в ней паруса рыбацких судов призрачны, ирреальны, словно пригрезившиеся: голубоватая тонкая мгла оседает

к воде лёгким слоем тумана, и корпусов судов не видно. Плывут одни паруса, розовые или лиловые. На эти паруса я и любовался из окна, пригоршнями бросавшего в моё лицо прохладу морского бодрого ветра [6, с. 388];

И вот я оделся и вышел на улицу, сырую и глухую от тумана, с вечера ещё нагнанного с моря. От глухой сырой темноты город был похож на морское дно, и редкие прохожие возникали из мглы и расплывались в ней, как рыбы в нечистом водоёме [6, с. 393].

За счёт этого осуществляется эстетизация изображаемого: обычные, повседневные предметы представляются прекрасными, таинственными, то есть приобретают поэтические черты.

Перцептивное содержание концепта «туман» также предполагает наличие такого признака, как тактильные ощущения: в сознании обывателя туман – это повышенная влажность. У А. Несмелова этот компонент тоже реализуется:

Туман над городом висел вторые сутки, не редая. Молочно-густой, кажется, даже на ощупь влажный, он лип к лицу. «Словно в воде, по дну морскому идёшь!» – подумал с досадой Воронец [6, с. 413];

И туман ещё давит, мокрым-мокры от него и рубашка, и лицо. Липнет бельё к телу [6, с. 414].

Перцептивное ощущение от тумана здесь выражается прилагательными *влажный, сырой, мокрый*, глагольными сочетаниями *липнет к лицу, липнет бельё к телу*. Особый интерес представляют развёрнутые в тексте сравнения тумана с водой: *Словно в воде, по дну морскому идёшь! Город был похож на морское дно, и редкие прохожие возникали из мглы и расплывались в ней, как рыбы в нечистом водоёме*.

В данных примерах отражена степень насыщенности тумана водой: *влажный* указывает на небольшое количество водяных испарений, *сырой* – на более значительную их интенсивность, *мокрый* – это высшая степень насыщенности влагой в стандартном представлении. А Несмелов в своих образных сравнениях вводит абсолютную степень влажности тумана, приравнивая его к воде.

К тактильным признакам тумана у Несмелова также можно отнести его температуру:

Погода испортилась, с моря нанесло облако плотного тёплого тумана [6, с. 412].

В данном примере прямым указанием на тактильные свойства тумана является прилагательное *тёплый*. Но в этом контексте – в сочетании со словами *облако, плотный* – формируется метафорический образ тумана как большого пухового одеяла, которое, несмотря на испортившуюся погоду, согревает человека.

Также у Несмелова туман сравнивается с замшей – на наш взгляд, тоже тактильный образ:

Подует ветер из проклятых нор

Пустынной вулканической Камчатки,

Натянет он туман на зубья гор,

Как замшевые серые перчатки [5, с. 209];

За мглюю – мгла! Сквозь острые проколы,

Распластаны на замшевый экран

(Подобие кровотокащих ран!), –

Огней разбрызганные ореолы...

Туман,

Туман,

Туман... [5, с. 217].

В этих примерах туман сравнивается с замшей, которая обладает бархатистой поверхностью. А. Несмелов вводит очень необычное и яркое сравнение, которое позволяет читателю не только представить, но и физически ощутить, насколько мягок туман на ощупь.

Еще одним тактильным признаком тумана у А. Несмелова является его тяжесть. Часто этот признак реализуется через метафоры:

*Где женщина, поджаривая рыбу,
Смеется, к гостю повернув лицо,
Где ночь, ворча, **приваливает глыбу**
Тумана на дощатое крыльцо [5, с. 217];*

В ходе анализа мы выявили и весьма неожиданный перцептивный признак, который абсолютно не отражен в словарях и отсутствует в стереотипном представлении, – это звучание тумана. Например:

*Туман окружил кладбище белым волнистым морем, **ревушим сумасшедшей сиреной, похоронно звучащим в ударах сигнального колокола** [6, с. 415];*

*Глухое «у-у» **закинула протяжной**
Сиреной невидимки-маяка,
И тяжело своей холстиной влажной
Повис тяжелый парус моряка [5, с. 236].*

Образ тумана сопровождается особым протяжным и печальным звуком сирены, которая в прежние времена использовалась на маяках в условиях плохой видимости (как раз при сильном тумане), чтобы предупредить о близости суши и связанной с этим возможной опасности.

К аудиальным признакам тумана в текстах Несмелова также можно отнести и отсутствие звуков – тишину, безмолвие:

*И вот я оделся и вышел на улицу, сырую **и глухую от тумана**, с вечера ещё нагнанного с моря. **От глухой сырой темноты** город был похож на морское дно, и редкие прохожие возникали из мглы и расплывались в ней, как рыбы в нечистом водоёме. **Никаких звуков. Лишь влажная сырая тишина**, от которой можно было задохнуться. Лишь муть [6, с. 393].*

На наш взгляд, с помощью этих образов реализуется поэтический мотив одиночества.

В целом наше исследование показало, что содержание перцептивного образа тумана в прозе и поэзии Арсения Несмелова значительно богаче, чем стереотипное представление о нём. Во-первых, к привычным для русского человека визуальным и тактильным образам тумана добавляется аудиальный компонент, который регионально обусловлен: он отражает факт, известный только жителям портового города или другой прибрежной местности, где есть маяк. Во-вторых, у А. Несмелова наблюдается более богатая реализация визуального компонента, которая включает не только признак ухудшения видимости, мутности, но и достаточно разнообразное цветовое воплощение. В-третьих, тактильный компонент также обнаруживает дополнительные семантические признаки, такие как плотность и температура. Всё это свидетельствует о том, что для Несмелова туман – не проходной образ, это один из значимых концептов художественной картины мира писателя.

Список литературы

1. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 735 с.
3. *Евгеньева А.П.* Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 791 с.
4. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. М.: СПб: Норинт, 1998. 1534 с.
5. *Несмелов А.* Собрание сочинений. Том I. Стихотворения и поэмы. Владивосток: Рубеж, 2006. 560 с.
6. *Несмелов А.* Собрание сочинений. Том II. Рассказы и повести. Мемуары. Владивосток: Рубеж, 2006. 732 с.
7. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс, 2009. 944 с.
8. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 316 с.
9. *Прохоров А.М.* Большой энциклопедический словарь. М.: СПб: Норинт, 2004. 1456 с.
10. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт [и др.], 2008. 960 с.

References

1. *Vezhbitskaya A.* Semantic Universals and Description of Languages. Moscow, Languages of Russian culture, 1999. 780 p. (In Russ.).
2. *Dal V.I.* Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language: elected art. Moscow, OLMA Media Group, 2009. 735 p. (In Russ.).
3. *Evgenieva A.P.* Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. Vol. 4. RAS, Institute of Linguistic research; 4th ed., ster. Moscow, Russian language; Polygraph Resources, 1999. 791 p. (In Russ.).
4. *Kuznetsov S.A.* A Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow, St. Petersburg, Norint, 1998. 1534 p. (In Russ.).
5. *Nesmelov A.* Collected Works. Volume I. Poems and epics. Vladivostok, Rubezh Publ., 2006. 560 p. (In Russ.).
6. *Nesmelov A.* Collected Works. Volume II. Short stories and novellas. Memoirs. Vladivostok, Rubezh Publ., 2006. 732 p. (In Russ.).
7. *Ozhegov S.I.* Explanatory Dictionary of the Russian Language: about 100 000 words, terms and phraseological expressions. 26th ed., corr. and add. Moscow, Onyx, 2009. 944 p. (In Russ.).
8. *Popova Z.D., Sternin I.A.* Cognitive Linguistics. Moscow, AST: East–West, 2007. 316 p. (In Russ.).
9. *Prokhorov. A.M.* Big Encyclopedic Dictionary. Moscow, St. Petersburg, Norint, 2004. 1456 p. (In Russ.).
10. *Ushakov D.N.* A Large Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language: 180 000 words and phrases. Moscow, Alta-Print [et al.], 2008. 960 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 19.01.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 07.02.2024

Принята к публикации / Accepted 29.02.2024